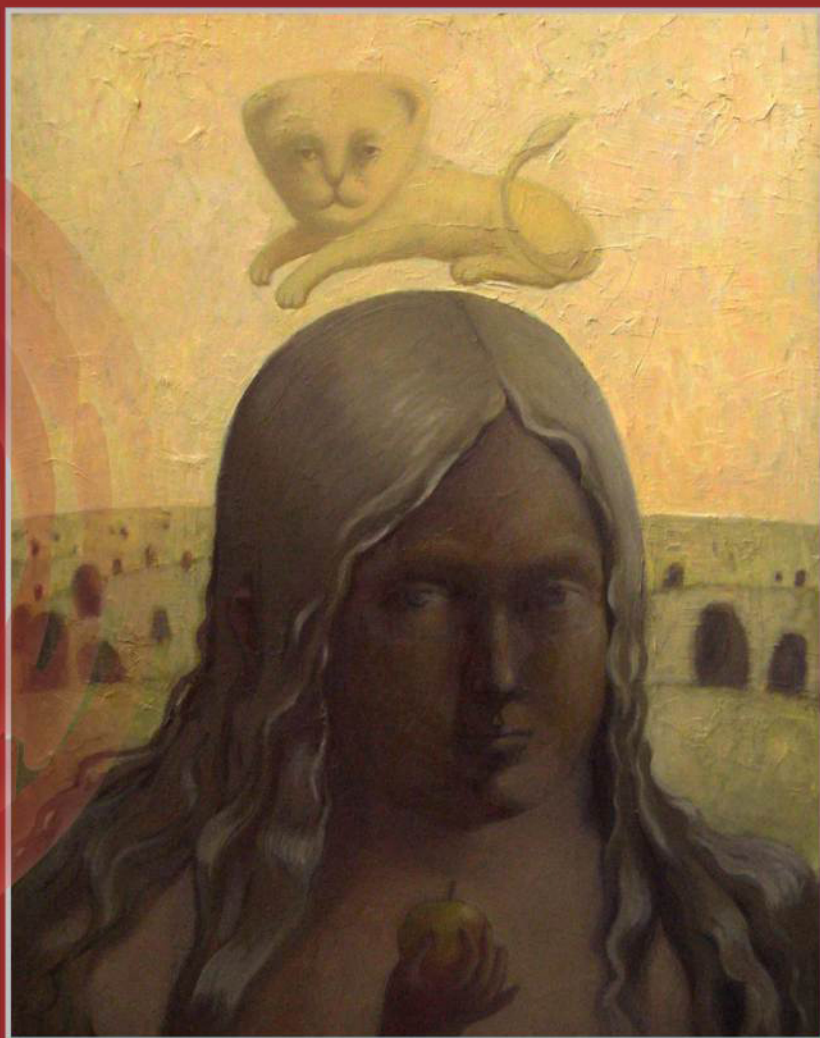

4
2017

Акцент

Уважаемый читатель!

В четвёртом номере журнала много интересного. С первых страниц читатель будет пленён новыми, овеянными несколько старомодным, но вечно юным романтизмом, стихотворениями М. Размысловой, а после них, как в ледяную купель окунётся в поток стремительно развивающихся событий детективной повести В. Давыдова «Педагогическая проблема». Л. Ануфриева представила на суд читателя подборку замечательных стихотворений на коми языке с прекрасным переводом на русский А. Расторгуева. Пьеса А. Попова о том, как дальней коми деревне, в которой осталось всего несколько человек жителей, вдруг появился незнакомец. Кто он? Настоящим сюрпризом для любителей хорошей литературы станет раздел с необычным названием «Икан». Этот небольшой азиатский кишлак, возле которого сотня казаков четверо суток сражалась с десятитысячным войском кокандского хана, стал синонимом воинской доблести для населения Туркестана. Подвигу казачьей сотни посвятил свою поэму «Багрение» А. Расторгуев, а О. Уляшев написал рассказ «Мизя-Паш» о простом коми парне, сражавшемся в составе этой сотни. Загадочные коми календари «пу-святси» с середины XIX века привлекают внимание исследователей, вниманию читателя представлена очередная попытка расшифровки календарной символики в статье Н. Сивкова «Булгарский след в создании зырянского календаря-святцы». Раздел «Арт-факт» порадует читателя публикацией Е. Шубницыной о графике XIX века, изображавшей Северный Урал и Припечорье, а также представит работы молодого, но перспективного художника А. Масловой. В журнале «Ы» маленькие рассказы Г. Немчинова – по мотивам фольклорных быличек, сказка А. Луппины «Дедко» – о выращенном из китайского «витамина» коми домовом, а также – небольшое интервью С. Тырон с режиссёрами Е. Мосовой и А. Кольчуриным о фестивале «Артика», проходившем в октябре этого года в Доме дружбы.

**Павел Лимеров,
главный редактор**

АРТ

6+

Содержание

Проза. Поэзия.

Литературная критика

М. Размыслова. Стихотворения	4
В. Давыдов. Педагогическая проблема. Повесть	14
Л. Ануфриева. Кывбурьяс	69
А. Попов. «Аттьё, бур йёзёй». Пьеса	78

Икан

Подвиг Иканской сотни	101
А. Расторгуев. Багрение. Поэма	104
О. Уляшев. Мизя-Паш	127

Зырянские шӧудш

Н. Сивков. Булгарский след в создании зырянского календаря-святцы.	136
--	-----

Арт-факт

Е. Шубныца. Образы Печорского Приуралья в изображениях XIX–начала XX вв.	144
А. Онишко. Выставочный проект «Сверхъестественный отбор» Анастасии Масловой	152
И. Романова. «Художник – животное социальное»	156

“Ы”

Г. Немчинов. Вӧвлӧмторьяс	178
А. Лупшина. Дедко	180
С. Тырон. «АРТика» нуӧдны отсаліс чудь	190

Сыктывкар, 2017

20 ЛЕТ
ВМЕСТЕ

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республика литература, публицистика,
история, культурология да художественный журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

*Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов
осуществляется при государственной поддержке
Администрации Главы Республики Коми.*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители:

Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр», АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Новикова Н.М.

Главный редактор – Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136,
тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

© Журнал «Арт», № 4 (81) 2017 г.

Подписано к печати по графику 23.11.17. Фактически 23.11.17. Дата выхода в свет 30.11.17.
Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.

Тираж – 1200 экз. Заказ – . Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет
заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС П4453

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

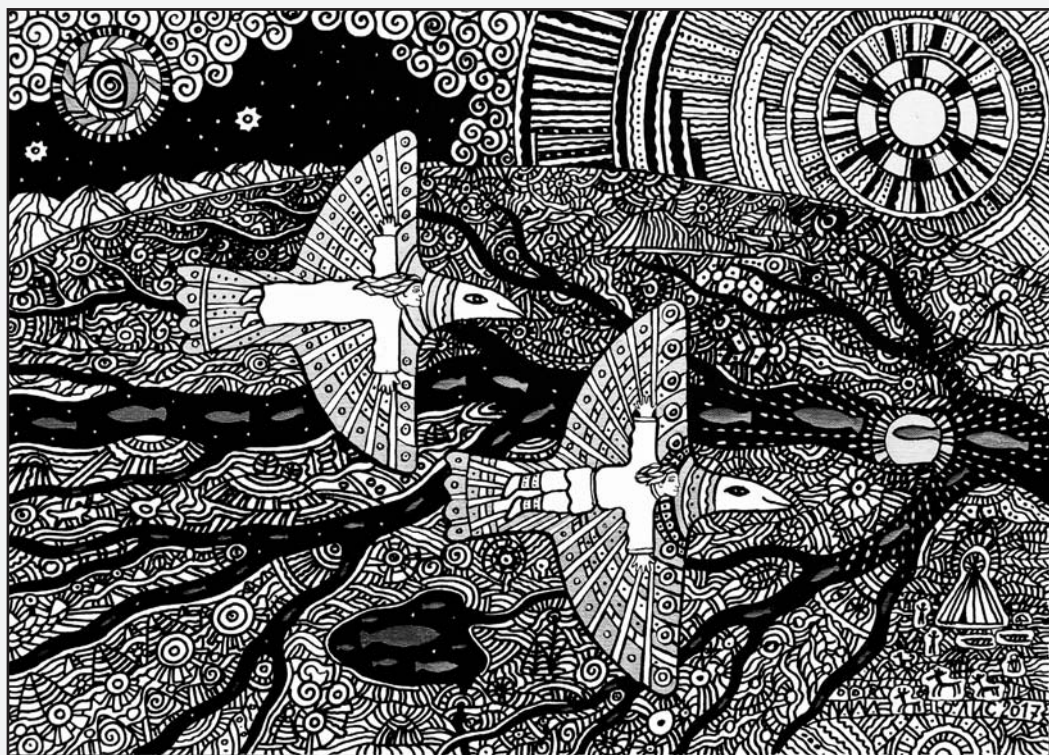
В оформлении обложки использована работа А. Масловой «Август». 2014 г. Холст, масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧзӧдтӧм гижӧдъяс редакция оз рецензируйт и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во
ӧти кывйӧ авторъяскӧд.

Проза. Поэзия. Литературная критика

Мария Размыслова

Размыслова Мария Михайловна родилась в 1992 году в п. Ярега. Стихи печатались в коллективных сборниках Сыктывкара, Петрозаводска, Екатеринбург, в альманахах «Белый бор» и «Перекличка», в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Арт», «Юность» и «Встречи» (Чита). Автор сборника стихов «Без четверти восход». Живёт в Сыктывкаре.

«Увы, несносный романтизм...»

Перед боем

Дождь отстукивает тыщу за тыщей,
Неотвратный, как сигналы отбоя.
Кабы спеть – да не спугнуть бы затишье,
А о чём нам говорить перед боем?

Посидим же... Протяни торопливо
Руку к рации. В повязке другая.
Эта женщина тебя – в хвост и в гриву, –
Нелюбимых так навряд ли ругают.

«Поберёг себя разок бы!..» Молчишь ты.
Нет иной сегодня правды на свете,
Чем глаза двадцатилетних мальчишек,
За которых – хоть пропасть, а ответить.

Мы сейчас выносим раненый город –
Это быстро отучает от жестов.
Свой, чужой... Не будь высоких раздоров,
Всем хватало бы на шарике места!

Разве пуля разберёт, коль не мил ей,
Хоть в грязи окопной, хоть меж тузами?
...На лице твоём застыло немирье
Беспоощадно голубыми глазами.

Что же душу так и тянет открыться,
Где обстрелам – ни конца и ни края?
.....
– Не разглядывай мне руку, сестрица,
Нынче я тебе и сам погадаю.

Утешение

И я ринусь по ступенькам – от стыда или восторга? –
Позабыв название пьесы, время года, город, век.
У ворот качнётся створка, посочувствует галёрка,
И, как милостыню, ветер мне швырнёт вдогонку снег.

И всё дальше с каждым шагом от несказанного слова
Станут сумерки каналов уводить меня, шепча:
«Успокойтесь, не печальтесь, это всё уже не ново;
Видите: весь мир на месте, ангел – около плеча».

Три столетья не сменили духа этих переулков.
Кони скачут. Где-то плачут. Ноги месят вечный март...
Кто придумал этот город – музыкальную шкатулку,
Чьи пружины не распутать даже с лучшими из карт?

Но когда прольётся вечер, покрывая все загадки,
Неудачные свиданья увлекая в полутьму,
Мне кивнёт, знакомый странно, господин в плаще-крылатке, –
А уж он-то, несомненно, понимает, что к чему...

Яблоки на войне

Солнце-часовой замерло в зените.
Затаился лай дальнего огня.
В сотый раз ворчит ангел твой хранитель,
Что спасти таких – вымокнет броня.

Шли через село, где дома пустели,
Да из-за плетня наклонился сад.
– Командир, гляди: яблоки спели.
Видно, добрый знак – к Спасу в аккурат...

От стрельбы, однако, пока не деться.
Короток и скуп наш любой привал.
– Помните, в войнушку играли в детстве?
Кое-кто конкретно недоиграл...

Было всё: и в пальцах окурки зябли,
И в экране ложью давилась весть...
А запомним вкус тех военных яблок,
Принятых с ветвей – как из рук невест.

Актёру

In memory of Alan Rickman

Рождайся. Падай. Будь превыше мер.
И в зал гляди, – невидяще и зорко, –
Как восхищённо «бис!» вопит галёрка
И чинно аплодирует партер.

Но слёзы – приз не в меру дорогой!
Их берегут к закрытию спектакля.
Ведь у галёрки свой талант – не так ли? –
Смеяться, плакать, как никто другой...

Наивность

– В слякоть нарядилась, как на бал!
Так недалёко и до простуды...
– Пусть! Лишь те заслуживали чуда,
Кто в любую слякоть его ждал!

Никнет перед голосом сердец
Наш рассудок – редкостный зануда...
Коль наивность не достойна чуда,
Кто ж его достоин, наконец?!

Flamma carissima

Если, склоняясь над книгами древними
Иль над ретортой в очажном дыму,
Словно над дремлющей в чарах царевною,
Я твою суть без остатка пойму, –

Воспоминания почерком бисерным
Вспыхнут и свяжутся в стройный ответ,
И назову тебя Flamma carissima –
Формула, коей прекраснее нет.

Сам не пойму, как нашёл это имя я,
Кто ниспослал за утраченный сон –
И не герметику, и не алхимию,
А мастерство, что не знает имён.

Образ твой, огненной кистью рисуемый,
Будто в легенде, забытой давно...
Только живительными поцелуями
Мне ли тебя пробудить суждено?

Пусть. Я и так с тобой связан немислимо
Этим обрывком письма на полу.
Огонь мой возлюбленный, Flamma carissima.
Пара ладоней, простёртых к теплу.

* * *

Зачем мы держим курс на огонёк?
И мотыльки порой летят на пламя;
Но не костёр нас манит языками,
А встреча с теми, кто его разжёт.

Ты можешь разбираться до седин
В сплетениях природного устройства,
Но человека основное свойство –
Лишь в том, что он не должен быть один.

Предрассудки

А что любовь? – лишь пережиток,
Эпохи прошлой недобиток,
Как херувимчики с открыток
И маскарад.
Истрёпан весь до белых ниток
Её наряд.

А верность? – только предрассудок,
Терзания в течение суток,
Что победит легко рассудок
И вольный нрав,
Да повод для флигельных шуток
Про старый шкаф...

Поэзия? – так, помрачение,
Ленивых школьников мученье,
Наивных школьников увлечение
И чудаков.
И было б это огорченьем,
Не будь стихов?

Всё, что под кличкой «благородно», –
К реальной жизни непригодно.

.....

Но я скажу кому угодно,
В любой момент:
Сочту я слово «старомодный»
За комплимент!

* * *

Пока нам, идеал обманчивый,
Не по пути...
– А можно Вас представить мальчиком
Лет десяти?

Усмешка просится: «Не слишком ли?»
Я не солгу:
Вот Вы – с растрёпанною книжкою
На берегу.

На чёрно-белом фотоснимке Вы
В ряду детей...
Вам не остаться невидимкою,
О юнга Грэй!

Как странно видеть Вас и весело
Сквозь лет прибор
Не только другом и ровесником –
Почти собой!

И дело не в судьбе, что выпала,
Не в сходстве лиц,
А в том, что детство наше выплыло
С одних страниц.

– Предстаньте мне – таким же мальчиком,
Хотя б на час!
И корабельный город мачтами
Кивнёт – за Вас.

Сердолик

Молчанье – ожиданиям сестра.
Молчит строка, хоть просится наружу;
И путники, бредущие сквозь стужу,
Ещё не различают свет костра.

Об истинах, таящихся под ними,
Молчат обложки нераскрытых книг,
И спит в песке Маринин сердолик,
Не зная, чья рука его поднимет.

Жогной Жогвартс

Глаза за стёклами очков
Полны нахальных светлячков.
– Прекрасно. А теперь – я жду признания,
Куда же в полуночный час
Вас понесло на этот раз?
Опять на подвиг? Или на свиданье?

И вот строптивый ученик
Орёт: – Пустите воротник!
Спасибо, что на месте не прибили!
Вы, сэр, уже взялись учить,
С кем на свиданья мне ходить,
Как будто вы когда-нибудь любили?!

В усталом взгляде – лёд и сталь:
– Что толку вам читать мораль?
(И без того врагом меня ты числишь...)
Двух фраз достаточно вполне:
Умерь прогулки при луне!

И не суди о том, чего не смыслишь.

* * *

Увы! несносный романтизм!
Он проступает сквозь чернила,
Как бы насмешливая жизнь
Его из строк ни выводила.

Мы упускаем всякий раз
Нечаянных волнений сладость, –
Эпоха приучила нас
Считать чувствительность – за слабость.

И всё же... мы стоим порой,
Как в нарушение всех приличий,
Привлечены – о Боже мой! –
Какой-то песенкою птичьей.

Тогда мне верится, друзья:
Дела у нас не так уж плохи,
Ведь, коли слышишь соловья, –
Не всё ль равно, в какой эпохе?

И ветви рощи столь тихи,
Пронизаны полдненным светом,
И лезут в голову стихи,
Хоть ты не просишь их об этом!..

Марк

В ту самую ночь, когда Учителя брали под стражу,
При зыбком факельном свете металась по саду мгла
Под гогот и брань: «Стоять! Ещё одного повяжем?» –
«Да нет, какой-то мальчишка. Сбежал в чём мать родила...»

...В ту ночь он не смог уснуть, чего никогда не бывало,
И, наспех покинув ложе, рванул за Ним по пятам;
И – еле сбежал, оставив в руках солдат покрывало,
В той самой одежде, которой так устыдился Адам...

А после – глядел на холм, глядел и беззвучно плакал,
Когда грозовая туча пожрала солнце, как лев.
«Удрал нагишом, как трус, как ярмарочный зевака!
А если бы смог...» И снова корил себя, онемев.

Развеется жёлтая пыль под натруженными ногами,
Оливы в саду Гефсиманском не раз успеют процвести,
Но будет день – ученик за чистый сядет пергамент
И выведет твёрдой рукою два слова: «Благая Весть».

Барабанищица

Марине Цветаевой

Ветер трогает знамёна.
Эта дама у окна
Неприступна, как Юнона,
И как статуя бледна.

Вслед драгунам, кирасирам
Чуть кивая свысока...

В красном рукаве мундира –
Полудетская рука!

И в таких-то нежных пальцах
Браво палочки гремят?!
– Пусть другие шьют на пальцах!
Мой удел – играть парад!

Кто тебе окрасил щёки
В цвет червонного туза?
За одним, за невысоким,
Ты глядишь во все глаза.

Вот – махнул, смеясь:
«Я вижу,
Выбор мой не так-то прост...
Берегитесь, перл Парижа!
Брали ж мы Аркольский мост!»

И в ответ ему с балкона
Не улыбка. Так, туман...
– Есть сердца – что бастионы,
А моё же – барабан!

...Смолкло эхо над полками
От последнего «виват!».
Взор тяжёл.
«Удача с нами
До сих пор держалась, брат...

Власть с тоскою, видно, сёстры.
Сон придёт – и тотчас зришь:
Есть на океане остров...
Не слыхал о нём, малыш?»

(Скоро, скоро в марш-атаке
Оживёт твой барабан!)
– Ах, тот сон ваш – только враки,
Поэтический дурман!

Посветлел воитель хмурый,
И размылся вдалеке
Призрак крошечной фигуры
На опальном островке...

И победной раскатилось
Дробью – вопреки слезам:

– Верьте, верьте, ваша милость,
Я и там вас не предам!

Виктор Давыдов

***Давыдов Виктор Сергеевич** родился в 1950 году в г. Камышлов Свердловской области, вырос в Кузбассе. После школы работал матросом на Волге, грузчиком. Окончил институт иностранных языков в г. Горьком, выезжал в двухгодичную командировку в Южный Йемен. С 1975 года в Республике Коми на комсомольской и партийной работе. С началом перестройки на оперативной работе в МВД Республики Коми, полковник милиции в отставке. Имеет государственные награды. Автор серии историко-приключенческих романов «Влюбиться в резидента», «Два портрета с бульвара Монпарнас», «Отложить до победы», «Тайский массажист». Дипломант литературного конкурса МВД РФ «Доброе слово». Член Союза писателей России. Живёт в г. Сыктывкаре.*

Педагогическая проблема

(Повесть)

Глава первая

...Негромкий стук в дверь заставил вздрогнуть мужчину и женщину, сидящих за кухонным столом. Мужчина приложил палец ко рту, на цыпочках прошёл к двери и прислушался. За дверью было тихо. Неслышно ступая, он вернулся в кухню, устало опустил на табуретку, машинально вытер ладонью пот со лба. Стук повторился. Женщина бросила на мужчину затравленный взгляд. Тот, как заворожённый, глядел на большой кухонный нож, лежащий около газовой плиты. Через мгновение со стороны двери послышался лёгкий щелчок замка. Похоже, кто-то за дверью имел ключ от этой квартиры. Женщина оцепенела от ужаса. Мужчина схватил нож и, спрятавшись за косяк, решительно замахнулся...

«Врач-нарколог Карасёв, ученик профессора Щукина, выводит из запоя за три сеанса...» – как всегда реклама ворвалась на телевизионный экран в самый напряжённый момент фильма. Небрежно причёсанная женщина лет пятидесяти, сидящая в кресле перед телевизором, облегчённо переведя дыхание, потянулась к стоящему на столе стакану с водой. В ту же секунду в прихожей громко хлопнула входная дверь. Женщина вздрогнула и выронила стакан. Вода растеклась по скатерти, стекая струйками на пол.

– Полина, ты где? – донёсся возбуждённый мужской голос. Ответом была гневная тирада, в «стихах и красках» поясняющая нахождение дамы в конкретных не столь отдалённых и широко известных местах.

– Ты на кого лаешь? – медленно, со значением, не оставлявшим иных толкований его дальнейших поступков, начал заводиться хозяин голоса. В следующее мгновение в проёме двери показался мужчина лицом постарше женщины, с мощным выхлопом дешёвого портвейна.

– Да ладно, Петя, чего там, – осознав глубокую серьёзность его намерений, виновато заторопилась Полина. – Ну а где же мне быть-то? Сударики уж на свиданку не зовут, видать, товарный вид потеряла, – распахнув старенький халат и кокетливо поведя грудью, попыталась она отшутиться.

Самокритичная оценка Полиной своей фактуры слегка успокоила супруга, и вспыхнувшая, было, агрессия уступила место озабоченности.

– Ты вот тут в очередную Санту-Барбару пялишься, сопли развесила, а у нас на площадке опять кто-то лампочку вывернул. С третьего по пятый этаж лампочки есть, а на первом этаже и на нашем абу*. Ведь только вчера вкрутил новую... пацаны что ли опять балуют? Ну, попадётся вы мне, – и он погрозил кулаком виртуальным воришкам. – Вот пойду на принцип, сяду в коридор и буду смотреть в глазок, покудова этих крыс не отловлю.

– Ты что, сторож, на работе не насиделся? – снова не выдержала хозяйка. – Вы, гражданин, часом не из «пионерского фонарика»? Иди-ка сюда, лучше послушай, что я скажу.

Заговорщицкий тон жены заинтриговал хозяина. Опыт семейной жизни с Полиной показывал, что за подобным тоном, как правило, скрывалось что-нибудь любопытное. Подошёл поближе.

– Утром, в аккурат как я за хлебом-то ходила, разговорилась со Степановной с третьего подъезда, – зашептала она. – Та и говорит, что вчера ближе к вечеру встретила у подъезда Славку Харитонову...

– Погоди, чё-то я не догоняю? Славка же сидит, – в полный голос насторожился муж, но Полина только отмахнулась. – Тише ты, громогласный. Выходит, уже отсидел. Так и сказал ей, мол, вышел на волю с чистой совестью.

– Ага, с чистой совестью. У него на месте совести, сама знаешь, чего выросло, – фыркнул Петро. – Погоди, погоди... Он заходил или выходил?

– То-то и оно, что выходил. Дошло?

Петро знал, что его сосед Харитонов Александр из двадцать восьмой квартиры недели две, как уехал с женой к родне в Брянскую область. Обещался быть к концу месяца, то бишь через неделю. В квартире никого не осталось, по вечерам света в квартире не было. Значит...

– Видать, Сашка брату ключи оставил, – жена, как прочитала его мысли. – А теперь самое главное, – снова перешла она на шёпот, – Степановна по секрету шепнула, что

*Абу – коми нету.

когда Славка шёл вдоль дома, она посмотрела на окна харитоновской квартиры и увидела, как из-за шторы кто-то следил за Славкой. Выходит, он там не один...

Петро почувствовал, как неприятный холодок начал растекаться по телу. Насколько хорошо он относился к соседу, настолько терпеть не мог его брата. Знал Славку с молодых лет и в разговорах с Полиной называл не иначе, как дурнем и понтырщиком, хотя при встречах всегда вежливо здоровался. Тот, когда пришёл из армии, был хоть и отвязным, но более или менее нормальным парнем – когда трезвый, часто приходил к Сашке в гости. Даже как-то жил у брата целый месяц, когда очередная жена прогнала из дому.

Тогда-то и приревновал Петро свою Полину к Славке, был повод. На этой почве по пьянке однажды драться схватились и, не появившись Сашка, дело мало не кончилось смертоубийством. Полину он тоже крепко поучил, да так, что та даже заявление в милицию отнесла. Но на следующий день забрала обратно, мол, чего в семье не бывает, дело житейское. Благодаря соседу, он замирился со Славкой, но обиду не забыл.

Проблема была в том, что он, Петро, работая шофёром в ДРСУ, в сорок шесть лет умудрился попасть в аварию, покалечиться и получить инвалидность. С шоферов пришлось уйти в сторожа, работа непыльная, сутки через двое. На зарплату да пенсию по инвалидности жить было можно, тем более, что Полина по вечерам работала уборщицей. Так что всё бы хорошо, только вот случилось у него после аварии частичное расстройство по мужской части...

Как он обрадовался, когда вскорости после той их ссоры Славку замели за участие в разбойном нападении на магазин со стрельбой и присудили пять лет лагерей. Петро и забыл про него, а тут на тебе появляется этот понтырщик да ещё в опасной близости от Полины. Славка-то на восемь лет моложе, да ещё после лагерей стосковался, небось, по бабам. Короче, действовать надо было немедленно...

«Получается, живёт он у брата тишком, да не один, а с каким-то бродягой, который тихарится. Вон даже лампочку на площадке выкрутили от любопытных глаз. Рупь за сто, к чему-то готовятся. Короче, надо «на всякий пожарный» цынкнуть, куда следует...»

– Ты мне гляди, – для порядку погрозил он жене кулаком, не вдаваясь в подробности. – Ладно, пойду, курну на улице, – проверил присутствие в кармане куртки мобильного и вышел. Жена проводила его взглядом, полным злорадства ко всему ихнему неверному мужичьему племени.

На самом-то деле вовсе не Степановна, а она сама встретила нос к носу со Славкой у подъезда. Вот только разговор у прежних любовников не получился. На ходу поздоровавшись, бывший ухажёр только весело хмыкнул: – Что-то подистрепалась ты, подруга... – и убежал, даже не остановившись. Такой обиды Полина снести не могла. Сто пудов там в квартире за занавеской пряталась его новая сударушка. Ну, она им медовый месяц-то подпортит. Знала Полина, что Петро не простил Славку, знала, что испугается его соседства рядом с ней. Да и лампочки каких-никаких денег стоят...

Глава вторая

Где-то над головой заскрипели половицы, послышались глухие мужские голоса. Отключившееся от окружающей действительности усталое сознание активно сопротивлялось возвращению в рабочее состояние, однако, голоса в квартире наверху

набирали громкость, и лежащий на кровати мужчина нехотя открыл глаза. За окном смеркалось. По часам выходило, он проспал около часа. Слегка пошевелившись, почувствовал, как затекла правая рука. Выпростал её из-под головы белокурой молодой женщины, мерно дышащей ему в подмышку, и невольно залюбовавшись её молодым телом, ощутил возрождение отдохнувшего основного инстинкта...

Но едва его рука нежно прикоснулась под одеялом к горячему бедру подруги, притихшие, было, наверху мужики загомонили пуще прежнего. Что-то стеклянное упало на пол и зазвенело осколками, следом раздался пьяный мужской мат и пронзительный женский крик, сопровождаемый истошным лаем собаки в квартире справа.

– Вот охломоны, – расстроено крякнул мужчина, чувствуя, как резко отрицательно среагировал на пьяный скандал его основной инстинкт. – Слушай, Наталья, я уже второй раз слышу этот дурдом. На полатах люди бают, на печи собаки лают... Тебе не надоело?

– А как-то привыкла, – поёжилась под одеялом Наталья. – Так по жизни бывает: живут в доме приличные люди. Умирают, переезжают, но каждый раз на их месте такие же нормальные появляются. А вот с этими не повезло.

– Может, в полицию обратиться? Могу помочь.

Женщина только усмехнулась.

– Так они же не каждый день партизанят, а через два дня на третий. Трезвые вроде нормальные люди, а как получка...

– А поменяться не пробовала?

– Пробовала. Только, как говорят хохлы, «нема дурних, усе переженились». Квартира-то у меня хорошая, но желающие меняться, как про соседей проводят, так «задний ход дают». Ты, Толя, ещё про соседку снизу не знаешь. Родственники сплавил старую бабу и носа не кажут, а она еле ходит, но при этом завела у себя целую стаю кошек. Убирать за ними не убирает, такой срач устроила, – огорчённо махнула она рукой. – Летом, когда окно открывает настежь, сюда такой амбре поднимается, хоть святых выноси. Соседи предложили помочь убраться, так она наотрез отказалась, всех и вся боится. В общем, совсем из ума выжила.

Глубоко вздохнув, женщина замолчала. Замолчал и Анатолий, о чём-то задумавшись.

– Послушай, Натаха, – вдруг порывисто придвинулся к ней, обнял. – Переезжай-ка ты ко мне. Я тут на днях имею шанс, как нынче говорят, неплохие бабки срубить. Продам свою двушку, куплю трёшку, всем нам места хватит. Соглашайся, я на полном серьёзе. А эту свою можешь сдавать, деньги лишними не будут.

Женщина улыбнулась, поцеловала его в щёку, взъерошила волосы. Встала с кровати, небрежно набросила халат, подошла к трюмо. Приподнявшись, он увидел в трёхстворчатом зеркальном отражении тело полуобнажённой красотки с обложки мужского журнала. Набрякшая от горячих ласк и безмятежного короткого сна упругая женская плоть вновь всколыхнула в нём горячую волну желания. Однако Наталья, поймав его страстный взгляд и прочитав нескромные мысли, только печально улыбнулась и запахнула халат.

– Пойду, поставлю чай, – прошла на кухню и забренчала посудой. В другой ситуации она уже нынешним вечером собрала бы вещи и перебралась к этому поселившемуся в её душе мужчине. Вот только огромного размера «НО» не позволяло ей безоглядно решиться на этот шаг...

Почувствовав изменившееся настроение подруги, мужчина тоже поднялся. Оделся, подошёл к окну. Нынешняя зима неожиданно рано заявила о себе в полный голос. Снег беспрерывно валил вторые сутки, город медленно, но верно превращался в единый громадный сугроб, испещрённый проезжей частью улиц, на расчистку которых едва хватало сил и средств коммунальщиков. О дворах и говорить было нечего. Заваленные снегом автомобили, стоящие перед домом, в надвигавшихся сумерках смотрелись, как тщательно замаскированные долговременные огневые точки.

Он усмехнулся, поймав себя на мысли, что его сравнения один в один совпадают с теми, которыми оперировал герой прочитанного им ещё в школе романа Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Анатолий и фамилию этого героя запомнил – Керженцев, лейтенант-сапёр. В памяти сохранился эпизод из книги, как тот летом сорок второго года в Сталинграде, сидя с девушкой на высоком берегу Волги, вдруг не к месту выпалил: – Хорошее место для пулемёта. – Увидев недоумённое выражение её лица, пояснил: – Извините, я сейчас на любой пейзаж смотрю с точки зрения организации в его пространстве оборонительного рубежа.

По правде сказать, первое, что тогда пришло в голову юноше, переживающему мощный гормональный всплеск, как же по этой схеме окружающий мир воспринимает врач-гинеколог? Годы минули с тех давних пор. Долгие годы, в которые его, Анатолия Карманова, ныне отставного майора инженерных войск, не раз посещали разного рода фортификационные сравнения. Почти полтора десятка лет было отдалено военной службе, и если бы не тот нелепый случай, спровоцировавший серьёзное расстройство здоровья и целую кучу других проблем... он досадливо покачал головой, помассировал затылок. Теперь вот преподаёт ОБЖ в средней школе.

– Чай или кофе? – донеслось из кухни. «Кефир», – горько пошутил он про себя, вслух согласившись на зелёный чай. Сев за стол, взял чашку, отхлебнул, грустно посмотрел на подругу.

– Я знаю, что тебя мучает. Но рано или поздно решать-то всё равно придётся.

– Кстати, ты заметил, что последнее время он изменился? Колючим стал, нервным. На уроках на меня даже не смотрит...

– Отставить. Ты тут ни при чём. Переходный возраст, взрослеет помаленьку. На днях его одноклассник на улице в его присутствии девочку из их класса обозвал нехорошим словом, так он на этого парнишку, как коршун накинудся. Хорошо, один мой знакомый рядом проходил, разнял их. С одной стороны, факт положительный, а с другой... нервный он стал, вспыльчивый. Это я во всём виноват, – он встал, обнял её, провёл рукой по волосам. – Ладно, на днях, думаю, с деньгами всё решится, вот тогда сяду с ним и поговорю. Откровенно, по-мужски. Обещаю. Чтобы у моей милой учительницы словесности окончательно не сложилось обо мне мнение, будто «...только в одном ему счастье было, что волосы из носу шибко росли».

– Болтун, – ласково погладив его по руке, она бросила взгляд на часы и ойкнула. – Тебе же идти надо.

Будучи человеком «казённого воспитания» – сразу после школы поступил в военное училище, – Карманов крайне редко опаздывал и каждый раз переживал, укоряя себя за неаккуратность. Именно за этим занятием на автобусной остановке и застал его звонок офицера военкомата, отвечающего за работу с призывниками. Внезапный приезд проверки из штаба округа нарушил его планы, и назначенная встреча пере-

носились на «после отъезда». Облегчённо вздохнув, Карманов направился домой.

Он выходил из «Магнита» с пакетом продуктов, когда увидел на другой стороне улицы знакомую мальчишескую фигуру. Это был его сын Антон, и он явно куда-то спешил. Ну, мало ли у сына интересов, пусть себе идёт по своим пацанским делам, кабы не одна существенная проблема – последнее время парня, как будто подменили, их отношения ухудшались с каждым днём. Анатолий несколько дней назад попытался, было, серьёзно поговорить с сыном, однако, разговор принял такой неожиданный оборот, что количество седых волос на голове отставного майора резко прибавилось. И не в переходном возрасте тут дело. Полчаса назад, пообещав подруге поговорить с сыном, он знал, что новый разговор состоится только после его визита на следующей неделе в соседний областной центр. Завуч уже пообещала организовать ему подмену.

А пока, снедаемый недобрым предчувствием, Карманов в киношных шпионских традициях поднял воротник, втянул голову в плечи и медленно потопал по своей стороне улицы вслед за Антоном. В магазинчиках, аптеках и офисах зажёгся свет, и мальчишка был как на ладони. Но тот дошёл до конца дома и внезапно свернул за угол. Карманов крикнул от огорчения и сник, решив, что потерял парня. Однако, сделав по инерции ещё несколько шагов, вновь приободрился. Антон стоял в тёмном проходе между домами и разговаривал с каким-то невысоким сутуловатым мужчиной в тёмном пальто и меховой шапке.

Рядом была автобусная остановка. Подойдя к ней, он смешался с людьми и продолжил наблюдение. Мужчина стоял к нему спиной, лица его не было видно. О чём-то поговорив, они быстро расстались. Сын сунул в карман куртки какой-то свёрток, переданный мужчиной, а тот, приобняв мальчишку, потрепал его по плечу и шагнул в обратную сторону.

Антон снова вышел на освещённую улицу и пошёл обратным путём. В свете последних событий бывшего майора так и подмывало перебежать улицу и разобраться с незнакомцем, но рядом с тем уже стоял вынырнувший откуда-то высокий мужичок в серой матерчатой куртке на ватине и чёрной шапочке, надвинутой на глаза. Они оба посмотрели вслед мальчишке, на ходу перебросились несколькими фразами и разошлись. Высокий ушёл в темноту, а который в пальто, не спеша зашагал по другой стороне улицы в обратную от сына сторону.

Немного успокоившись, Карманов решил, не форсируя события, по возможности установить незнакомца. Для чего и пошёл за ним по своей стороне улицы, не упуская того из виду.

Через десять минут мужик привёл его на соседнюю с кармановским домом улицу к видавшей виды пятиэтажке. Аккуратно осмотревшись, объект наблюдения юркнул во второй подъезд. Дверь была оборудована кодовым замком, но его неисправное состояние обеспечивало свободный доступ в подъезд всем желающим. В том числе и Карманову, которому позарез был нужен адрес квартиры, посещаемой сутулым. Он на ходу оглядел себя. Мужик, каких сотни, возвращающийся с работы с полным пакетом продуктов, вряд ли вызовет подозрение у того, кто вошёл первым, если тот захочет провериться. «Слушай вводную: ты устал от нелюбимой работы, замучен кризисом, не обращаешь ни на кого внимания, поднимаешься на пятый этаж, звонишь в любую квартиру и спрашиваешь Галю Пузикову», – как опытный режиссёр начинающему актёру объяснил он себе, кого и как должен он сыграть в предлагаемых обстоя-

тельствах. Шагнул в подъезд и услышал, как над головой хлопнула дверь. «Похоже, на втором этаже, боковая справа», – Карманов прибавил шагу. Так и есть, квартира 28, у двери комочки не успевшего растаять снега.

«Ну и что тебе даёт эта информация? Кто эти люди и что им надо от твоего сына?» После недавнего разговора с Антоном ощущение надвигающейся беды прочно поселилось в его душе. Через несколько дней он собирался ехать в соседний город, но как теперь оставить парня одного после увиденного сегодня? Сплошные вопросы, голова кругом... Ладно, прежде всего, успокойтесь, товарищ майор, идите домой и всё хорошенько обдумайте», – приказал он себе и в совершенном раздрае чувств повернул к дому.

Глава третья

– Можно, Александр Николаевич?

Хозяин кабинета, начальник уголовного розыска городского управления внутренних дел подполковник Александр Голуб недовольно охнул, снимая верхнюю одежду и определяя её в шкаф.

– Ну, коли уж зашёл, проходи. Знаешь, Гаврилыч, о чём я сейчас подумал, выходя из министерства? Ни в жизнь не догадаешься. Об выйти на больничный... недельки этак на две. А перед этим засадить полный стакан, чтобы забыть всю эту нашу бесконечную карусель, от которой уже глаза в разные стороны разбегаются. И чтобы твоя скорбная физиономия на две недели в разные стороны разбежалась, – Голуб скорчил свирепую гримасу косоглазия.

Капитан Борис Коюшев, ладный молодой парень лет тридцати, два месяца назад как назначенный исполняющим обязанности его зама, весело хмыкнув, сел за приставной столик.

– Ну, вот опять скорбная. Повторяетесь, Александр Николаевич, что-то подобное я недавно уже слышал. Опять, наверное, воспитывали?

Начальник только рукой махнул.

– Чай будешь? – и, не ожидая ответа, включил в розетку чайник. – Ну, и что у тебя нового да плохого? Хотя, стоп, отставить. Физиономия у тебя нынче хищная, нюхом чую, чем-то интересным пахнет. Давай, авантюрист, начинай возвращать старика в рабочее состояние.

Коюшев заслужил у Голуба прозвище «авантюрист» за свою неиссякаемую оперскую фантазию и иногда не к месту прорывавшуюся бесшабашность. Парень на прозвище не обижался, отшучиваясь, мол, слово это происходит от итальянского «Avanti», что в переводе на русский означает «Вперёд». Жена у него преподавала французский язык в лицее, вот он и нахватался всяких иностранных слов и выражений. Даже известное латинское обращение к императору перед боем перефразировал на свой лад. Вместо «Ave, Caesar, morituri te salutant», что означало «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть тебя приветствуют», часто произносил, входя в кабинет начальника, когда у того было хорошее настроение: «Аве, товарищ Голуб, идущие вперёд вас приветствуют».

– Тут, короче, такая тема. Полчаса назад сорока на хвосте принесла, что в квартире 28, что по улице Красногорской, в доме номер 19 в последние дни нарисовался некто Вячеслав Харитонов. Помните такого?

– Харитонов, Харитонов... – Голуб выключил дымящийся чайник. – Погоди, вспомнил. Харитонов Вячеслав, сто шестьдесят вторая, разбой, по-моему?

– Ну, вы, Александр Николаевич, компьютер. Точно так, часть вторая. Дали пятерик, отмотал от звонка до звонка. Короче, это квартира его брата, тот в отпуск с семьёй уехал. Так вот, якобы, с ним в квартире кто-то тихарится...

– Ну и что? – равнодушно пожал плечами Голуб. – Бабу, небось, снял и душу отводит. Тебе чёрный или зелёный?

И.о. выбрал зелёный. Пополоскали чайные поплавки в кружках.

– Вот и я сперва так подумал. Но... – Коюшев поднял палец и взял многозначительную паузу. – Помните информацию по Тихону?

Голуб отлично помнил агентурное сообщение о том, что трижды судимый рецидивист Тихонов собирается на какое-то серьёзное дело в их городе. Тихон появился то ли три, то ли четыре месяца назад, куда-то отъезжал, потом снова возвратился. Ни в каких других информациях не фигурировал, вёл себя очень осторожно, никого из пытавшейся подобраться агентуры к себе не подпускал. И местонахождение его пока не удавалось установить.

– А с какого боку тут Тихон?

– Так они вместе на одной зоне «чалились». Только когда Тихон уже отмотал своё, Харитонову ещё год оставался.

– Любопытно... – протянул майор.

– Короче, предлагаю дать задание на скрытое наблюдение за гражданином Харитоновым, – и Коюшев торопливо достал из папки заполненный бланк.

– Ишь, какой быстрый, – скривился Голуб. – Мыслишь ты грамотно, только твои соображения насчёт контактов этих двух «пассажиров» ничем не подтверждены. Чистая игра твоего разгорячённого авантюристического разума, а для наружки, как тебе известно, нужны серьёзные основания. Давай пока вот что сделаем: кто у нас сейчас на этой земле участковым? Сорокин?

– Сорокин, – кивком головы подтвердил Борис.

– Значит, найди его и попроси через часок подъехать ко мне. Попрошу его сегодня вечером совершить рейд по харитоновскому дому и по второму подъезду, в частности. В порядке плановой профилактики. Он парень с головой, разберётся. И принеси для него фотки Тихона и Харитонova.

На шестом этаже в комнате сына горел свет.

«А что если прямо с порога атаковать Антона? Оглушить рассказом об увиденном и потребовать объяснений? По крайней мере, хоть какая-то ясность появится. Но тут очень важна первая фраза. От неё зависит, как поведёт себя Антон, что ответит...» – медленно поднимаясь по лестнице, Карманов подбирал беспримысленный вариант начала разговора. Остановился у двери, повернул ключ в замке и нос к носу столкнулся с Антоном, стоявшим в верхней одежде со спортивной сумкой в руках.

– Ты это куда? – растерявшись, спросил он сына.

– В школу на тренировку, – буркнул Антон, прошёл мимо отца и вприпрыжку побежал вниз.

– Не задерживайся, – крикнул вслед Карманов и прислушался. Ответа не последовало. «Вот и поговорили... – он закрыл дверь и в чём был, прошёл на кухню. Бро-

сил пакет на стол и обессиленно опустился на табурет. Ему вдруг до жути стало жалко себя. Как всё-таки в армии было проще. Он приказывал, подчинённые брали под козырёк, и проблемы, так или иначе, решались в нужном ключе. Бывали, конечно, единичные попытки непослушания. Но в таких случаях в командирском арсенале для строптивых имелся внушительный комплекс доходчивых методов воспитания.

И потом, когда уволился из армии по состоянию здоровья и перешёл в МЧС, под руками всегда имелись отработанные рычаги воздействия на нерадивых сотрудников. И перейдя на работу в школу, быстро почувствовал к себе уважительное отношение не только со стороны педколлектива, но и со стороны учащихся. За годы службы выработалась строевая выправка, характерный командный голос, да и за словом в карман никогда не лез, любого озорника мог приструнить без посторонней помощи. А главное дело – предмет свой – он знал досконально, ребята это чувствовали, поэтому, наверное, и конфликтные ситуации были чрезвычайной редкостью.

Вот только куда это всё исчезает, когда он начинает разговаривать с Антоном? Чувствует себя, как вчерашний выпускник училища, назначенный командиром взвода. И, к сожалению, знает причины, по которым ему не удалось подобрать ключик к душе ребёнка...

...Бог не дал им детей с покойной женой. Он ещё служил в армии, когда решили усыновить детёночка из детдома. Факт усыновления договорились держать в секрете. И после переезда на новое место жительства никто, кроме них двоих, не знал эту историю.

Поначалу всё шло нормально, воспитанием мальчика занималась жена, он же дневал и ночевал на службе. Образ жизни практически не изменился и когда перешёл в МЧС – частые командировки ограничивали общение с сыном. И после внезапной кончины жены от сердечного приступа Карманов не придумал ничего лучше, как пригласить на помощь из Подмоскovie тётю, сестру отца.

Поначалу одинокая пенсионерка, бывшая учительница младших классов, никогда не имевшая своих детей, прямо-таки вспылала желанием помочь племяннику. На радостях, что удалось удачно вырулить из сложной ситуации, Карманов открыл тётке секрет появления ребёнка в их семье. И, как оказалось, сделал самую большую глупость в своей жизни.

Педагогический энтузиазм пожилой женщины быстро угас, ей вдруг всё стало в тягость: малогабаритная двухкомнатная квартира, в которой она была вынуждена делить быт с двумя мужчинами; «невоспитанность» Антона, который, вернувшись из школы, сразу нёсся на кухню и садился за стол с немытыми руками; его шумные друзья, которых он приводил домой, не спрашивая её разрешения. Обо всех его «выходках» тем же вечером докладывалось в его присутствии отцу, который был вынужден принимать меры, дабы не впасть в немилость у тётки, каждый раз грозившей отъездом. Мало-помалу дело дошло до того, что мальчишка стал всё чаще задерживаться на улице. Отец пробовал убеждать родственницу в смягчении режима воспитания, но безрезультатно. Ему бы поставить её по стойке «Смирно», а он не решился, дал «слабину».

Скандал разразился на ровном месте: то ли из-за неубранной грязной посуды, то ли из-за друзей, которых Антон привёл, не спросив тётки. Как выяснилось, парень начал ей дерзить, а она в пылу ссоры, забыв данное племяннику клятвенное обеща-

ние, поставила ему в вину детдомовское прошлое. Сын нашёлся к полуночи следующего дня в сомнительной компании в какой-то общаге. Утром Карманов посадил тётку на ближайший самолёт в Москву. А что толку?

Как фугасным снарядом, внезапно ударившая в сознание, недавняя уличная сцена вмиг разметала взрывом в разные стороны поток воспоминаний Карманова, а его самого подбросила с табурета и швырнула в комнату сына. Этот свёрток, который вручил сыну мужик в пальто, наверняка, должен быть где-то здесь...

Включил свет, огляделся. В комнате царил обычный беспорядок. Не раз и не два пенял он на это Антону, но тот привычно пропускал отцовы наставления мимо ушей. Карманов принципиально не позволял себе рыться в вещах сына, но сегодня, охваченный дурным предчувствием, отбросил принципы в сторону.

Как там наука учит осматривать помещение? По часовой стрелке. Начав с письменного стола, ничего постороннего в ящиках не обнаружил. Проверил постель и перешёл к платяному шкафу. Тот же результат. Открыл створку книжного шкафа. При тётке это место занимала её кровать, а шкаф стоял в большой комнате, но после отъезда тётки, Карманов поменял место его «дислокации». Переставил в комнату сына, справедливо полагая, что шедевры русской и зарубежной классической литературы должны находиться у молодого человека во время подготовки к урокам на расстоянии вытянутой руки.

К сожалению, интерес сына к литературным шедеврам был чрезвычайно рациональным. Задали что-то прочитать – прочитает, выписать что-то – выпишет, но на этом его отношения с классической литературой и обрывались. До следующего урока. А чтобы самому из интереса за Льва Толстого или Набокова с Гюго взяться, так это не про него. Да что Антон, всё их нынешнее поколение от классики, как от чумы шарахается, а на переменах, в автобусах на своих мобильниках все как один в какие-то бестолковые игры режутся, бесконечно переписываются друг с другом или, так называемую, музыку слушают. Максимум, если кто бульварное чтиво листает или фэнтези.

Да что уж о классике говорить, если их даже приключения не волнуют. Жюль Верн, Майн Рид, Александр Беляев, книги, которых он, Карманов, читал запоем. Помнится, в детстве очень дорожил зачитанным до дыр томиком Майн Рида «Белый вождь» и «Квартеронка», случайно забытым кем-то в поликлинике. А сейчас вон целое собрание сочинений Майн Рида на полке стоит ни разу не тронутое.

«Отставить, почему нетронутое? Только что в прошлый выходной пыль протирал, все книжки ровненько по ранжиру построил, а сейчас они вразнобой торчат...»

Он выдвинул из покривившегося ряда несколько книжек, заглянул внутрь и увидел небольшой свёрток, перевязанный скотчем. Отложил книги, взял свёрток, и сердце заколотилось с бешеной скоростью.

«Неужели тот самый?»

Дрожащею рукой достал из кармана таблетку, сунул в рот. Отдышался, нашарил взглядом на письменном столе ножницы, схватил и осторожно взрезал обёртку и... показалось, на секунду выключилось сознание, правда, в следующую снова включилось мыслью: «Тренировка в школе только началась...»

Решение пришло мгновенно. Правильное или неправильное, время покажет. Как в старом анекдоте про обезьяну: Что тут думать? Прыгать надо!

Глава четвёртая

Вбежав в вестибюль школы, запыхавшийся Карманов нос к носу столкнулся с директором школы Богдановым.

– Что-то припозднились, Анатолий Фёдорович? Случилось чего? – в тусклом свете вестибюля пригляделся сквозь стёкла очков директор.

– Никак нет. Парень у меня тут на тренировке без ключа, – нашёлся Карманов, – а у меня срочная нужда по делам отлучиться. Вот хочу ключи ему оставить.

– Понятно, – кивнул Богданов. – Мне вот тоже срочно понадобились кое-какие данные для завтрашнего совещания в администрации города. Кстати, я на машине, если то-ропитесь, могу подбросить.

Богданов пришёл на школьное хозяйство два неполных года назад. Будучи почти ровесниками, они довольно скоро нашли общий язык. Директор уважал Карманова за богатую биографию, за умение быстро находить общий язык с учащимися. За то, что в педагогических спорах с преимущественно женским коллективом, часто поддерживал шефа, а это, учитывая сложившийся авторитет преподавателя ОБЖ, соответственно приводило к нужному результату. И ещё за то, что бывший майор никогда не интриговал, не вступал ни в какие «внутрипартийные» коалиции и разборки, короче, вёл себя, как и подобает настоящему, хоть и отставному офицеру.

Карманов же ценил директора за то, что тот не чинился, не выпячивал своё directorство, относился с пониманием к семейным проблемам учителей и его, в частности, всегда шёл навстречу в разнообразных жизненных ситуациях, коих в последнее время у отставного майора набралось изрядно.

– Благодарю, Николай Алексеевич, было бы кстати. Я сейчас быстро туда-сюда.

Проходя с директором по коридору, Карманов услышал бодрую телефонную мелодию, ставшего классикой популярного спортивного марша. «Эй, вратарь, готовься к бою, часовым ты поставлен у ворот...»

– Телефон нашего физрука, – усмехнулся Богданов. – Оставляет его в учительской, не любит отвлекаться во время тренировок на звонки. Между прочим, физрук вашего Антона на хорошем замечании держит, в команду собирается включить на соревнования. Он вам ещё ничего не говорил?

– Пока нет. Но это радует.

– Как с сыном-то ладите? – поинтересовался Богданов, когда Карманов вышел на улицу и уселся рядом с ним в новеньком «Шевроле».

– Воюем, – грустно хмыкнул отец.

– Может, он из-за Натальи на вас осерчал?

О романе Карманова с учительницей русского языка и литературы Натальей Ковалёвой было известно всему педагогическому коллективу. Собственно, ничего предосудительного в этом не было: она одинокая молодая женщина, он вдовец. И, по слухам, имел в отношении Ковалёвой очень серьёзные намерения. Коллег волновало, как сын Карманова, находящийся в апогее переходного возраста, поладит с мачехой.

– Никак нет, Николай Алексеевич, здесь другое. Полагаю, через неделю всё прояснить. Я тут у завуча пару деньков попросил...

– Она мне докладывала. Нет вопросов, – согласно кивнул директор и включил указатель поворота. Повиляв между сугробами, выехали на одну из хорошо очищенных улиц.

– Куда дальше? – вопросительно глянул директор.

Дворники отважно отмахивались от сыпавшихся вперегонки на лобовое стекло пушистых снежных хлопьев. Карманов, вглядевшись в темноту, сориентировался.

«Отсюда до дому минут семь быстрым шагом. Тренировка закончится минут через десять. Успею...»

– Спасибо, Николай Алексеевич, разрешите я здесь выйду. До завтра.

А в это время в УВД начальник угро Голуб проводил инструктаж с участковым Сорокиным.

– Задача, Валентин, такая. Прокинься по подъездам этого дома, поговори с людьми. Поспрошай, не появлялись ли последнее время новые жильцы. Мол, обстановка серьезная, угроза ИГИЛ, профилактика терроризма, надо ухо остро держать. Короче, в таком вот разрезе. Ты парень грамотный, найдёшь, что сказать.

– Я так понимаю, нас всё-таки интересует что-то конкретное?

– Ну, вот я же не зря отметил, что ты парень грамотный. Нас интересует, кто сегодня, сей момент, – подполковник сделал ударение на последних словах, – обитает в квартире номер двадцать восемь. Хозяин с хозяйкой Харитоновы, вполне себе законопослушные граждане, сейчас на выезде. А по нашей информации на хате временно окопался брат хозяина Вячеслав. Откинулся после пяти лет заслуженного отдыха за разбой. Баклан, случайно попал в группу налётчиков. А может, грамотно подтянули раздолбая. Кстати, раньше с ним не приходилось сталкиваться?

– Нет, я ведь только полтора года, как к вам перевёлся.

– Понятно. На, взгляни, – Голуб передал участковому фотографию. Сорокин внимательно рассмотрел фото.

– Могу взять?

– Конечно. И ещё одного пассажира запомни, – Голуб подвинул к краю стола отскеренный листок. – Тихон, рецидивист. Они на зоне вместе отдыхали. Есть опасения, что он прибыл к нам и что-то серьёзное затевает. Возможно, прячется у Харитонова.

– Харитонов курит?

– А тебе зачем?

– Ну... вдруг не курит, а в квартире запах.

– Резонно. Сейчас попробуем узнать, – Голуб поднял трубку: – Гаврилыч, не знаешь, Харитонов курит? Понятно. Узнай и позвони. И про Тихона узнай.

– И ещё, товарищ подполковник. Если я столкнусь с Тихоном, мои действия?

Начальник розыска упреждающе поднял руку.

– Никакой самостоятельности. Спокойно уходишь и при первой возможности звонишь нам.

– Ясно. Разрешите идти?

В дверь постучали, на пороге появился Коюшев.

– Товарищ подполковник, только что в дежурку позвонил какой-то мужик и предупредил про квартиру на Красногорской. Сказал, у них оружие есть, – скороговоркой зачистил он.

– Тот же самый, который звонил?

– Вот именно, что другой. И номер телефона другой. Сказал и сразу выключился.

Голуб откинулся на спинку стула, помолчал.

– Ты на машине? – неожиданно спросил Коюшева. Тот кивнул. – Ну, что, Гаврилыч, появилась отличная возможность заняться личным сыском. Поезжай с Валентином, и подежурьте у дома аккуратненько, вдруг да что-то и кого-то увидите, представляющего оперативный интерес. Стоп, а как капитану шпионить, ежели он у нас в форме?

– Может, заехать к нему переодеться?

– А если ничего путного не дождёться и придётся ходить по квартирам, а участковый должен быть по всей форме? Опять переодеваться? погоди, у тебя же задние стёкла тонированные. Короче, двигайте сразу на место, не теряя времени. Спрячешь его на заднем сидении, а там будет видно, идти ему по квартирам или что-то другое нарисуеться.

Им повезло. Подъезжая, увидели, как из скромного ряда легковушек, стоявших перед домом – коммунальщики ещё не успели почистить двор, одна выехала.

– Прямо как из верхнего ряда зубов один вышибли, а мы типа протеза вставились, – мрачно пошутил Коюшев, занимая освободившееся место. Оно оказалось в аккурат напротив тускло освещённого входа в третий подъезд. Слева от них стояли несколько легковушек, за ними возвышалось раскидистое дерево, к ветвям которого во множестве приклеились снежные охапки и клочки. За деревом прямо против второго подъезда едва угадывалась густо посыпанная снегом детская площадка.

Сложность заключалась в том, что по прямой до второго подъезда было метров двадцать пять – тридцать, а светильник на столбе не горел. И лишь благодаря светящимся окнам, можно было более или менее рассмотреть тех, кто заходил и выходил из подъезда. Ну, и Коюшев шестикратный бинокль прихватил.

Окна квартиры выходили во двор, балкон был не застеклённый, света в окнах не было. Договорились, что за окнами и за входящими-выходящими людьми наблюдать будут по очереди, каждый по 20 минут, чтобы глаза не утомлялись, тем более, что лёгкие снежинки, кружась в воздухе, затрудняли наблюдение. Первым взял бинокль Коюшев, но не разглядел ничего интересного. Так, дети, женщины, несколько мужчин, которые, по его мнению, никак не походили на Тихона. Когда пришла очередь Сорокина, сыщик, чтобы расслабиться, стал делать упражнения для глаз.

– Надо плотно закрыть ладонями глаза и настойчиво вглядываться в темноту, – с этими словами он обхватил лицо руками и замер. – Прямо тьма египетская.

– Слушай, Борис, – подал голос участковый. Они были примерно одного возраста и в одном звании, так что сразу перешли на «ты». – А как ты вообще определишь, Тихон это или нет на таком расстоянии? Вон мужик из подъезда вышел, так я даже в бинокль его лицо отсюда толком не рассмотрел, темно же. Может, ещё что-то о нём известно? Ну, как одевается, например, или ходит.

– Да в том-то и дело, – прогундосил Коюшев, не отрывая рук от лица, – что нет ничего конкретного. Хотя постой, – он убрал руки, открыл глаза, – кто-то мне говорил, будто он слегка сутулится.

– Между прочим, тот мужик, что из подъезда вышел, малость сутулился. Вон в ту сторону пошёл, за угол дома свернул.

Сыщик выругался и, забыв о конспирации, выскочил из машины, звучно хлопнув дверью. Вернулся через пять минут.

– Поминай, как звали, – буркнул он, усаживаясь. Было видно, что парень крайне огорчён своей промашкой, да ещё на глазах участкового.

– Не переживай ты так, всякое бывает, – попытался тот успокоить напарника. – Может, это и не он вовсе. А если и он, то коли вышел, глядишь, назад вернётся. Прогуляется по темноте и обратно придёт.

Но Коюшев, отмахнувшись от утешений, снова сердито выругался и, схватив бинокль, уставился в темноту.

Антон Карманов вернулся с тренировки в начале восьмого вечера. Ответив согласием на приглашение поужинать, закрылся в ванной и долго плескался под душем. Потом они вместе поужинали и снова разошлись: сын пошёл делать уроки, отец остался мыть посуду. До прихода сына Карманов – старший ещё раз обдумал сложившуюся ситуацию и решил не торопиться с выяснением обстоятельств получения Антоном злополучного свёртка. Во время приготовления ужина у него созрел план решительных действий, который он реализует сегодняшним вечером. Часа через полтора-два...

Помыв посуду, он взял из портфеля конспекты, чтобы подготовиться к завтрашним урокам. За время совместного проживания с тёткой он привык по вечерам работать за кухонным столом, поскольку в большой комнате занимался Антон, а в спальне тётка раскладывала на столе свой вечный пасьянс. Однако возбуждённое состояние не способствовало мыслительной деятельности, и он решил, что лучше будет, если он приготовит на завтра обед.

Кастрюля с картошкой уже начала закипать, когда в комнате сына запиликал телефон. Анатолий Фёдорович насторожился. Через пару минут сын выскочил из комнаты и пробежал в прихожую. Карманов последовал было за ним, но тут кастрюля на плите угрожающе зашипела. Пришлось вернуться и снять крышку. А парень, было слышно, уже открыл входную дверь.

– Ты куда это, на ночь глядя? – крикнул Карманов, стараясь придать голосу должную строгость.

– Васька попросил помочь математику сделать, – донеслось из прихожей, и дверь захлопнулась.

Анатолий Фёдорович какое-то время пытался вспомнить, кого из друзей сына звали Васькой, потом резко развернулся и бросился в спальню. Свёртка на месте не было.

«Вот те раз! Ты же сам себя уверил, что свёрток не на час-два положен, а хотя бы до завтра, план свой на этом построил. Может... может, перепрятал Антон?»

Следующие четверть часа занял осмотр комнаты по часовой стрелке, суматошный и безрезультатный.

«Вот, значит как... Всё, хорош сопли жевать», – подумал он, почувствовав внезапно охватившую его злость. «Вернёшься, я с тобой побеседую. Ты мне всё расскажешь. Говорят, криво проведённую черту только по линейке исправишь. Ну, что ж, будет тебе линейка».

Глава пятая

Очередная двадцатиминутка закончилась, и Коюшев, передавая оптику участковому, угрюмо процедил: – Похоже, порожняк гоним. Тут по-хорошему надо до ночи сидеть, а у меня отчёт «горит». Короче, я сейчас звоню шефу, чтобы он мне замену

прислал. А ты, как сменщик придёт, по квартирам пойдёшь, а то совсем поздно будет.

Шеф нехотя, но всё-таки пообещал прислать замену. Сыщик приободрился и снова занялся упражнением для глаз.

– Эй, капитан, – толчок в бок вернул напарника из египетской тьмы. – Глянь-ка, этот сутулый-то назад пилит.

Коюшев схватил бинокль, замер.

– Похоже, он, самый... хотя, может и не тот. Зашёл в подъезд, – он оставил бинокль и вопросительно поглядел на Сорокина. – Ну, что делать-то будем?

– Ты главный, ты и решай, – пожал тот плечами.

– Ладно, смотри на окна.

Они прождали несколько минут, но свет так и не зажёлся. Всё потому, что на окнах висели весьма плотные тёмные шторы, а лампочка-«сороковка» тускло светила из ночника, стоявшего в углу комнаты. В кресле у журнального столика в распахнутом пальто с закрытыми глазами полулежал интеллигентного вида мужчина, лет тридцати пяти. Тот самый, с которым днём встречался Антон Карманов.

– Я вот думаю, Тихон, хватит ли нам нашего арсенала? Мой «Макаров», твой ТТ, ну и эта твоя дура... не мало? – озабоченно спросил сидящий за столом широкой кости небритый мужик в несвежей тельняшке, возрастом изрядно за сорок, ловко тасуя колоду карт.

– А ты, Тит, не переживай, за тебя фюрер думает, – криво усмехнулся Тихон, открыл глаза и сделал глоток из бутылки с минеральной водой.

– Я к тому, что с «Макаром»-то я на «ты», а вот дуру твою отродясь в руках не держал. Хочешь сказать...

– Да не парься ты, я с Харитоном уже всё перетёр. Он в армии в эти игрушки играл, так что сообразит, что к чему.

– Он что, в Чечне служил?

– Да нет, где-то в России в стройбате, но сказал, как обращаться с гранатами, знает.

– Знает он... Кстати, а где его черти носят так долго? Как говорится, время с..ть, а мы не ели. Хавчик-то у нас весь вышел.

– Погодь чутка, сейчас будет, – Тихон снова глотнул минералки и закрыл глаза.

Из коридора донеслось звяканье замка. Тит вскочил и, вытащив из кармана «Макарова», подкрался к двери в коридор. Тихон продолжал лежать, не открывая глаз, не вынимая рук из карманов пальто.

– Ты что ли, Славка? – крикнул он.

– Ну, а кто же ещё? – удивлённо откликнулся мужской голос из прихожей.

– Твою мать! – выругался Тихон. – Ему хоть кол на голове теши. Тебе что было сказано? Сразу с порога голос подать. Гляди, в следующий раз пулю в лоб схлопочешь, – потряс он невесть откуда-то оказавшимся в его левой руке пистолетом. – Иди сюда.

В комнату с виноватым видом, с чёрной шапочкой в руках вошёл высокий молодой мужчина в матерчатой куртке, с которым сутулый Тихон говорил сразу после встречи с Антоном.

– Ну, падла буду, Тихон, извини. Устал и замёрз как бобик...

– Все мозги отморозил или осталось чего? – хмыкнул Тит, буравя «баклана» ироничным взглядом. Тот хотел, было, взбрыкнуть, но Тихон не допустил ссоры.

– Ша, Тит, не залупайся, видишь человек с работы пришёл. Ну, что скажешь?

– Да всё ништяк, Тихон, всё путём. Он сначала домой пошёл, потом в школу. Ни с

кем не встречался. Сейчас после разговора, как баблосы от тебя получил, позвонил друзьям, пошли пиво пить куда-то в подворотню. Слушай, Тихон, я удивляюсь, как только тебе удалось приручить этого чиграша? Я видел, как он на тебя смотрел. Как поп на икону. Чего ты такого с ним сделал?

Тихон, явно польщённый словами Славки, самодовольно улыбнулся.

– Ну, даром что ли я три года в университете чалился? Какой талант психолога пропадает, а, Тит? Кстати, у тебя отец был?

Тит, не отрываясь от карт, только плечами пожал.

– Ну, а как же без этого? Только лучше б его не было. Пил вмертвую, мать колотил. А она его жалела, – неожиданно тихо, с грустью сказал он. – Когда его по пьянке зарезали, так убивалась... А мы дети, нехорошо сказать, обрадовались.

– Не повезло тебе, Тит. А ты, Славка, представь, что у тебя не было отца, и вдруг появился. Да не пьяный и сраный, нудный и прижимистый, а трезвый и щедрый, не читающий скучных нравоучений. Да он в лепёшку расшибётся... Кстати, зацени то, что я вам обещал, – резко поменял он тему разговора. Достал из кармана пальто свёрток, развернул. – Сгодится?

– Ух, ты, – восхищённо протянул Славка и, как все мужчины, когда-то имевшие дело с боевым оружием, на глазах преобразился. Разом вспыхнувшие в памяти воспоминания о годах воинской службы зажгли взгляд, заставили расправить плечи. Он уважительно взвесил в руке гранату и вдруг резко спал с лица. – Сгодится-то, сгодится, только... Погоди, а она, по ходу, не учебная? – осторожно спросил он, опасливо глядя на Тихона.

– Ты чё гонишь? – интеллигентное лицо авторитета неожиданно исказила свирепая гримаса. – Нет, у тебя точно мозги-то отмёрзли. Да ты, сямка, хоть знаешь, кто мне эту дуру подогнал? Гера Резаный. Ты понял, да? Я в этом деле ни хера не петрю, но Геру я знаю сто лет и...

– Да я ничего, только вроде...

– Вроде у бабки хрен на огороде, – рявкнул из-за стола Тит, в сердцах бросив карты. – Мы сегодня жрать-то будем или как? Тихон, гони его в лавку, потом разберёмся.

Тихон одарил подельника жёстким взглядом, но тут же погасил раздражение.

– Держи бабло, – достал из кармана пачку розоватых кредиток и подал одну Славке. – Давай «по бырику», пока лавку не заперли. И переплясу не забудь взять, да покачественней.

– Слышь, Тит, ты нервы-то попридержи, – угрюмо процедил Тихон, когда за хозяином закрылась дверь. – Сам знаешь, нет у меня времени, да и надёжных людей нет под рукой. Да нам с тобой больше никто и не нужен, а, Тит? – вдруг по-доброму подмигнул он «тельняшке». – Пусть этот лох нам послезавтра чутка пособит, а там... – сделал он недвусмысленный жест рукой, – покойнику деньги без надобности.

В машине сыщиков снова повисла унылая тишина. Снегопад заканчивался, участковый продолжал елозить взглядом по окну двадцать восьмой квартиры, Коюшев с неодобрением разглядывал через лобовое стекло группу молодых ребят, прямо напротив них распивавших на лавочке пиво.

– А это что ещё за пассажир? – неожиданно вырвалось у него.

Мимо ребят вдоль дома торопливым шагом поспешал высокий мужчина в серой матерчатой куртке и чёрной шапочке с пластиковым пакетом в руках.

– Никак наш горе-гопник в «Пятёрочку» за провиантом рванул. А ведь это очень даже интересно... Слушай-ка, Валентин, оставайся здесь и продолжай наблюдение, я быстро.

Сорокин как-то даже удивился мгновенному преобразению сыщика. В лице, в голосе и в глазах его явственно обозначился охотничий азарт, он явно что-то задумал. Хоть и молодой, но, похоже, не зря его Голуб на своего зама готовит.

Дождавшись, когда мужчина отойдёт на безопасное расстояние, и.о. зама начальника розыска выскользнул из машины и, бесшумно закрыв дверь, не отрывая глаз от Харитонов, пошёл к магазину параллельным курсом. Славка входил в магазин, когда телефон сыщика требовательно напомнил о себе.

– Алё, Лёха, ты что ли?... Нас ищешь? ...Короче, я у «Пятёрочки», подгребай сюда, надо тут одного пассажира пощупать.

Харитонов и Лёха тормознули, когда тот вышел из магазина с полным пакетом продуктов.

– Здорово, Харитонов, – Коюшев понизил голос, чтобы не привлекать внимания окружающих. – Куда это ты намылился с таким добром?

Славка заметно вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– Гражданин начальник, какая встреча. Тоже решили затариться на вечерок? А я теперь вольный казак, хочу налево хожу, хочу направо, – захорохорился он. – Сегодня вот друзья в гости пригласили... вон из того дому, – и он ткнул рукой совсем в другой дом, – так что извиняйте, идти надо.

Он сделал, было, шаг в сторону, но Коюшев взял его под руку.

– Во-первых, убавь звук, – жёстко прошипел он, придвинувшись к Харитонову. – Во-вторых, отойдём в сторонку.

Все трое сделали несколько шагов в сторону.

– А в-третьих, ждут тебя не в том доме, а в квартире твоего брата. Нынешние дружки тебя баклана ждут, хотят сплести тебе лапти для новой ходки к «хозяину».

– Да чего вы тут гоните... – попробовал возмутиться Славка, однако, сыщик уже поймал кураж и вцепился в него мёртвой хваткой.

– Ты не баклань, ты слушай меня, дурень. У тебя сейчас на хате Тихон греется – кореш твой по зоне, и, судя по твоему полному пакету, не он один. И мы доподлинно знаем, что у них есть оружие.

Мгновенный испуг, промелькнувший на лице Харитонova, подтвердил, что сыщик мыслит верно.

– Как там в двести двадцать второй статье, части третьей, говорится: незаконное хранение оружия, совершённое организованной группой... от пяти до восьми лет.

– На понт берёте, гражданин... – только Коюшев не дал ему развить мысль.

– Какой понт, у нас уже свидетельские показания имеются. Лёша, ну-ка, обыщи его.

Опер Алексей споро обшарил карманы.

– Ничего, кроме мобильного и ключей.

– Отлично, давай сюда, это как раз то, что нужно. Ты, Славка, должен нам правду говорить. Иначе вызовем ОМОН, а им дверь сломать раз плюнуть. Брату твоему, боюсь, это очень не понравится. Так что у меня к тебе главный вопрос: сколько их там в квартире и какое у них оружие? Ну?

Славка молчал.

– Слушай, Харитонов, если будешь с нами откровенным, мы скажем всем, что ты на-

поролся на ментовскую засаду, что менты уже давно пасли твою хату. Ну, а в противном случае, сам понимаешь... – Коюшев многозначительно развёл руками.

– Их там двое, – тяжело выдавил из себя Харитонов.

– Один Тихон, а второй кто?

– Не знаю. Тихон его Титом зовёт. Тоже тот ещё волк. Даже на улицу не выходит, весь день сиднем сидит, телик смотрит, да карты тусует. У Тихона ствол точно есть, за Тита не знаю, наверное, тоже есть, – заторопился Славка, зарабатывая себе снисхождение. – Вы поторопитесь, а то они насторожатся.

...Про то, что заходя в квартиру, он должен озвучить себя, Харитонов опять забыл. И про учебную гранату тоже не сказал. Побоялся, что сыщики тогда и вправду вызовут ОМОН, который сломает дверь. А брата он боялся больше ментов...

– Это ключи от твоей квартиры? – на всякий случай переспросил Алексей и, получив подтверждение, стал выяснять расположение комнат. Не дослушав сбивчивое бормотание Харитонova, пристально посмотрел на Коюшева.

– Будем брать, ждть подмоги некогда. Эти волки могут действительно насторожиться и «свалить», а потом делов наделать, – решительно откликнулся тот. – Втроём справимся. Только вот куда этого девать, – кивнул он на Славку.

– Может, в машину засунем, да пристегнём?

– А если они за улицей в окошко наблюдают? Такую «длинноту» махом засекут. Погоди, тут же в магазине менеджером Лютоев Генка работает, бывший инспектор из разрешительной. Нормальный мужик. Бери наручники, тащи его туда, а я сейчас участкового вызовню.

Глава шестая

Снегопад окончательно утихомирился, лёгкий ветерок разметал последние, застрявшие где-то в небесах снежинки. Небо очистилось от облаков, на его чёрном куполе стали как на фотобумаге постепенно проявляться далёкие звёздочки. Компания ребят, допив пиво, мирно разошлась по своим делам. Всё больше окон в доме вспыхивали самыми разнообразными светильниками, так что по прилегающей территории разлился умиротворяющий тёплый свет. При такой подсветке даже «пожилая» пятиэтажка советских времён выглядела на манер здания английского парламента в девять вечера по Гринвичу. А российскому гражданину тонкого душевного настроения, глядя на этот пейзаж, обязательно пришли бы на ум строчки из лучших стихов русских и советских поэтов о матушке-зиме.

Вот только двое достаточно ещё молодых мужчин несколько выпадали из этой идиллической картины. Нет, внешне они совершенно не отличались от остальных прохожих. А вот внутренне... «Рупь за сто» никто из попадавших им навстречу людей не догадался бы, что они и есть те самые сыщики, образами которых нынче наводнены бесчисленные телесериалы. Только спешили они не в магазин за водкой, а на задержание опасных вооружённых преступников. Справедливости ради надо сказать, что и участковому Сорокину передался их сыщицкий азарт.

Что двигало этими ребятами? В прошлом веке многие из этой особой касты сыщиков угрозыска искренне сражались за идею. Что до времён нынешних... а, пожалуй,

тоже за идею. Только не за идею приближения светлого будущего, в котором не будет места преступности. А за вековую идею борьбы добра со злом.

Будем откровенны: значительная часть сыщиков, подобных нашим героям, в данной конкретной ситуации вела бы себя по-другому. Зачем, спрашивается, лезть под пули, если можно вызвать ОМОН? А Харитонову отправить с миром к подельникам. Или просто дожидаться, когда приедет группа захвата, караула подъезд. Но у Коюшева были свои резоны действовать именно так, а не иначе.

Послать обратно трясущегося от страха Харитонova? Так они его сразу «расшибут». Или убьют, или прикроются, как живым щитом, им, похоже, терять нечего. Ждать подмогу? Но, почуяв неладное, жулики кинутся в «отрыв». Через чердак, через квартиры на первом этаже, а самое страшное, могут взять заложников.

Зато с ключом от квартиры на их стороне был фактор неожиданности, да и в случае стрельбы никто из посторонних не пострадает. Наконец, капитану Коюшеву очень хотелось доказать, что Голуб прав, намереваясь сделать его своим замом, посему он может и должен принимать самостоятельные решения. Зря что ли тот прозвал его «авантюристом».

Замок щёлкнул, дверь отворилась, и Коюшев перешагнул порог квартиры. Следом в коридор неслышно проскользнул опер Алексей.

– Ты куда забурился, Славка? – донёсся из комнаты недовольный мужской голос.

– Уголовный розыск! – что есть силы рывкнул капитан, влетев в полутёмную комнату. – Руки вверх, лицом...

Полутьма отозвалась двумя выстрелами. Первая пуля с треском разбила стекло межкомнатной двери, вторая сбила Коюшева с ног. Третий выстрел сделал Алексей, успевший сориентироваться в обстановке. Мужчина в тельняшке, сидевший за столом, уронив пистолет, грузно обвалился на пол.

– Ствол на пол! Взорву сейчас на хер вас всех! – глаза свыклись с темнотой, и сыщик увидел у окна мужчину в тёмном пальто. Ночник высветил в его вытянутой левой руке предмет, очень похожий на ручную гранату. Правой рукой он держался за штору, закрывавшую выход на балкон.

Алексей на мгновение замер, решая уравнение. Слева на полу глухо стонал Коюшев. Жулик в тельняшке, похоже, тоже шевельнулся. А выход из подъезда и балкон страховал внизу участковый. И сыщик положил пистолет на пол.

Мужчина резко отдёргнул штору, рванул на себя ручку двери и выскочил на балкон, схватился за перила и перевалился вниз. Через несколько секунд снизу донёсся жуткий крик боли. Прыгнув в сугроб, Тихон попал ногой на засыпанный снегом железный штырь. Мгновенно сообразив, что уйти с такой травмой ему не удастся, он решил первым делом избавиться от оружия. Собравшись с силами, размахнулся и бросил гранату куда-то за детскую площадку. Осталось выбросить пистолет. И он сунул руку в карман...

Но Алексей уже выскочил на балкон при оружии. Картину, которая предстала его взору, он впоследствии описал в рапорте: «... участковый бежал к лежащему в снегу преступнику, а тот на моих глазах доставал из кармана пистолет». Счёт шёл на секунды. Сыщик выстрелил первым. Почти не целясь, а попал преступнику в шею.

Карманов в очередной раз с тревогой посмотрел на часы. Двадцать два «по нулям», а Антон всё не возвращался. Конспекты завтрашних занятий валились из рук, он

нервно ходил по комнате из угла в угол и нещадно честил себя за то, что не побежал вслед за сыном. Устав ругаться, схватил телефон, набрал номер Антона, но тот не ответил. Снова глянул на часы и, приняв окончательное решение, набрал ещё один номер. «Телефон абонента выключен или находится вне зоны...»

Карманова как кипятком ошпарило. «А если абонент отсутствует? А то уехал куда... или спит?» – мысли пошли вразнос, он снова выругал себя за нерешительность, за то, что «тянул резину». Не выдержав, открыл кухонный шкаф и достал початую бутылку водки. В последнее время он всё чаще стал успокаивать себя спиртным. Но, вспомнив о своём решении, убрал водку обратно. На серьёзное дело надо идти с трезвой головой...

Раненых увезли в больницу, эксперт закончил осмотр места преступления. Славка Харитонов без особых откровений – боялся-таки Тихона, – побеседовал с подполковником Голубом и отправился в камеру. Под ярким светом прожектора в условиях возобновившегося сильного снегопада сотрудники отдела метр за метром проверяли металлоискателем снежные сугробы в поисках гранаты. Участковый с опером Алексеем сидели в машине, ожидая команды Голуба. Тот, в свою очередь, ожидал в квартире припозднившегося начальника городского УВД.

– Ну, докладывай, что тут опять твои архаровцы учудили? Это же надо додуматься с головой грудью под пули... – в сердцах прямо с порога начал ругаться полковник. Они давно работали вместе и хорошо знали характер друг друга. Голуб внутренне «сделал стойку» на «опять» и «учудили» и уже собрался, было, возмутиться. Однако, вовремя сообразив, что полковник просто не до конца владеет информацией, смирил гордыню и обрисовал развитие событий, с положительной стороны отметив действия своего и. о. заместителя.

– Ты мне что, характеристику на его награждение зачитываешь? Да попади пуля на миллиметр-другой вправо, ты бы сейчас некролог сочинял, а я бы на тебя неполное служебное, – видимо, начальнику уже сообщили заключение врачей о том, что ранение Коюшева не критично для жизни. – Вот потому-то ты до сих пор не мой зам... Короче, завтра после обеда подробный рапорт мне на стол. Что там с жуликами?

– Только что позвонили: Тихона до больницы не довезли, кончился. Кстати, доктора зафиксировали у Тихона сильное повреждение ноги. Исходя из этого понятно, зачем он выбросил гранату – понял, что не уйти и избавился от улики. Кто его теперь знает, может, и пистолет хотел скинуть, да не успел. Со вторым бандюганом тяжёлый случай, но врачи предполагают, деньков через несколько можно будет с ним говорить. Охрану у его палаты выставили.

Хлопнула дверь, и в комнату вошёл старший группы, занимавшийся поисками гранаты. Увидев начальника, он открыл, было, рот для приветствия, но тот с ходу атаковал его вопросом: – Нашли?

Офицер виновато покачал головой.

– А чего пришёл?

– Так это... Извините, товарищ полковник... Металлоискатель вышел из строя, батареи сели.

– Так... – угрожающе протянул начальник. – Опять Ванька дома, Сеньки нет? Ну, погодите, я вам завтра устрою... Марш на улицу! Хоть пердячим паром мне заводите свою шарманку, руками шарьте, но чтобы граната была найдена!

– Товарищ полковник, разрешите, – осторожно обратился Голуб к начальнику. – Ты

выйди, покури куда, – велел он офицеру. Тот послушно вышел.

– Николай Иванович, – продолжил сыщик, – вы же знаете, что с нашим металлоискателем это уже не первый случай, ребята уже замаялись. Сколько говорили, что надо новый заказать... – он огорчённо махнул рукой.

– Да знаю я, знаю, – скрипнул зубами шеф, – завтра у меня завхоз будет иметь бледный вид. Сейчас-то что делать будем?

– Я ведь, как чувствовал, сразу позвонил в воинскую часть. А у них сегодня полевые учения закончились, народ устал, да и отбой уже дали. Командир, понятно, не в восторге, говорит, если шибко прёт, то он бойцов подымет, но хорошо бы с утра... А Харитонов считает, что граната учебная, мол, и цвет другой и полоска отличительная на ней. Вот я и решил обойтись своими силами. Ну, а коли наша техника отказала, прошу вашего разрешения силами сегодняшних героев, то бишь, моего опера и участкового Сорокина организовать охрану предполагаемого места падения потенциально опасного предмета до утра, тем более, что уже двадцать три часа с гаком. А с утра пораньше вызовем сапёров, они будут ждать сигнала.

– Ладно, – после некоторого раздумья подвёл черту полковник, глянув на часы. – Меня уже ждёт «на правёж» замминистра, так что под твою ответственность. В случае чего, пенсия у тебя в кармане, а вот у меня ещё есть кой-какие планы по службе.

Карманов вздрогнул, услышав, как открылась входная дверь. Антон, как ни в чём не бывало, вошёл в комнату, буркнул на ходу под нос «Привет» и направился к себе, но Анатолий Фёдорович заступил ему дорогу.

– А ну-ка стоять, – пожалуй, впервые в их отношениях голос его буквально грохнул металлом, заставив мальчишку остановиться. – Ты где был?

Не открывая рта, тот сделал круглые глаза, всем видом показывая, мол, я, уходя, доложил.

– Так, где ты всё-таки был? И почему телефон не брал?

– У Васьки уроки делали, а телефон в куртке в прихожей оставил, – наконец, открыл рот Антон, и Карманов почувствовал, как от него пахло пивом. И взорвался, не в силах сдерживать более накопившееся за томительные часы ожидания и вконец истерзавшее его чувство негодования.

– А пиво с кем пил? Тоже с Васькой? Или с тем мужиком, с которым днём встречался?

Антон испуганно посмотрел на отца, верно, прикидывая, какой вариант поведения избрать в данном конкретном случае.

– Ни с каким мужиком я не пил, чего привязался, – вдруг выкрикнул он фальцетом.

У Карманова потемнело в глазах. Он всё тянул, всё сопротивлялся усиливающемуся желанию разрубить этот «гордиев узел», но запах пива взбудоражил его, как красная тряпка – быка. Выхватив из кармана телефон, он нажал кнопку. На этот раз абонент откликнулся.

– Узнал? ...Извини, надо срочно увидеться... Так точно, срочно и весьма важно. Куда? ...Понял тебя, буду через пятнадцать минут, – Карманов выключил телефон и повернулся к сыну. – Одевайся и шагом марш за мной.

Глава седьмая

Время шло к полуночи, наперегонки гасли окна домов, пустели улицы и дворы. Оно и понятно, завтра рабочий день. Сыщик Алексей в очередной раз внимательно оглядел двор. Ни единой живой души. Они с Сорокиным поставили машину таким образом, чтобы держать в поле зрения, а в случае необходимости и осветить фарами огороженный лентой участок, за которым должны были наблюдать до утра по приказу начальника розыска.

Покрутив верньер радиоприёмника, Алексей откинулся на сиденье и вздохнул.

– Эх, сейчас бы чайку горяченького... А, Валентин?

– А ты чем раньше-то думал? – хмыкнул участковый. – Всё, поезд ушёл, осталась минералка с бутербродами. Я вот тебе лучше анекдот расскажу: однажды случилось на море кораблекрушение...

– Слушай, Валентин, – прервал сыщик напарника, – имеется классная идея. У меня тут недалеко одна знакомая живёт, я ей сейчас звоню и прошу чай покрепче сварганить, да в термос налить. Семь минут ходу туда, семь обратно, ну, там ещё пятнадцать на... оргмероприятия. И ночь промелькнёт, как пятнадцать суток.

С чаем-то, оно, конечно, веселее. И Сорокин, немного поколебавшись, согласился.

Настроившись на волну «Дорожного радио», он машинально притопывал в такт полузабытой песне «Идёт солдат по городу», когда до сознания пробился женский крик. Убавил громкость, повернулся и увидел, как в сторону их машины бежит от подъезда пожилая женщина в распахнутой короткой куртке и полусапожках на босу ногу. Сорокин открыл дверь, высунул голову.

– Товарищ милиционер, помогите! Он убьёт её, помогите, пожалуйста, прошу вас, – причитала она, смахивая со лба растрепавшиеся волосы.

«Что за наказание такое, как не вовремя...» – поморщился Сорокин и вылез наружу. За годы работы участковым он выслушал бесчисленное множество подобных женских причитаний и со временем стал выдерживать паузу, прежде чем вмешиваться в семейные разборки. Валентин вспомнил тот самый первый случай из своей практики, когда не очень трезвая дама, визжа от страха, молила его о помощи, улепётывая от разъярённого мужа со скалкой в руках. Тогда он, новоиспечённый служитель закона, попробовал приструнить бузотёра, ухватив того за ворот рубахи. Мужик, замахнувшись на лейтенанта скалкой, мгновенно получил от участкового хук в челюсть и со всего маху брякнулся оземь.

В ту же секунду за спиной раздался истошный вопль женщины: «Палач! Гестаповец! Люди добрые, помогите...» Дальше урезонивать уже пришлось жену.

Сколько бумаги он исписал тогда в своё оправдание, сколько нравоучений выслушал от старших начальников, сколько «мудрых» советов получил от более опытных коллег...

– Успокойтесь, гражданочка, и объясните толком, что происходит, – сухим бесстрастным тоном остудил он её бившие через край эмоции.

– Товарищ милиционер, – женщина как-то разом сникла и устало показала рукой в сторону подъезда. – Там в двадцать пятой квартире муж напился до зелёных чертей и жену по полу пинками катает. Полина, жена-то, значит, плачет, а ему хоть бы что. Я

рядом живу, попробовала Петра-то усовестить, так он меня матом на всякие буквы. Ревнует он её к уголовнику к этому Славке... ну, которого нынче арестовали. Я его милицией припугнула, так он, такую беду, кричит, мол, милиция ему ничего не сделает, потому что это он сообщил ментам про бандитскую «малину».

«Ну и дела... женщина, вроде, самостоятельная, трезвая...» Сорокин пошарил взглядом по двору, с надеждой увидеть возвращающегося напарника, но двор был пуст. То, что двор был пуст, в его положении было и хорошо и плохо. Хорошо – потому что риск попадания на оцепленную территорию посторонних людей сводился до минимума. Плохо – потому что он не имел права покидать пост. Но и оставить без помощи страдающую от побоев мужа женщину он тоже не имел права. Надо было на что-то решаться...

– Вот что, гражданочка, – медленно начал участковый, инстинктивно оттягивая принятие решения и продолжая надеяться на внезапное появление Алексея. – Видите вон ту ленту? – очертил он рукой обнесённое лентой пространство.

– Да.

– Значит, встаньте около машины, смотрите внимательно и никого, слышите, никого не подпускайте к этому огороженному участку. Ясно?

Женщина ошарашенно кивнула.

– В какой говорите квартире скандал? – спросил он, забирая ключи от машины.

– В двадцать пятой на втором этаже. Дверь открыта.

– Ясно. Я сейчас мигом, – он побежал к подъезду, совершенно не подумав о том, что женщина полураздета.

Та проводила его взглядом и застыла в тревожном ожидании. Прошла минута, другая... Тишина, вновь окутавшая пустынный двор, несколько расслабила женщину. Возникший лёгкий озноб при неопределённости ожидания заставил её оглядеться и, убедившись в отсутствии во дворе живых существ, подкрасться к двери подъезда и прислушаться. Сверху не доносилось ни звука. Поколебавшись, она шагнула внутрь...

А в квартире происходило следующее: за минуту до появления участкового отчаявшаяся Полина, увернувшись от очередного тумака, схватила пустую бутылку и, что было силы, огрела обидчика по голове. После чего вид лежавшего в луже крови мужа привёл её в состояние такого ступора, что Сорокину пришлось приложить немалые усилия, чтобы добиться информации о местонахождении в доме медикаментов и перевязочного материала.

Он уже заканчивал бинтовать голову раненому хозяину, когда во дворе бабахнул взрыв и зазвенели разбитые стёкла. Выронив из рук бинт, капитан опрометью бросился на улицу. В сознание обречённо стучалось одно и то же: «Ну, влип ты, парень, в дерьмо по самое некуда. За бабу тебе точно срок намотают...»

К его изумлению та встретила его у подъезда живая и невредимая. Только пальцем тыкала в сторону машины и повторяла, как заведённая: – Там... там... С трудом передвигая ставшими в одночасье ватными ноги, Сорокин двинулся к машине. Там и увидел то, что подтвердило самые страшные его догадки. И это была не изрешечённая казённая машина, а два неподвижных тела, лежавшие от неё в двух шагах, вне огороженной зоны. Одно из них принадлежало мальчику-подростку, который уткнувшись лицом в снег, жалобно стонал и плакал. Второе лежало от первого в нескольких шагах и принадлежало... Трудно было сразу сказать что-то определённое, глядя на искореженное взрывом то, что недавно было человеком.

Минут через сорок во дворе, как и три часа назад, снова толкалась куча служивого люда: из угрозыска, ФСБ, следственного комитета. Хмурые начальники, обособившись, что-то активно обсуждали отдельно стоящей группой. Медики суетились вокруг потерпевших. Рядом с ними дотошные эксперты в свете прожекторов метр за метром скрупулёзно исследовали место происшествия, собирая осколки взрывного устройства. Вездесущие сыщики опрашивали свидетелей. Часть жильцов, окна которым побило осколками гранаты, наседали на начальников, «качая права». Другие, понимающие ситуацию, молча, без скандала, затыкали пробойны подручными средствами.

Подполковник Голуб, привычно раздав задания подчинённым, в своей машине слушал рассказ участкового Сорокина. На капитана, покорно отвечающего на вопросы начальника угро, было страшно смотреть. В его потухшем, обречённом взгляде открытым текстом читалась готовность к самому худшему. Складывалось ощущение, будто злой рок преследовал его по пятам.

Несколько часов назад он вызвался пойти первым на штурм злополучной квартиры – всё-таки человек в форме, – и, вероятнее всего, оказался бы на месте Коюшева. Но, по праву старшего, тот определил ему пост на улице. Валентин так же ясно понимал, что те несколько секунд, которых не хватало ему, чтобы обезоружить лежащего на снегу Тихона, могли стать последними в его жизни. Спас его сыщик Алексей, застреливший бандита. Получается, он опять обманул судьбу?

Но та упорно не хотела сдаваться и поставила ему новый капкан, из которого ему теперь уже не выпутаться. Он, Сорокин, многое бы отдал, чтобы оказаться сейчас на месте Коюшева или Алексея, чем, не получив ни единой царапины, никого не убив и не ранив, казнить виной за гибель невинного человека. Этим человеком, как выяснилось, оказался преподаватель ОБЖ Анатолий Карманов из находившейся рядом школы. Сыщики также установили, что вторым потерпевшим был его сын Антон, учащийся этой школы. Эксперты установили и тип взрывного устройства – граната Ф-1. По предварительной версии Карманов погиб, закрыв гранату своим телом, по всей вероятности, спасая сына, который, тем не менее, был серьёзно ранен осколком.

Возникает вопрос: почему же судьба неожиданно ополчилась на него, простого участкового Валентина Сорокина? За что на него обрушились такие страдания, за какие прегрешения?

«Ну-ка, взял себя в руки и «включил мозги», – собравшись с силами, приказал он себе. Взял себя в руки. «Включил мозги».

– Слушай, а ты не подумал, чего этим Кармановым понадобилось здесь об эту пору? – дошёл до сознания голос подполковника.

«Ещё как подумал. Он, Сорокин, сам ответит и себе и другим на этот вопрос. Обязательно ответит. Если, конечно, сыщики не опередят его...»

Глава восьмая

«Ну, кажется, на сегодня всё», – Голуб отложил бумаги, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. И тут же открыл, вспомнив, что так и не позвонил жене. Машинально потянулся к телефону, но увидев, что маленькая стрелка на часах подползает к цифре «4», снова закрыл глаза. Пора, наконец, ехать домой, подремать чуток, но он обещал

дождаться Сорокина. Тот в соседнем кабинете заканчивал писать рапорт о ночной трагедии.

«Эх, Сорокин, Сорокин...» Час назад звонил начальник управления и, ругая участкового последними словами, предупредил, что примет к участковому самые строгие меры, вплоть до...

«Вплоть до чего?» То, что капитан отпустил с поста опера Алексея, понять было можно. Парни целый день на ногах, на морозе, захотелось согреться. И Алексей-таки действительно принёс термос с горячим чаем, а не бутылку водки. А что задержался, так это чистая случайность.

То, что сам Сорокин покинул пост, так ведь даже не по нужде, а для выполнения служебных обязанностей. Интересно, а вдруг бы эта тётка насмерть забила мужа бутылкой? А капитан, не поддавшись на причитания соседки, спокойно бы сидел в машине? Тогда кого винить? «Рекбус. Кроксворд», – шутил когда-то со сцены Аркадий Райкин.

Главная штука, учителя этого Карманова и его парнишку жалко. Кой леший притащил их именно в это время именно в это место? Прямо как в том трагическом случае с «Адмиралом Нахимовым»...

...Голуб вспомнил, как в 1985 году, в аккурат за год до гибели судна, его родителям довелось совершить на нём круиз вдоль черноморского побережья. Отец, заместитель главного инженера заполярной шахты, купил путёвку, и они с матерью прекрасно провели отпуск. Хотели взять и сына, но каюта была двухместная, и его отправили в пионерский лагерь. Ночью, когда все пионеры спали, он представлял себя полужающим под мерный плеск волн в шезлонге на верхней палубе. Воображал себя то пятнадцатилетним капитаном, как Дик Сэнд, то знаменитым путешественником, как Юрий Сенкевич, то глубоко законспирированным разведчиком, как киноартист Банионис. А вокруг него ходили в «бикини» красивые загорелые девушки, пробуждая во взрослеющем организме первые, пока неясные ощущения.

По приезду родители собрали дома друзей и подробно рассказали о судне, восхищаясь позолотой люстр и блеском хрусталя ресторанов, дорогой отделкой кают класса «Люкс», коврами в вестибюлях и надраенными до блеска поручнями трапов. Масса хвалебных слов была сказана про два бассейна на открытом воздухе, про развлекательные программы с танцами за полночь. Не меньших восторгов удостоились каждодневные экскурсии по городам побережья. Отец в своих комментариях особо остановился на шикарном баре, содержимое которого, по его авторитетному заключению, можно было увидеть только в валютных магазинах. Хотя и давно это было, но Александр Николаевич хорошо помнил, какая горячая дискуссия разгорелась за столом после рассказа о двадцатичетырёхчасовой круговерти пассажиров кавказской наружности у игровых автоматов в дорогом убранстве вестибюлей. А ещё запомнилась реплика матери о бесчисленных коридорах на нижних палубах внутри корпуса корабля, где размещались рестораны и большинство пассажирских кают. Она почему-то с тревогой заметила, что без настенных указателей и стрелок ей бы пришлось до конца жизни плутать в этом лабиринте. Один из гостей старый шахтёр после её слов, зябко передёрнув плечами, многозначительно протянул: – Да-а... А если ещё и свет погаснет?

В ту роковую ночь августа 1986 года на «Адмирале Нахимове» всё именно так и произошло. Вроде бы и море безбрежное, и суда на нём как игрушки детские, а вот, поди ж ты, умудрились два корабля наехать друг на дружку. Да так, что и основной и аварий-

ный свет на нижних палубах «Нахимова» напрочь вырубился, и людей кануло на дно немерено. Тех, которые так и не смогли найти в темноте путь вверх к спасению...

В дверь постучали, кто-то вошёл. Голуб, нехотя разлепив веки, увидел Сорокина: – Написал?

Тот в ответ подал несколько исписанных листов бумаги.

– Свободен.

«Ну, если пока свободен, надо для начала узнать, где Антон Карманов». И участковый взялся за телефон.

Утро следующего дня началось для начальника розыска с неприятной неожиданности. Он только что возвратился к себе от начальника управления и собирался провести совещание с личным составом отдела, как позвонил опер Алексей и доложил, что его хочет видеть по срочному делу директор школы, в которой работал погибший Карманов.

– Богданов Николай Алексеевич, директор школы, – с порога представился рыхлый мужчина в расстёгнутой дублёнке. Получив приглашение присесть, опустился на стул, носовым платком вытер со лба пот, поправил очки и растерянно развёл руками.

– Такое горе, даже не знаю с чего начать...

Александр Николаевич склонил голову в знак сочувствия.

– Я собственно вот о чём хотел... вернее сказать, хотел сообщить, товарищ подполковник. Сегодня с утра я пригласил завхоза, и мы вместе с ним вскрыли и осмотрели железный шкаф, в котором Анатолий Фёдорович хранил своё немудрящее хозяйство. Он же у нас ОБЖ преподавал, там и про армию есть раздел. А у нас ещё с тех пор, как отменили начальную военную подготовку, остались кое-какие муляжи и макеты оружия, противогазы и прочее... оставили под ответственность директора. Мальчишки, как-никак, будущие воины. А Карманов в прошлом строевой офицер и как человеку честному и порядочному я ему доверял. Ящик запирался на ключ. Было два ключа, один у меня, второй, само собой, у Анатолия Фёдоровича.

Директор, прервав свой сумбурный рассказ, перевёл дыхание и снова промокнулся платком.

– Мы с ним ещё на той неделе условную ревизию проводили, всё было на месте. А сегодня, – он облизал пересохшие губы и беспомощно глянул на подполковника, – гранаты на месте нет.

– Какой гранаты?

– Ну, чёрной такой, в рубчик. Не знаю её казённое обозначение, он просто называл «лимонкой». Вот эта «лимонка»-то сейчас и отсутствует.

«Дальше в лес – больше дров...» После нескольких уточняющих вопросов, Голуб попросил директора рассказать о Карманове поподробнее, что тот с готовностью и исполнил, заметив в конце повествования, что в последнее время у Анатолия Фёдоровича обозначился разлад в отношениях с сыном. Впрочем, сам отец не считал нужным посвящать коллег в суть конфликта.

– Родственники у него в городе есть?

Богданов отрицательно покачал головой. – Хотя, постойте, он как-то обмолвился о двоюродном брате. Здесь в городе работает. Где – не говорил. Может, Наталья знает, Ковалёва?

В своём рассказе он упомянул о близких отношениях Ковалёвой и Карманова, поэ-

тому Голуб поинтересовался, на работе ли Ковалёва. Директор вытащил мобильник и через минуту сообщил, что та позвонила утром завучу и сказалась больной.

– Если дело того требует, так я попробую поговорить с ней да привезти её к вам?

– Давайте сделаем так, – после некоторого раздумья произнёс Голуб. В конце концов, начальник управления возложил на него ответственность за расследование гибели Карманова. – Я сейчас отдам кое-какие распоряжения, а вы пока посидите в коридоре. Пять минут и потом, если вы не против, мы с вами едем к Ковалёвой.

Дверь за Богдановым закрылась. Подполковник поднял трубку и приказал сыщику Алексею на всякий случай связаться с инспекцией по делам несовершеннолетних и выяснить, не знакомо ли имя Антона Карманова сотрудникам инспекции.

Приватный разговор с учительницей был непростым по причине глубокого душевного расстройства молодой женщины. Но и откладывать общение с начальником розыска она не стала, поскольку сама хотела разобраться в случившемся. По итогам их непродолжительной беседы, то и дело прерывавшейся её искренними безутешными эмоциями, сыщик пометил для себя два момента.

Первый – в ближайшее время Карманов из неизвестных источников ожидал получение солидной денежной суммы, которая позволила бы ему серьёзно улучшить свои жилищные условия. Второй – у Карманова был двоюродный брат, работавший охранником в офисе фирмы «Сизиф».

Вернувшись в управление, Голуб вызвал Алексея для доклада о работе, проделанной в первой половине дня. Парень в первую голову сообщил, что по последней информации врачей состояние здоровья Коюшева тревоги не вызывает, но о скором возвращении в строй говорить пока рано. Тяжело раненый гражданин Титов в сознание ещё не пришёл. Сыну погибшего, Антону Карманову, дырку в боку залатали, идёт на поправку. Доктора думают, что завтра-послезавтра можно уже поговорить. Проведённый обыск квартиры потерпевшего Карманова не дал никаких зацепок.

– Тут такая занятная штука нарисовалась, товарищ подполковник. Помните, вчера вечером ещё один звонок был насчёт квартиры Харитоновой? Мы выяснили, что мобильник, с которого звонили, принадлежит учителю физкультуры той самой школы, директор которой приходил сегодня утром.

– То есть та, в которой работал Карманов? – уточнил Голуб.

– Да-да, – закивал Алексей, – только вот физкультурник категорически заявил, что он никуда не звонил, поскольку в это время находился в спортзале и проводил тренировку по рукопашному бою. Мобильник в это время находился в учительской. Договорились, что после обеда я подъеду туда для выяснения обстоятельств. Ну, а по первому звонку вы в курсе.

– Занятно, – искренне удивился подполковник. – Давай, давай, действуй. А, кстати, как там наш первый информатор-то себя чувствует?

– В порядке, башка цела, уже замирился со своей хозяйкой. Намекнул на вознаграждение.

Голуб в сердцах непечатно выразился.

– Пусть спасибо скажет, что по сто шестнадцатой не оформили. С инспекцией по Карманову-младшему разговаривал?

– Так точно. Пацан-то действительно с недавних пор им на заметку попал. Некоторое время назад с ним профилактику проводили, якобы, связался с дурной компани-

ей. Но, видимо, родители... в смысле отец, – поправился он, – принял меры, и парень больше нигде не светился.

– Ладно. Что по звонкам с мобильного Карманова?

– Мобильник испорчен взрывом. Как установлю оператора, дам задание по звонкам.

– Давай быстрее, сам понимаешь, это нам крайне важно. Ещё что-нибудь?

– Да, совсем упустил. У Тихона, как выяснилось, никакой родни нету, поэтому местная братва подсутилась и взяла на себя его похороны. Завтра в одиннадцать на Верхнехолмском кладбище.

– Во как... – удивился Голуб. – Ну, коли так, давай «по бырику» оформляй бумаги, мы должны знать всё, что будет твориться на кладбище «онлайн».

Глава девятая

После обеда доставили из ИВС Славку Харитонову. Тот поначалу завёл ту же ночную песню: «Я не тырил, я не крал, я на «вассере» стоял».

– Вот что, Харитонов, – оборвал его подполковник. – Не хочешь откровенного разговора, ну и хрен с тобой, у меня и без тебя дел «выше нашей бани». Пусть тобой следователь занимается. А он тебе глаз если не на жопу, то уж на 205-ю-то статью точно натянет. Слыхал про такую?

Славка недоумённо пожал плечами.

– Ну, конечно, это не твоя бакланская тема. Эта, парень, статья серьёзная и называется «терроризм».

Харитонов произвольно гыкнул, что, очевидно, означало «ну, ты наливаешь, начальник».

– Не веришь? Тогда слушай, – Голуб взял уголовный кодекс, раскрыл на нужной странице, прочёл: – Часть первая: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей...» От пяти до десяти лет.

– И где тут я, гражданин подполковник?

– Сейчас узнаешь. Часть третья: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены организованной группой, либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия...» От десяти до двадцати лет. Вот теперь зацени: налицо группа, да ещё с матёрыми преступниками-рецидивистами. Стволы, граната, тяжёлое ранение сотрудника угро при исполнении. Взрыв и смерть по неосторожности тоже присутствуют...

Ироническая усмешка мигом слетела с лица Славки.

– Да я же не при делах, начальник, сколько повторять. Я же только хату обеспечил да консультацию... А чё там Тихон с Титом мутили, я без понятия.

– Дурак ты, братец. Тихон твой ночью «кони кинул», завтра похороны. Тит тоже без памяти и что будет дальше... – Голуб поднял глаза к потолку.

У Харитонову даже челюсть отвалилась от удивления, и начальник розыска понял, что «тюремное радио встало с утра на профилактику».

– Вот ты за всех и отчитаешься. Получишь по нижнему пределу. Червонец, – сухо подытожил сыщик.

– Да падла буду, никакого терроризма они не затевали. Фирму они какую-то собирались забомбить. Информация у них была, что там в сейфе крутые левые бабки хранятся.

– Как фирма называется?

– Да, – сокрушённо всплеснул руками Славка, – название, блин, из головы вылетело, – но увидев свирепый взгляд сыщика, наморщил лоб. – Вспомнил. По фамилии какого-то древнего мужика. Тихон Титу рассказывал, как этот мужик всю жизнь занимался тем, что закатывал камень на гору, тот обратно скатывался, а мужик его снова закатывал. И так каждый день.

– Камни, говоришь, катал? Как же, как же слышали про такого. Блин, имя на языке вертится... – расстроенно охнув, Голуб нажал кнопку мобильного, но абонент не отреагировал.

– Ну, а граната-то им на что понадобилась? – ответ на этот вопрос был для сыщика более актуален, чем экскурс в древнюю историю.

– Ей-богу не знаю, гражданин подполковник, они мне насчёт этого ничего не говорили, таились. Может, сейф хотели взорвать? Да, я ещё случайно подслушал, что у них есть поделеньник, который имеет родственника на этой фирме, и Тихон уверен, что тот сможет провести их внутрь.

Звякнул внутренний телефон. Секретарь начальника передала, чтобы он через пятнадцать минут был у шефа со всеми бумагами по взрыву. Отпустив Харитонову и наказав ему, чтобы как следует порылся в памяти, Александр Николаевич сложил бумаги в папку, уселся поудобней и решил обмозговать полученную информацию. Однако мысли активно упрямилась обрести хотя бы какую-нибудь складную форму.

Вместо этого ему представилось, что он, Голуб, и есть тот самый, как выразился Славка, древний мужик. Только у того камень свой, единственный, а у него, фигурально выражаясь, каждый день новые. Последнее время, принимаясь за очередной камень, он даёт себе слово бросить это бесконечное закатывание чужого камня на гору, и каждый раз его не сдерживает. А почему, собственно?

Сергеич, доцент университета, его старый дружан, как-то в ходе очередных посиделок заявил после третьего стакана: – Бросай ты это безнадёжное дело, всё одно в генералы тебе не светит. И пояснил, почему. Мол, по всем статьям годишься, да вот только чересчур частоходишь в положение подчинённых, мягкость излишнюю проявляешь, а генералу это не можно. Да и принципиальность излишнюю надо бы умерить. Короче, бросай своё безнадёжное дело, эвона у тебя сколько предложений из «народного хозяйства».

Чего там говорить, прав старина Сергеич. Оперского опыта у Голуба воз и маленькая тележка. А ведь как всё случилось? Получив после техникума специальность электромеханика, он ушёл в армию. После армии вернулся домой, устроился на работу по специальности, да ненадолго. Пьяная компания переростков забила до смерти его товарища и покалечила жену, когда те поздним вечером возвращались из гостей. Александр и раньше органически не выносил хамской несправедливости, а тут совсем «башню снесло». Он сам нашёл убийц, и быть бы кровавому самосуду, не оказался в нужное время в нужном месте соседа, замначальника горотдела милиции. Оказалось, мать, заподозрив неладное, обратилась к соседу, и тот развернул ситуацию в нужное русло. А через некоторое время, по достоинству оценив сыщические задатки парня, предложил тому сменить место работы.

Вот так Александр Николаевич начал свою долгую службу в уголовном розыске. Стартовал с младшего лейтенанта и потихоньку начал карабкаться вверх. А как диплом академии МВД после заочной учёбы получил, пригласили в управление уголовного розыска республиканского МВД. Подполковника присвоили, когда уже пару лет отработал начальником розыска столицы республики. И вроде всё получалось как в оперативной работе, так и во взаимоотношениях с личным составом, только вот нет-нет, да и стали упрекать его за излишнюю мягкость по отношению к подчинённым.

Наверное, что-то всё-таки похожее присутствовало в его работе с молодыми сотрудниками, только он про себя называл это по-другому. Просто с возрастом обнаружил, что стал относиться к ним, как к собственным детям. Он женился в двадцать лет, старший сын уже учился в университете после службы в армии, а младший проходил срочную в Псковской дивизии ВДВ. В прошлом году отцу разрешили посмотреть, как их гоняют по полосе препятствий. Наверное, поэтому он и не стал поднимать среди ночи мальчишек-сапёров после марш-броска. Надеялся, что всё до утра обойдётся.

Не обошлось. Ну, что же, если сейчас у шефа пойдёт серьёзный разговор о его служебном соответствии, он подаёт рапорт об уходе. Но прежде расставит все точки над «i» в этой непонятной пока истории.

Замурлыкал мобильник. На экране высветился номер Сергеича.

– Здорово... Чего звонил? Да я тут в «Поле чудес» играю, требуется подсказка друга. Забыл, понимаешь, имя-отчество мифологического героя, который камни на гору закатывал, а потом спускал. Как?...Во-во, этот самый и есть. Всё, пора на пенсию, совсем заплыхел, память дырявая. Да ещё ночь не спал... Ладно, чувствительное вам мерси, с меня будет.

«Ну, что? Узнал имя своего древнегреческого прототипа? Ну, так его боги к своему безнадёжному делу приговорили, а тебя-то кто? А классно звучит: «Сизиф из ментовки». Чисто название для сериала», – и тут что-то куда-то торкнуло в организме Голуба. «Где ж я недавно слышал про Сизифа? Да, ё-моё, утром от учительницы Ковалёвой...»

Снова ожил внутренний телефон и уважительным голосом секретарши проинформировал, что шефа вызвали в министерство, и разговор переносится на завтра. Ну и слава Богу, есть время разложить факты по кучкам.

Итак, первое: рецидивист Тихон готовит налёт на фирму «Сизиф». В налёте вместе с Тихоном, Титом и, предположительно, Харитоновым – на стрёме, должен принять участие неизвестный, который имеет возможность провести налётчиков в охраняемое помещение фирмы. У Тихона появляется граната, которая Славке показалась учебной.

Второе: на фирме в охране работает двоюродный брат учителя Карманова. Учитель Карманов ожидал получить в ближайшее время крупную денежную сумму. Сегодня утром в шкафу Карманова не обнаружили учебную гранату. Не слишком ли часто в деле встречается фамилия учителя? Этак ведь он может из потерпевшего перейти в разряд подозреваемых. При этом, по всем отзывам человек он весьма и весьма положительный, так что по нему пока концы с концами не сходятся. Ладно, давай-ка встряхнись да чайку испей. Как говаривал дядя Вася Хлестов, его первый наставник в розыскных делах: – Замути, Сашок, чайку, сердцу станет веселей.

Он встал, сделал несколько энергичных гимнастических упражнений с использованием запыхавшихся за последние дни в углу гантелей. Поставил чайник, пригласил Алексея.

– Ну, что нового, да хорошего? – спросил, разливая чай. – Бумагу смежникам по

завтрашнему кладбищу передал?

– Так точно, – отпартовал парень.

– Хорошо. Ты про такую фирму «Сизиф» что-нибудь слышал? Вижу, не слышал. Значит, выясни, где находится, кто командир, ну и всё, что есть на поверхности. Свяжись с «экономистами», у них должна быть информация. А главное: в этой фирме, якобы, работает охранником двоюродный брат учителя Карманова. Очень аккуратно надо выяснить его установочные данные, понял? Сам понимаешь, предельно аккуратно. Что у тебя ещё?

– Был в школе по вчерашнему звонку, так там любопытная деталь выяснилась. Охранник сказал, будто бы вчера, когда из школы позвонили в дежурную часть... как раз в это время... в школу зашли директор и Карманов. Охранник в вестибюле слышал их разговор. Якобы, директор шёл в учительскую, а Карманов хотел оставить ключи сыну, который был в спортзале на тренировке. Да, ещё трудовик что-то ремонтировал в классе на одном этаже с учительской. Больше в то время в школе других учителей не было. Александр Николаевич, а может, прямо спросить у директора, не он ли звонил?

Голуб сделал глоток и вздохнул.

– Имей в виду, господин сыщик, Богданов не только директор школы, но ещё и депутат. Уважаемый человек. Он же был у меня сегодня, мог сообщить, что звонил. Не сообщил, значит, не он. С другой стороны, у нас что других вариантов что ли нет выяснить? Ладно, не бери в голову, сам разберусь. А учителя по труду на всякий случай пробей по базам. Ну, а что по сотовому Карманова?

– Да я уже в «Теле 2» дал задание подготовить его последние звонки.

– Сорокин не заходил?

– Нет. Звонил ему – не отвечает. Позвонил его начальнику и узнал, что Сорокин ночью был в республиканской хирургии, когда Антону Карманову делали операцию. Парень потерял много крови, а с наличием крови нужной группы случилась какая-то заминка. Сорокин предложил свою – у него оказалась кровь той же группы, но ему сказали, что сейчас прямое переливание не делают, тем более, что проблема уже была решена. Но благородный порыв оценили и предложили записаться в доноры. Утром Сорокин, якобы, пришёл на станцию переливания крови, сдал кровь и получил на сегодняшний день разрешение на заслуженный отдых. Завтра свяжусь, как на работу придёт.

– Оригинал, однако, – недовольно фыркнул подполковник. – А чего это его среди ночи вдруг в больницу-то понесло?

– Ну, не знаю... – замылся Алексей. – Хотя, понять можно...

«Конечно, Сорокина понять можно. И всех других тоже можно. Вот только его, Голуба, понять никто даже и не пытается, знай себе воспитывают да на народное хозяйство намекают. Так что, брат Сизиф, пора тебе с этими камнями завязывать...»

Глава десятая

Как назло, новый день у подполковника Голуба с утра снова категорически не заладился. Единственное светлое пятно – в больнице сказали, что Коюшеву лучше и его можно навестить. А потом ровно в полдень позвонил заместитель министра и предложил ему доложить, как идёт расследование взрыва на Красногорской. Александр

Николаевич сообщил, что по делу организована активная работа, но всё тормозится запретом врачей на встречу с потерпевшим Кармановым и задержанным Титовым, который до сих пор не пришёл в себя.

Зама явно задело слово «активная». Подчеркнув, что за сутки город наполнился слухами о разгуливающих по городу террористах, о вооружённых бомбами бандитах, он иронически отозвался об активности городских сыщиков, читай, под его водительством.

– Пока вы там ждёте, когда вам разрешат с ранеными встретиться, ваши, как вы изволили выразиться, главные свидетели запросто на кладбище приезжают. Не можете организовать работу – работайте сами лично, но если через три дня у вас не будет результатов, нам придётся передать это дело другим, более грамотным специалистам, – и положил трубку.

Это был удар ниже пояса. Выяснять, кого из свидетелей имел в виду зам, Голуб не стал, просто схватил телефон, набрал номер зама начальника наружной разведки и спросил, готово ли то, на что розыск давал задание. Узнав, что готово, предложил срочно встретиться. Договорились на сразу после обеда.

– Слушай, Михалыч, что-то я не понял, кого вы там утром на кладбище засекли? И почему ты мне сразу не сообщил?

– Так меня же не было с утра, в другом месте занимался. Когда ребята с дела вернулись, шеф мой сразу дёрнул их к себе. А как уж он потом на замминистра вышел... без понятия.

– Ладно, как говорят на востоке, мир с ними обоими. Ну, давай, тряси мощной.

Михалыч облегчённо выдохнул – ситуация с докладом его шефа заму министра действительно была «не тово»... – и достал из кейса пачку фотографий. Голуб чуть ли не выхватил фотографии из руки коллеги и начал торопливо просматривать. Разглядывая очередной сюжет, он вдруг впился глазами в фотоснимок, потом недоумённо посмотрел на Михалыча: – Не понял?

На фотографии потерпевший Антон Карманов выходил из машины, поддерживаемый двумя мужчинами в чёрном. В одном из них он узнал известного сыщикам уголовного по кличке Родной, поставленного преступным сообществом «смотрящим» по городу.

– Вот и мы тоже ничего в толк не взяли, – усмехнулся Михалыч. – По логике, он должен с отцом прощаться, а не с Тихоном.

Голуб рассеянно нашарил телефон.

– Алексей, срочно выясни, где сейчас потерпевший Антон Карманов и сразу перезвони.

Отложив телефон, он тряхнул головой, словно пытался сбросить с себя наваждение и снова взялся перебирать фотографии участников похорон Тихона. Вот она вся местная гопота-топота здесь: Кыля, Мочканутый, Плюха, Нарыв... Вот у самой могилы Родной обнимает плачущего Антона, а вот говорит с каким-то мужиком. Подполковник присмотрелся и не поверил своим глазам. На снимке Родной разговаривал с участковым Сорокиным. Вот и ещё один снимок, на котором Сорокин стоит около могилы. «Всё, блин, смешалось в доме Облонских», – вспомнилась Голубу любимая сказка Сергеича.

– Михалыч, а это что за пассажир? – ткнул он пальцем в участкового.

– Пока не знаем. Он откуда-то появился неожиданно и быстро ушёл.

Подал голос телефон, на проводе был Алексей.

– В больнице сказали, что Антон Карманов сейчас спит в своей палате.

– А про то, куда он утром ездил, ничего не сказали?

– Н-нет, – растерялся Алексей, внутренне насторожившись.

– Ещё один вопрос: ты в курсе, где сегодня участковый Сорокин?

– Телефон с утра не отвечал, я связался с его начальником и тот сказал, что Сорокин отпросился до завтрашнего дня.

– Мать-перемать! – рявкнул Голуб, злой на всех и вся. – Ох, и устрою я вам всем Варфоломеевскую ночь, вы у меня достукаетесь.

Кого конкретно он имел в виду, не пояснил. Просто научившегося за долгую оперскую жизнь держать удары судьбы и начальства, Александра Николаевича сегодня таки вышибло из равновесия. А до конца дня было ещё далеко...

Предчувствие не подвело сыщика. Получив фотографии, он решил немедленно отправиться в больницу, поговорить с раненым мальчишкой и заодно провести боевого товарища.

Подполковнику разрешили пройти к раненому коллеге исключительно на «минуточку», поскольку парень был ещё слаб, да и время было не приёмное. Гаврилыч очень обрадовался, сказал, что и ребята из отдела обещались заглянуть вечером. Невооружённым глазом было видно, что выйти ему «на волю» придётся не завтра, но он уже слабо улыбался и всё норовил обсудить производственные дела. Голуб расстраивать его не стал, тактично ограничился присказкой, мол, «дела идут, контора пишет, касса деньги выдаёт», намекнув на приближающуюся получку. Поставил ему на тумбочку пакет с гостинцами, рассказал недавно услышанный анекдот про визит одного мужика к психиатру и откланялся.

Заведующий хирургическим отделением, взглянув на удостоверение, слегка запунцовел лицом. На вопрос, где утром находился больной Антон Карманов, помявшись, ответил, что утром к нему обратился родственник погибшего учителя и очень просил разрешить мальчику присутствовать на похоронах отца. Через полтора часа мальчика привезли обратно, и он сейчас спит.

– Этот мужчина... Он чей родственник? – переспросил Голуб.

– Так я же сказал, учителя, который погиб. Уж очень просил. Ну, я и разрешил.

«И, наверное, не без спонсорской помощи», – хмыкнул про себя Голуб и достал из папки фотографию Родного. – Этот человек приходил утром?

Заведующий кивнул и спросил осторожно: – Что-то случилось?

Заверив, что у него нет к нему никаких претензий, подполковник предложил пройти к больному. Проходя по коридору, внимание Голуба привлёк сидящий на диване мужчина в белом халате и с газетой в руках. Завидев доктора и сыщика, мужчина встал и неторопливо двинулся куда-то вперёд. «Я милого узнаю по походке...» – фыркнул беззвучно Голуб. – «Ты, Плюха, сперва «походняк» смени, а уж потом шпионскими делами занимайся». Плюха, по паспорту значившийся как Владимир Плюснин, действительно имел привычку ходить слегка вразвалку. Не каждый прохожий обратил бы на это внимание, но только не начальник городского угро, не раз общавшийся с Плюсниним. «Никак братва вздумала пацана пасти. К чему бы это? Похоже, надо «поднимать заставу в ружьё».

Антон действительно мирно посапывал, отвернувшись к стене. – Мы ему дали выпить успокоительное, долго спать будет, – прошептал доктор.

– Как проснётся, сразу позвоните мне. Нам с ним надо срочно поговорить. Момент, – Голуб вынул мобильник. – Товарищ полковник, прошу немедленно дать команду на организацию круглосуточной вооружённой охраны палаты потерпевшего Карманова. Основания есть, вернусь – доложу.

Проинструктировав прибывших охранников, Голуб решил по пути завернуть к учительнице Ковалёвой и предложить ей проехать в управление для опознания голоса неизвестного, звонившего из школы. Позвонил, чтобы предупредить, но на все его звонки бесстрастный женский голос механически отвечал: – Телефон абонента выключен...

Кроме того, он хотел дополнительно выспросить у Ковалёвой что-нибудь ещё о родственнике Карманова из «Сизифа». Если фирма занимается какими-то махинациями, то обращение напрямую к руководству заставит их насторожиться. Исходя из этих соображений, он ещё раз предупредил Алексея об опасности «резких движений» по фирме. Подъехав к дому учительницы, набрал по домофону номер квартиры. Безрезультатно.

«Ну, что ж, коли со свидетелями непруха, стало быть, пора, не теряя времени, зайти с другого конца, – поразмыслив над вязкостью ситуации, сказал он сам себе. – Лично встретиться с ребятами из инспекции по делам несовершеннолетних, раз. Потолковать с жульманами для прояснения оперативной обстановки, два. И начать со Славки Харитонов». Голуб включил левый поворот и остановился у супермаркета.

– А на дворе такая грязь, папаша по уши увяз. А я зайду с того конца... – припевая старую частушку и подмигивая стоящему Харитонову, начальник угро нарезал лимон, поставил на приставной столик тарелку с закуской и стакан с чаем. – Присаживайся, Вячеслав, угощайся. Другой бы тебя сигаретой угостил, но это вредно, потому сам не курю и другим не рекомендую. А вот от чая с лимоном для человека одна польза.

– Я бы и от стопаря не отказался, – осмелев, попробовал пошутить Славка.

– Посмотрим на твоё поведение, там видно будет. Давай со мной за компанию чайку попьём, сердцу станет веселей.

Минуту-другую Александр Николаевич с видимым удовольствием прихлёбывал чай, компенсируя пропущенный обед и наблюдая, с какой скоростью Славка опустошает содержимое тарелки.

– Спасибо, гражданин начальник. Вот если бы всё-таки сигаретку?..

– Будет тебе сигаретка, будет и свисток. Чуть позже. А пока хочу выразить тебе своё неудовольствие. Ну-ка вспоминай, какие у тебя ещё дела были с Тихоном?

– Да зуб даю, начальник... – вскинулся Славка.

– Ты не торопись, а то, как бы без зубов не остаться. Этого пацана знаешь? – Голуб достал из папки фотографию Антона.

– Понятия не имею, начальник.

«Опять порожняк», – не выдержав, горестно вздохнул сыщик, почувствовав искренность Харитонов, но тот от его расстройства ещё сильнее занервничал. – Да чем хотите, клянусь, не знаю, что за чиграш. В тот самый день Тихон велел мне за ним посмотреть, вот и всё.

– Так что же ты, твою мать, Муму-то за хвост тянешь. Быстро рассказывай всё с самого начала. И с подробностями.

– Ну и зачем это было нужно Тихону? – спросил он, дождавшись конца повествования.

– Да кто ж его знает, Тихон мне об этом ничего не говорил. Сказал проследить и всё. Предупредил, что если пацан вдруг в ментовку пойдёт или с ментами встретится, то сразу ему позвонить. Только ни в какую ментовку этот чиграш не бегал, а когда с Тихоном разговаривал, глядел на него, как на отца родного. Тихон потом хвастался, что где-то учился и умеет человека привораживать.

– Может, они родственники?

Славка выразил лицом незнание.

– Ну, а чем дело со слежкой-то закончилось?

– Так Тихон потом вечером с ним ещё раз встретился около дома, где тот живёт, вроде деньги дал. Мне не шибко было видать, чё да как. Чё-то перетёрли и разбежались.

Зазвонил телефон. Сыщик Алексей доложил, что с помощью ребят из ОБЭПа удалось по-тихому выяснить, что двоюродный брат Карманова сейчас в отпуске, но через четыре дня должен выйти на работу.

– Ладно, иди, Вячеслав, отдыхай, – Голуб достал из ящика стола пачку сигарет, вынул две штуки и подал арестованному. – Травись, если здоровья не жалко. Погоди, что-то я ещё хотел тебя спросить... Да. Ну-ка вспомни: Тихон тебе гранату когда показывал?

– Так... ну вот как я вернулся со слежки, он мне и показал. Только, начальник, ещё раз говорю, она мне учебной показалась.

– От этой учебной один погиб, второй ранен, а ему, понимаешь, показалось... Марш в камеру.

«Она, она, учебная была...», – крутанулся в голове Голуба мотивчик про «большую крокодилу». – «Однако ты заливаешь, гражданин начальник. Тут дело серьёзное, а у тебя в голове всё какие-то неприличные частушки да детские припевки крутятся. Хотя, почему только частушки? Сама собой любопытная версия напрашивается. Учитель Карманов по неизвестной пока причине забрал из сейфа и хранил дома, якобы, учебную гранату. Его сын Антон, опять же по неизвестной пока причине эту гранату, возможно, передал преступному авторитету Тихону, с которым у него, как выясняется, были дружеские отношения. А граната, как выяснилось, была вовсе и не учебная. Опять не в масть...» В дверь постучали. Голуб вспомнил, что назначил на этот час совещание. Значит, сейчас подводишь итоги дня и ставишь задачи на завтра, а потом... вскочила тут одна мыслишка...

По окончании совещания он велел Алексею принести ключи от квартиры Кармановых и бумажку с печатью. Пока тот бегал за ключами, решил подготовить документы для завтрашней аттестационной комиссии. На комиссии планировалось рассмотреть аттестацию Коюшева, исполняющего обязанности зама начальника ОУР, для утверждения его в этой должности. Замначальника управления по кадрам уже предупредил, что рассмотрение переносится до выхода парня из больницы. Но Голуб не согласился с такой постановкой вопроса. И не только по причине уверенности, что тот достоин этой должности. Уверенность врачей в благополучном исходе лечения, конечно, обнадеживает, но вдруг? И вот если это «вдруг» случится, и парню по состоянию здоровья придётся оставить службу, пусть он уйдёт «задом», а не «и.о.». А все претензии пусть валят на него, Голуба. Ему, как сказал шеф, терять нечего.

Александр Николаевич опять попытался собраться с мыслями, но какая-то неодолимая сила не давала сосредоточиться, подталкивая к немедленной реализации возникшей час назад идеи. А тут и Алексей вернулся.

– Принёс? – спросил Голуб и, не дожидаясь ответа, убрал свои бумаги в сейф до завтрашнего утра. – Поехали со мной на квартиру Карманова, со следователем я договорился.

Вошли в квартиру учителя, включили свет, осмотрелись. Типичная квартира из недавнего советского прошлого. Социальная отделка, скромная обстановка, налево и направо рудименты ушедшей эпохи: открытая вешалка на стене для верхней одежды, выдавший виды сервант с немудрящей посудой, обшарпанный переездами книжный шкаф. По нынешним временам вешалки давно сменились встроенными шкафами, серванты и книжные шкафы вообще «ликвидировались как класс». В гостиных вместо сервантов в моде голые стены с подсветкой, с чёрными африканскими масками, с натыканными по шероховатой поверхности полочками, на которые, как правило, «мостят сувениры из-за бугра» – оригинальные вазы с цветами или статуэтки. Книжные шкафы сегодня без надобности, кто их читает эти книги. Если так дальше пойдёт, народ скоро и буквы-то позабудет. У всех только и на уме, чтобы сорок да сорок обязательно дали в сумме «рупь сорок».

Обошли квартиру «по науке» – ничего интересного. Распотрошили туго набитую спортивную сумку – то же самое. Книжки из шкафа и ящики стола, за которым занимался Антон, перетрясли – и опять «голый Василий». Взгляд Голуба зацепился за учебник математики, лежащий у настольной лампы. Вернее, за необычную закладку, которая лежала внутри. Он открыл учебник. Закладкой была пластиковая карта. «Такие обычно используют в офисных помещениях для открывания дверей, – подумал Голуб. – Наверное, использованная, кто-то выбросил». Чисто ради интереса взял в руки, перевернул и увидел надпись «Сизиф». «Любопытно. Прихвати-ка ты её на всякий случай».

– Я же говорю, Александр Николаевич, мы тут всё облазили. Всю одежду из шкафа перебрали, кладовку сверху донизу, постели, – не выдержав, подал голос Алексей.

«Пожалуй, ребята действительно поработали здесь на совесть. У молодого парня, небось, молодые планы на вечер были, а ты их поломал. И главное, всё, похоже, впустую. Ох, и помогут завтра сыскари мои старые кости. Неужто твоя чуйка в этот раз обсечку дала?»

– В серванте смотрели?

– А как же, – Алексей подошёл к серванту, открыл дверцу и стал выдвигать ящики. – Скатерти, столовые приборы. Тут вот два альбома с фотографиями.

– Ну-ка, ну-ка, – Голуб, памятуя о двоюродном брате Карманова из «Сизифа», взял альбомы и сел за стол. В первом угнездились семейные фотографии первой половины прошлого века. Он вспомнил точно такие же альбомы своих родителей и сразу как-то обмяк душой. И уже без прежнего охотничьего азарта пролистал первый. Может, в нём и была фотография родственника, только понять это не было возможности, подавляющее большинство фоток были без подписей.

Второй альбом начинался с большой фотографии покойного хозяина дома в парадной форме майора инженерных войск. «Совсем, как мой дембельский альбом», – усмехнулся сыщик. Вот Карманов совсем юный лейтенант, выпускник училища. Выпускная фотография. Вот уже старший лейтенант. Это где-то на учениях. Офицерское

застолье. На стрельбище в эффектной позе. Служебные занятия с солдатами и сержантами...

Голуб скользнул взглядом по снимку, открыл следующую страницу и вдруг резко вернулся к предыдущей.

– Алексей, подойди-ка сюда, – подозвал он парня. – Взгляни.

Парень присмотрелся и... – Ни хрена себе, – вырвалось у него.

– Так вот, дорогой, хочешь знать, когда настоящими сыщиками становятся? Когда таких ляпов не допускают.

Глава одиннадцатая

А участковый инспектор капитан Сорокин лежал в это время на койке в недорогой частной гостинице соседнего областного центра и перекручивал в голове события ушедшего дня...

...В половине десятого утра он, Сорокин, одетый по гражданской, тревожно озираясь, вошёл в вестибюль школы с букетом роз. – А что прощание с Кармановым уже закончилось? – обратился к сидящему в стеклянной будке розовощёкому молодому охраннику. Тот удивлённо вскинул брови.

– Почему закончилось? Как раз сейчас идёт, – и прибавил, увидев растерянность на сером от недосыпа лице вошедшего, – в зале ритуальных услуг на Лесной.

– Но вчера же днём сказали, что здесь состоится.

– Так сначала так и планировалось. Видать, начальство передумало, – с сожалением пожал плечами страж школьного порядка и посмотрел куда-то в сторону. – Хороший мужик был.

Сорокин проследил за его взглядом и только теперь увидел стоящий у стены столик, на котором стояла большая фотография Карманова с чёрной ленточкой наискосок. На фотографии Карманов был в военной форме с майорскими погонами. Тяжело передвигая враз ставшими ватными ногами, участковый приблизился к столику, положил на него букет и вытянулся по стойке «Смирно». Потом повернулся и медленно пошёл к выходу.

– Если на такси, ещё успеете, – сочувственно подсказал охранник. – Хотите вызову такси?

Сорокин непонимающе посмотрел на парня, потом кивнул. Всё тело с ног до головы словно налилось тупой свинцовой усталостью. Сесть бы вон на ту лавку для перwokлассников, закрыть глаза и не двигаться...

– Сейчас подъедет, – прорвался в сознание голос охранника. – Через две минуты.

На панихиду он не успел. На перекрёстке перед светофором увидел, как от ритуального зала на улицу медленно вытягивается колонна легковых машин во главе с ка-тафалком. – Опоздали, – констатировал пожилой таксист.

– А вы откуда знаете?..

– Ну, если вы с учителем хотели проститься, который на гранате взорвался, то это они и есть. Я сюда час назад людей привозил, машины запомнил. На Верхнехолмское кладбище поехали. Так что делаем?

– Поехали за ними, – устало выдохнул капитан.

– Я вот не пойму, – начал водитель, «зацепившись» за хвост колонны, – как он умудрился на гранате подорваться? С каких это пор у нас гранаты на улицах валяются? В городе что, террористы объявились?

Он «выстреливал» вопросами одним заковыристей другого, но Валентин разговор не поддержал.

У площадки перед воротами на кладбище скопилась куча машин, которую упорядочивали сотрудники ГИБДД. – Подождёте? – спросил Сорокин таксиста. Тот выдержал паузу и только после получения задатка обозначил место, где он будет ждать возвращения пассажира.

Верхнехолмское кладбище раскинулось в черте города на живописном холме, отплавив одной стороной широкую полосу у лесного массива. Старая часть, находившаяся у входа, изобиловала фантазийными конструкциями мраморно-гранитных сооружений, поскольку родственники ушедших в иной мир состоятельных горожан прилагали максимум усилий для их упокоения именно на этом небольшом клочке земли. Следующей шла та часть кладбища, позднесоветские обитатели которой довольствовались скромными железными конструкциями с пятиконечной звездой. Отличительным же признаком послесоветской эпохи стали деревянные и железные кресты, постепенно сменившиеся скромными мраморно-гранитными вертикальными прямоугольниками. Чем ближе располагались участки к лесу, тем больше деревьев высилось над могилами. До ближайшего к кладбищу моря была, как минимум, сотня тысяч километров, однако, в небе с громким гоготом активно носились невесть откуда взявшиеся здесь жирные чайки.

Въезд на территорию кладбища разрешался только катафалкам, поэтому все остальные участники процессии, спешившись, пошли своим ходом. Аккуратно протиснувшись к покойному, Сорокин взглянул на его лицо. Гримёр, конечно, выполнил свою работу вполне квалифицированно, однако, Валентин даже через напластования грима увидел печать страдания на лице Карманова. Подавляя в себе невероятной тяжестью навалившееся чувство вины и раскаяния, он наклонился, прошептал: – Простите меня, Анатолий Фёдорович, – поцеловал покойного в лоб и, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, побрёл к выходу с кладбища.

Убитый горем, двигался он по широкому проезду, как на автопилоте, машинально передвигая ноги, не обращая ни малейшего внимания на окружающую его действительность. Откуда-то спереди из старой части кладбища слышалось рычание автомобильных двигателей и приглушённое людское многоголосье. Подняв голову, он увидел большую группу мужчин в чёрном, окруживших свежевырытую могилу. Сорокин замедлил шаг.

– Вот ведь другим проезда на территорию нет, а бандюкам пожалуйста. И место ему нашлось, хоть тут уже не хоронят.

Валентин оглянулся. Голос принадлежал мужчине, обметавшем памятник прямо за ним в оградке. – «Бугра» своего провожают, которого менты позавчера завалили, – со знанием дела вполголоса продолжил мужчина.

«Так это Тихона, что ли хоронят?» В нём ворохнулся интерес к происходящему. В кино про лихие девяностые часто показывали пышные похороны, которые устраивала преступная братва «ворам-законникам», а сегодня нечто подобное происходило совсем рядом. Пройдя вперёд, он протиснулся ближе к могиле, поднял голову, обвёл

глазами стоящих у гроба людей и остолбенел. В очередной раз помутилось в голове, он даже пошатнулся. – Держись, братан, – поддержал его рукой кто-то стоящий рядом. Поблагодарив соседа, Валентин решительно двинулся к стоящему у гроба подростку, аккуратно обошёл его сзади и тронул за плечо. Мальчик медленно повернул голову и поднял на капитана опухшие от слёз глаза.

– Здравствуй, Антон, что ты тут делаешь? – шёпотом спросил Сорокин. Но его услышали. Поддерживающий мальчика под руку коренастый высокий мужчина в чёрном пальто повернулся и настороженно уставился на участкового.

– Что ты тут делаешь, Антон? – повысив голос, повторил Сорокин вопрос, но высокий, шагнув вперёд, загородил от него Карманова-младшего.

– Проходи, мужик, не мешай. Не видишь у парня горе, отец умер.

– Да вы что? Какой отец?

В ту же секунду кто-то сзади крепко ухватил его за руку и прошипел: – Ты что, оглох? А ну шагай отсюда...

Сорокин повернулся и увидел двух битков, угрюмым видом своим выражавших готовность немедленно уложить его в могилу рядом с Тихоном. Мелькнула шальная мысль достать удостоверение, но внутренний голос подсказал ему не связываться в разборку у отрытой могилы. «Успокойся, иди к выходу и подумай, как дальше действовать», – добавил голос.

Идеи зароились в голове, как пчёлы в улье. С каждым шагом их оставалось всё меньше и меньше и в момент, когда он подошёл к машине, в которой дисциплинированно дремал таксист, все вылетели наружу, осталась одна, главная.

– На автостанцию, – скомандовал Сорокин, плюхнувшись на сидение.

Комфортабельный автобус до соседнего областного центра уходил через полтора часа и приходил к месту назначения поздно вечером. Юркая пассажирская «Газель» проходила дистанцию на пару часов быстрее, но всё равно лишь к концу рабочего дня. А вот тусующиеся у входа в автовокзал «бомбилы» приезжали гораздо раньше...

Дорога, по которой они ехали, представляла собой в летнюю пору живописное зрелище. Но и в зиму заметённые снегом поля и луга, сменявшиеся плотными стройными рядами укутанных белоснежными одеяниями остроконечных высоких елей, уступавшими в свою очередь место скромным берёзовым рошицам или перелескам, так и просились на полотна местных и заезжих живописцев. Только вот пассажиру Сорокину в этот раз не довелось полюбоваться дивными зимними красотах русского Севера. Усталость бессонной ночи, когда до «поросычьего визгу» накатывали дикие приступы отчаяния, и даже крепкий алкоголь был бессилен их побороть, взяла своё, и через полчаса он уснул мертвецким сном.

Заведующая домом ребёнка женщина симпатичная, вежливая, но неприступная, как Брестская крепость, в выдаче нужной ему бумаги наотрез отказала, сославшись на необходимость наличия официального запроса. Собственно, капитан и не ожидал иного ответа. Выйдя на улицу, взялся за телефон.

– Привет. Узнал?.. Извини, Иван, я в городе, надо срочно увидаться... Всё расскажу при встрече.

На другом конце «провода» возникла пауза. Валентин замер в ожидании непредсказуемой реакции того, кого он назвал Иваном. Наконец, трубка ожила: – Хорошо, приезжай в управление, я предупрежу охрану.

Майор Киселёв, ровесник Сорокина, невысокий, крепко сбитый молодой мужчина занимал должность заместителя начальника отдела областного управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Большого восторга при встрече с Валентином не выказал. После протокольных приветствий чаю-кофею не предложил, а сел за стол и равнодушным тоном предложил изложить суть дела. Однако не прошло и минуты, как настроение его круто переменялось. Новость, которую привёз гость, привела его в сильнейшее расстройство. Едва дослушав до конца рассказ Сорокина, спросил, чем сможет помочь. На листке бумаги записал нужную информацию. Глянул на часы, убедился, что рабочий день час, как закончился.

– Ладно, пошли, тут недалеко одно приличное заведение имеется. Помянем хорошего человека.

До заведения, действительно, было рукой подать. Бог троицу любит – выпили по третьей и Иван поднялся. – Ладно, до завтра. Жди моего звонка. Здесь на соседней улице есть маленькая частная гостиница, «Караван-сарай» называется, – Иван показал рукой куда-то за окно. – Сервис на уровне и недорого. Извини, к себе не приглашаю. У меня там тесновато, семеро по лавкам. Всё никак не соберусь взять ипотеку, да трёшку купить. Ладно, пока.

Расстались до утра. Сорокина ничуть не задело, что Иван не пригласил к себе. Слава Богу, что на встречу согласился. Чувствуется, до сих пор на него обижен. Хотя... после сегодняшнего разговора, похоже, помягчел.

Глава двенадцатая

Иван заехал за ним через час, после начала работы. Остановившись у дома ребёнка, оставил гостя в машине, а сам пошёл решать проблему. Пробыл недолго, вышел с довольной улыбкой на лице.

– Держи, – передал Сорокину документ. – Теперь в ЗАГС.

Получив ещё одну бумагу, Киселёв, сев за руль, спросил: – Может, ещё что-то нужно?

Валентин поблагодарил и попросил подбросить его до автовокзала. Там оба вышли из машины. – Спасибо тебе, Иван... – начал Сорокин, но тот движением руки остановил его эмоциональный порыв.

– Ладно, бывай. Надеюсь, не забудешь, когда всё закончится, вернуть мне оригиналы документов? Ты уж меня не подставляй. Ну, удачи тебе, – и прощальное рукопожатие. Иван открыл дверь «Ниссана», но вдруг, словно на что-то решившись, повернулся к товарищу.

– Скажу откровенно: сердца на тебя не держу, всё перегорело. Только сдаётся мне, силы небесные на тебя за что-то сильно осерчали, коли по жизни хорошие люди через тебя страдают. А потом их страдания тебе же боком выходят. Может, было в твоей жизни что-то, за что тебе такой крест выпал? Подумай об этом. Как в Писании сказано, повторю тебе грешному: иди и больше не греши. А умные люди ещё и говорят так: жизнь устроена так, что пережитое человеком страдание часто не только делает его лучше, но и вырабатывает в нём способность облегчать жизнь другим людям.

На том и расстались.

И на обратном пути заоконный пейзаж пронёсся мимо сознания Сорокина. Слова

Ивана разворошили в его памяти события, случившиеся много лет назад. Это был его «скелет в шкафу», о котором на этой земле знали единицы...

...Отца своего он не помнил, воспитывали мать и бабушка. А, собственно, зачем ему был отец, если по железобетонности характера его мамаша запросто могла дать фору нескольким мужикам. Занимая солидную должность в городском муниципалитете, она, как ни странно, медленно, но верно выработала авторитарный стиль руководства, который, в определённом смысле, позволял ей эффективно организовывать производственный процесс. Вся беда заключалась в том, что она перенесла эту методику на воспитание сына. Излюбленное выражение «Не вмешивайся в разговоры старших» дополнялось категорическим запретом схватиться с местным хулиганом, обижающим маленьких ребятшек или урезонить выпившего через край соседа. Позднее в критических ситуациях в его сознании будто надпись загоралась «Не влезай – убьёт!», а под надписью чернела табличка с черепом и скрещёнными костями.

Бабушка, как могла, старалась смягчить эту её авторитарность, но в таком случае и ей «тактично» указывалось на своё место. Года за два до окончания школы матери предложили хорошую должность в одном из городов Заполярья. Приняв предложение, она пообещала, как обустроится, перевезти их к себе. Но время шло, а она всё тянула с переездом, при этом исправно высылая денежное довольствие. Позднее выяснилось, что у неё случился бурный роман с каким-то местным руководителем. Тот ушёл из семьи к ней... и идею с переездом благополучно похерили. Но звонила она регулярно, и с деньгами перебоев не было.

Первый раз он послушался мать, когда та решила, что он должен продолжить образование в университете на факультете информатики. Приехала, с кем-то о чём-то пошепталась и, даже не поинтересовавшись его мнением, сообщила, куда и когда надо будет подойти, чтобы не было «осечки».

И тут он, понимая, что не силён в математических науках, наконец-то, «взбрыкнул». По окончании школы подал документы на поступление в пединститут на индустриальный факультет. Подал просто так, за компанию с ребятами, но мужчины в «педе» были всегда в цене, так что он неожиданно для себя прошёл по конкурсу и был зачислен на учёбу. Парень он был не без способностей, но присутствие у него «царя в голове» в то время вряд ли кто наблюдал из его сокурсников. Уже на первом курсе понял, что попал не туда, собирался уйти, но всё тянул и дотянул до третьего. На втором курсе познакомился с девчонкой с истфака. Летом напросился вместе с ней в экспедицию археологическую, и под гитарный перезвон на берегу тихой речки закрутился у них бурный роман.

Отрезвление пришло в сентябре, когда выяснилось, что подруга «залетела». Но такой вариант в его планы не встраивался ни с какого боку, в мозгу то и дело вспыхивала табличка с черепом и костями. Уверив её в самых искренних чувствах, предложил не торопиться с детьми. Но подруга оказалась с характером. И тогда, ни с кем не советуясь, он «закусил удила», тайком подал заявление об отчислении из вуза и напрямую двинул в военкомат, как раз под осенний призыв. В армии он и познакомился с Иваном Киселёвым, имевшим к тому времени пару месяцев полноценного армейского опыта.

Возвратившись после службы в родной город к бабушке, Валентин решил не возобновлять учёбу в институте. В военкомате услышал про открывшуюся у них в городе школу

милиции и решил попытать счастья. Удивительно, но в этот раз оно пошло ему навстречу. Документы приняли, поскольку уголовной компры на нём и на родне не было, к тому же отслужил срочную. Экзамены сдал успешно и через два года, получив лейтенанта, подался в участковые. Когда спрашивали, почему именно в участковые, отшучивался, мол, квартиру посулили. На самом деле была возможность пойти в розыск, или в дознаватели, однако, считая, что он напрочь лишён сыщических способностей, решил стать участковым. Подумалось, что работа эта менее опасная и хлопотная, чем в угро.

Очень скоро понял, какую промашку допустил. И вот на тебе – впервые в жизни «оказал сопротивление» трудностям. Постепенно, худо-бедно втянулся, работа даже показалась ему интересной, незаметно почувствовал свою нужность людям на закреплённом за ним участке. Года через два его стало отмечать начальство, соответственно появилась вера в свои силы и способности. Стал чаще задумываться о перспективах службы и, когда предложили поступить на заочное отделение в Санкт-Петербургский университет МВД РФ, пошёл не раздумывая.

Как-то в конце третьего курса большой ватагой сокурсников собрались в Петергофе в ресторане «Самсон» отметить завершение сессии. Каково же было его удивление, когда он увидел среди присутствующих Ивана Киселёва. Тот почему-то старательно отводил взгляд, но Валентин, уловив момент, подошёл и поздоровался. Иван рассказал, что живёт в Уржумске, работает в уголовном розыске и учится заочно в Москве, а в Питер заскочил навестить старого товарища.

Бывший сослуживец, обычно неразговорчивый в обыденной жизни, был слегка навеселе, поэтому безумолку шутил, с кем-то словесно пикировался, что-то громко обсуждал. В какой-то момент подвыпивший Валентин вдруг разобрал в застольном гомоне, что Киселёв рассказывает присутствующим историю из своей армейской жизни. Речь шла о неблагоприятном поступке какого-то солдата в период их совместной службы. Мол, из-за разгильдяйства этого солдата из армии вытурили очень достойного офицера, которого уважали все бойцы. Растяпа – рядовой обронил на учениях боевую гранату, когда выдёргивал чеку. Майор – руководитель учений, бросился на дно окопа и закрыл собой гранату. К счастью, трагедии не произошло. У солдата от волнения так тряслись руки, что он уронил гранату на землю, не выдернув чеку. Майора же через час увезли в госпиталь с инфарктом. А через несколько месяцев вообще комиссовали из вооружённых сил.

Рассказывая, Иван то и дело бросал красноречивые взгляды на вмиг протрезвевшего Сорокина. Тот буквально окаменел, на секунду представив, что рассказчик назовёт имя солдата, из-за которого пострадал уважаемый бойцами замкомандира батальона майор Карманов. Но Иван обошёлся без фамилии.

Рассказ Киселёва вызвал кратковременную оживлённую дискуссию, быстро, однако, переместившись в другую плоскость. Валентин сидел, оглушённый новостью о болезни Карманова. Ведь майор ещё служил, когда его перевели в другую часть? Слова Ивана заставили бешено колотиться сердце, он внезапно почувствовал катастрофическую нехватку воздуха.

– Ты чего такой бледный? – спросил его сосед. Валентин, изобразив на лице подобие улыбки, намекающей на опьянение, вышел из-за стола и, пошатываясь, побрёл в туалетную комнату. Подошёл к зеркалу, посмотрел на себя, и стало противно. Как говорится, мало того, что импотент, так ещё и ноги отрезали...

...Сбежав от подруги в армию, за всё время службы он не написал ей ни строчки. Через год, вернувшись в родной город, узнал, что она ушла в академический отпуск, родила, но ребёнок через месяц умер. После чего, едва не лишившуюся рассудка, родители увезли её куда-то на юг. С этого дня ему временами стал сниться один и тот же сон: будто он, Валентин Сорокин, ползёт внутри тёмной и тесной трубы, не имея ни малейшего понятия, когда она закончится. Всякий раз просыпался он в холодном поту, и как ныряльщику после долгого нахождения под водой требуется время на восстановление нормального дыхания, так и ему, проснувшись, требовалось время, чтобы сбросить охвативший его всепроникающий ужас...

– Ну, как же так, Валентин? – спросил он себя в зеркале. Посмотришь, ты и нарядный – в приличном костюме, при стильном галстуке и модных часах. И лицом недурён – девки заглядываются. И голова не так, чтобы пуста, сессию вон на четвёрки-пятёрки сдал. По службе с положительной стороны отмечают. А внимательно приглядишься – лузер-лузером...

И так вдруг накатило, что заплакал. От жалости к майору, к девушке, которую по собственной глупости потерял, к их так толком и не родившемуся ребёнку. От жалости, наконец, к самому себе, такому одинокому, расхристанному и нескладному, который всё никак не может доползти до конца тёмной и тесной трубы... «За что? За что мне всё это?» – иступлённо повторял про себя, глотая слёзы.

За спиной скрипнула дверь. Быстро достав носовой платок, он утёр глаза и выморкался. Кто-то тронул его за плечо. Не поворачиваясь, Валентин поднял голову и увидел в зеркале Ивана.

– Здесь адрес майора Карманова, – Иван сунул ему в карман какую-то бумажку. – Я тогда в первые недели службы в крутую разборку с «дедами» вписался. Взводный сделал вид, что его дело сторона, пусть проучат салагу. И как только майор узнал об этом? Короче, вовремя вмешался, а то бы...

Сказал и ушёл с концами.

Глава тринадцатая

Новый день начинался куда как бодряще. Прямо с порога родимой конторы дежурный доложил, что ночью в дежурку был звонок. Сосед погибшего на днях учителя Карманова сообщил, что в опечатанной квартире учителя кто-то ходит. Выехавший наряд охраны вместе с дежурным сыщиком Шуктовым никого не обнаружил, но бумажка с печатью была нарушена, и вещи в квартире были разбросаны, как будто там что-то искали. Шуктомы был одним из тех, кто участвовал в обыске квартиры и отметил, что из ценных вещей ничего не пропало. Потому и не стал ночью беспокоить начальника.

Этот факт, а также промашка, допущенная сыщиками при обыске квартиры, была темой воспитания, прописанного Александром Николаевичем на отдельской планёрке «молодняку». Озадачив их напоследок вопросом: кому и зачем понадобилось залезать в опечатанную квартиру и, догадавшись по их мрачным лицам, что в ближайший час они его не побеспокоят, решил доделать аттестацию на Коюшева. Однако, не прошло и десяти минут, как пришёл Алексей и сообщил, что по данным оператора сото-

вой связи, последний разговор со своего телефона погибший учитель провёл с участковым городского УВД Валентином Сорокиным. Это был ещё один лихой разговор.

– Ты же мне вчера сказал, что Сорокин отпросился до сегодняшнего дня. Ну и где он? – буркнул Голуб, сердито буравя глазами парня.

– Пока не отвечает, – виновато пробормотал тот.

«Что-то тут не то. Если после обеда участковый не появится, надо докладывать шефу и организовывать поиск, – подумал Голуб. – А парня ты сегодня шибко не нагружай, ослабь вожжи, а то от него за версту разит глубочайшее осознание своей профессиональной непригодности».

– Ладно, разберёмся. А ты сейчас должен вот что сделать. Первое: срочно выяснить, на каком факультете учился в университете Тихон. Вдруг да на гипнотизёра или экстрасенса учился, а? Шучу. Второе: выясни, Тихон случайно не родня Кармановым? И вообще, не пересекались ли пути Тихона и Карманова по жизни. По бумагам, конечно. И ещё: сообщи следователю о проникновении в квартиру и договорись, чтобы эксперт поработал там «по пальчикам». Вдруг да какие знакомые объявятся. Всё понял? Действуй. Да, и пусть Кириллов ко мне зайдёт.

Послав старшего лейтенанта Кириллова караулить Сорокина у дома и, в случае появления сразу доставить к нему, Голуб позвонил в хирургию. Трубку взяла какая-то женщина и, выслушав сыщика, ответила, что заведованием минут через пятнадцать-двадцать освободится и обязательно позвонит. «Так, возвращаемся к аттестации на Коюшева», – решил он, но оставив на бумаге пару предложений, снова вступил в разговор с самим собой.

«А как тебе такой вариант: учитель после ревизии для какой-то надобности забирает гранату из школы и держит дома. Антон об этом узнаёт и рассказывает друзьям, среди которых кто-то связан с жуликами. Услышав про гранату, Тихон просит Антона дать ему гранату с возвратом, обещая хорошо заплатить. Антон соглашается. А отец, как на грех, случайно замечает её отсутствие и, решив, что забыл, как унёс её обратно, бежит в школу проверить. Убедившись, что её там нет, возвращается домой и начинает разговор с сыном. Антон признаётся. Поскольку, как выяснилось, Карманов знаком с Сорокиным, он, понимая возможные последствия, срочно звонит капитану. Тот сообщает, где находится, учитель берёт сына и идёт на встречу...»

Телефонный звонок остановил его размышления на самом непонятном месте. Заведующий хирургией сообщил, что товарищ подполковник может побеседовать с больным Кармановым. «Вот он, долгожданный момент истины», – подумалось сыщику, да как оказалось, рановато. Воодушевление, с которым он мчался в больницу, испарилось уже через несколько минут. Бледный, похудевший от свалившихся на него несчастий мальчишка, усталым голосом, равнодушно твердил одно: ничего толком не помнит... отец, ничего не объясняя, велел идти с ним незнамо куда... откуда взялась граната, не видел...

– Каким образом оказался на кладбище?

– Пришли какие-то люди, предложили съездить на кладбище. Решил, что к отцу, привезли в другое место, попросили подождать, потом отвезли обратно и дали денег. Людей этих он видел в первый раз. Всё было, как в тумане.

– Давно ли знаком с Тихоновым?

– Не знаю такого.

– А кто это? – взглянув на фотографию Тихона, Антон покачал головой: – Первый раз вижу.

Парень врал монотонным, бесцветным голосом, но после вопроса о Тихонове глаза его вдруг наполнились слезами. Истерически выкрикнув: – Я хочу спать, уходите, я ничего не знаю, – отвернулся к стене и затих.

Доктор тронул Голуба за плечо, мол, пора уходить. Сыщик понял, что толку в его сегодняшнем посещении «шиш, да маленько» и надо соображать, как действовать дальше. Из больницы вышел с тяжёлым чувством, поскольку сегодняшние его надежды на главного свидетеля не сбылись. Почему мальчишка не хочет говорить? Самый простой ответ: что-то знает, и жулики, пригрозив, велели молчать. Надо, надо искать к нему ключик, но сколько на это понадобится времени? А три дня, озвученные замминистра, висят над его головой дамокловым мечом. И у него до сих пор нет внятной рабочей версии. Меча он не боялся, а вот временная сыщицкая импотенция расстраивала.

Судьба, тем временем, продолжала подбрасывать сюпризы. Позвонила учительница Ковалёва. Сказала, что уезжала к маме, а телефон специально оставила дома, чтобы ни с кем не общаться. На просьбу подъехать с ним на пять минут в управление отреагировала без эмоций: надо, значит надо. Едва услышав записанный в дежурке голос, вскрикнула, заплакала. Давясь слезами, назвала имя Анатолия Карманова. Отправив женщину домой в сопровождении одного из сыщиков, Голуб закрылся в кабинете и обеззвучил сотовый, чтобы осмыслить информацию.

«Получается, учитель знал адрес, где засели бандюганы, знал, что у них есть оружие, короче, знал практически всё. Почему не пришёл и не сообщил? Возможно, до какого-то момента сам участвовал в их затее – вспомним его брата двоюродного из «Сизифа». Но что-то пошло не так, он решил сдать подельников, и, воспользовавшись случаем, сделать это анонимно. Только какая это к лешему анонимность, если вычислить его голос через школу раз плюнуть. Всё-таки бывший майор, должен понимать.

Момент. Он служил-то ещё «при старых царях» и в армии, а не в милиции, а тогда такой техники в помине не было. Если по жизни не сталкивался, мог и не знать.

Ещё один вариант. А если, внезапно узнав о том, что муляж гранаты оказался у бандитов, он решил елико возможно раньше их обезвредить, чтобы они не успели применить изделие и тем самым уменьшить вину...»

Увлёкшись, он вздрогнул от звонка городского телефона. Звонил Алексей.

– Товарищ подполковник, Сорокин в кабинете.

– В каком кабинете? – машинально спросил Голуб.

– В нашем кабинете.

«Ну, дела, круто ты замастерился. Прямо как в известном кино: Штирлиц идёт по коридору. По какому коридору? По нашему...»

– Так давай его сюда немедленно.

Глава четырнадцатая

– Куда же ты пропал, Валентин? – начал Голуб, с интересом глядя на участкового. Невольно отметил странный лихорадочный блеск воспалённых глаз, нездоровую одутловатость лица, контрастирующую с весьма приличным, правда, несколько помятым, «прикидом». То ли пил всю ночь, то ли не спал, то ли всё вместе. При этом, од-

нако, характерный «выхлоп» не ощущался. Вообще-то такой вид бывает у людей, длительное время переживавших душевные терзания и решивших, наконец, раскаяться в совершённых проступках. Интуиция подсказывала сыщику, что сейчас он получит важную, а может быть, даже и решающую для прояснения дела, информацию. – Мы уж, было, собрались тебя в международный розыск объявлять.

– Виноват, товарищ подполковник, разрешите исправиться.

– Вот-вот, давай исправляйся. Расскажи, зачем тебе звонил Карманов тем вечером.

– Дело в том, что мы были знакомы с ним ещё со времени моей службы в армии... – и Сорокин в точности пересказал историю, изложенную Иваном в ресторане «Самсон». Без фамилии «отличившегося» солдата.

– Несколько лет назад я случайно узнал, что из-за этого инцидента у майора возникли проблемы с сердцем, и его списали на гражданку. И ещё узнал, что он поселился в вашем городе. После недолгого раздумья дождался отпуска, заехал сюда, уточнился по майору, а потом уже у вас в управлении по вопросу перевода. Не сразу, но такая возможность, в конце концов, появилась, и я перевёлся к вам. Через некоторое время, как бы случайно, столкнулся с бывшим командиром на улице. Узнали друг друга, разговорились. Обменялись телефонами. Прошло время, и вдруг звонок с просьбой о встрече.

При встрече Карманов рассказал, что тётка, проживавшая с ними, проболталась о том, что его сын Антон не родной, а взят из детдома. Тётку он выгнал, но парень-то второй день домой не приходит. Мол, в милицию обращаться неудобно, всё-таки учитель, пойдут разговоры. Ну, я со знакомым из инспекции по делам несовершеннолетних переговорил, тот места подсказал, где молодняк тусуется. В общем, на следующий день отыскивали беглеца. Тогда я с Антоном и познакомился, нормальный, в общем, развитый парнишка. Только вот с той поры всё чаще стал исчезать по вечерам, а отношения с приёмным отцом стали резко ухудшаться.

Сорокин замолчал, потом сделал неопределённый жест рукой, словно пытался что-то вспомнить или о чём-то сказать. Но то ли мысль вильнула в сторону, то ли передумал...

– Где-то за неделю до смерти Карманов зашёл ко мне на работу. Сказал, что у него состоялся крутой разговор с сыном, в котором тот заявил, что знает, кто его настоящий отец. Сказал, что они встречались, что тот даже документ показал. Сейчас он в командировке, но скоро вернётся и предложит Карманову отдать ему сына.

Сорокин перевёл дыхание и попросил воды. Голуб, с возрастающим интересом слушавший капитана, спохватился.

– Чай будешь?

Пока бурчал чайник, Сорокин завершал рассказ.

– У меня, естественно, возникли вопросы, но он сказал, что сначала съездит в дом ребёнка, откуда они взяли Антона, а уж потом будет готов к разговору. На том и порешили. И вдруг этот вечерний звонок. Голос какой-то чужой, встревоженный: – Надо срочно встретиться. Я говорю: может, лучше завтра, а он ни в какую. Ну, раз такое дело, говорю, приходите, и назвал адрес дома, около которого мы стояли. Ну, а дальше... – Сорокин печально вздохнул и покачал головой, до сих пор не веря в то, что произошло.

Голуб остановил kloкочущий чайник.

– Слушай, а когда ты адрес по Красногорской назвал, он не удивился?

– Нет, – неуверенно ответил Валентин. Ещё раз быстро прокрутил в голове тот разговор и уже твёрдо повторил: – Нет. А что?

– Да так. Потом. Однако, странно. Видно, здорово его что-то потрянуло, если... – затор-

мозив на полуфразе, Голуб разлил чай.– Скажи, а родня у него в городе какая-то есть?

Участковый пожал плечами: чего не знаю, того не знаю. Помолчали, согреваясь чаем и хрустя сушками.

– Ну, ладно, – отставил чашку сыщик. – А после кладбища-то ты куда забурился?

Сорокин изумлённо вскинул глаза на собеседника: – «Откуда знаете?», однако, реле понимания сработало быстро, и он лишь хмыкнул.

– Короче, когда я увидел Антона у могилы Тихона, меня как прострелило. Сообразил, зачем Карманов собирался в соседнюю область. Вспомнил, что там находится тот самый дом ребёнка, из которого они взяли сына. Карманов, очевидно, хотел получить документ о настоящих родителях. Понимал, что Антон на слово не поверит. Ну, вот я и съездил в Уржумск вместо него... – и он положил на стол привезённые документы.

Голуб, пробежав глазами бумаги, на мгновение задумался.

– Я так понимаю, ты хочешь этим бумагам «ход дать», то бишь Антону продемонстрировать?

– Конечно. Пусть убедится, что кто-то пытался его обмануть и использовать в каких-то своих поганных делах.

Голуб встал и прошёлся по кабинету.

– Согласен, что встретиться надо, но чуть позже. Ты сейчас походи пообедай, передохни и часа через два возвращайся. А я пока кое с кем одну свою шальную идею согласую... И с начальником управления договарюсь, что ты временно поступаешь в моё распоряжение. Кстати, ты один живёшь?

– Как перст. Всё жениться собираюсь, да никак не соберусь.

Через два часа они выехали в больницу. На полдороге Голуб свернул в какой-то переулок и остановился.

– Слушай, Валентин. Жулики действительно затеяли какую-то суету вокруг парня. Поэтому у меня есть предложение...

Увидев Голуба, Антон насторожился, но появившийся следом за ним Сорокин несколько ослабил напряжение. После прелюдии с вопросами о состоянии здоровья, качестве питания и градусе настроения, сыщик снова задал вопрос парню о его контактах с рецидивистом Тихоновым. Антон продолжал упираться с прежней угрюмой настойчивостью, и Голуб «кинул маяк» участковому.

– Вот что, Антон, – начал тот, – мне известно, что ты заявил своему покойному отцу...

– Он мне не... – встрепенулся, было, Антон, но Сорокин неожиданно жёстко оборвал его. – Так вот слушай меня внимательно. Анатолий Фёдорович сказал, что ты, якобы, знаешь, кто твой настоящий отец. Я не спрашиваю, от кого ты получил такую информацию, но заявляю официально, что тебя ввели в заблуждение. Вот оригинал документа, в котором говорится о твоих настоящих родителях, – он вынул из папки лист бумаги и зачитал: – Отец – Трифонов Борис Григорьевич, мать – Трифонова Марина Трофимовна. А вот этот документ, – он достал ещё один лист, – свидетельствует о том, что они погибли в автомобильной катастрофе, когда тебе всего два года было. Ты, слава Богу, не пострадал, и тебя передали в дом ребёнка. После этого тебя и усыновил Анатолий Фёдорович. Как же он тебя любил... Ты и представить себе не можешь, как страдал, когда тётка выдала тебе семейную тайну. Он даже её домой отправил из-за того, что тебе такую травму душевную нанесла. И тут появляется какой-то проходимец, который заявляет, что он твой отец.

– Но он мне тоже документ показывал, – в голосе мальчишки слышалось отчаяние. – И фотографию, где я у него на руках сижу. Он секретный сотрудник ФСБ и выполняет задание государственной важности...

– Тот, кто тебе её показывал, – не выдержал Голуб, – отпетый бандит, убитый в перестрелке с сотрудниками угрозыска тем вечером. В общем, променял ты любящего тебя приёмного отца, спасшего тебе жизнь, закрыв собой гранату, на бандита с большой дороги, у которого к тебе был какой-то свой шкурный бандитский интерес. Между прочим, ему человека убить – раз плюнуть. Кстати, сколько раз ты ходил по его просьбе на работу к двоюродному брату отца? На фирму «Сизиф»?

– Один... или два раза, точно не помню, – густо покраснев, прошептал Антон.

«Похоже, совесть-то у него всё-таки есть, ишь как покраснел». – Короче, ты что-то недоговариваешь, а ведь жулики за тобой шпионят. Что-то, видать, им от тебя надо. Я вот представить себе не могу, будто ты решил ступить на их бандитскую дорожку. Может, ты что-то знаешь такое, что представляет для них опасность? И кто тогда тебя защитит кроме нас? Подумай хорошенько. А сейчас собирай вещи, мы переезжаем.

Через пятнадцать минут Антона тишком через приёмный покой вывезли в город на машине «Скорой помощи». В укромном месте пересадили на внедорожник Голуба и под покровом темноты приехали к дому Сорокина.

Глава пятнадцатая

Главные дела на предстоящий день Голуб обычно намечал или с вечера, или сразу после прихода утром на работу. Чуть позже к ним добавлялись задачи, поставленные на планёрке начальником управления, потом после оперативки в отделе появлялось ещё несколько записей, так что очередная страница ежедневника, подаренного ему приятелем из торговой сети «Фаберлик», к десяти утра была расписана сверху донизу.

В этот день он должен был подготовиться к двум основным мероприятиям: в 16 часов присутствовать на аттестационной комиссии, а вечером отчитаться перед заместителем министра по делу о гибели Карманова. По решению комиссии у него была осторожная уверенность в положительном исходе дела – замначальника управления по оперработке твёрдо обещал поддержать его в вопросе назначения Коюшева на должность. А вот готовность к докладу министерскому начальству оптимизма не вызвала. Полученные разрозненные факты пока не давали возможности сложить прочную логическую конструкцию. Как ни крути, а всё-таки придётся просить зама дать ему ещё пару-тройку дней на проведение задуманной им оперативной комбинации. Хотя впереди был целый рабочий день.

– Максимыч, ты у себя? – спросил он трубку. Получив в ответ от начальника ОБЭ-Па: – Меня здесь нет, – уведомил: – Сейчас найду.

– Вы ещё не начинали щупать «Сизиф»? – спросил с порога.

– Александр Николаевич, миль пардон за информацию, за мной должок, – приложил коллега руку к груди. – Как раз сегодня в одиннадцать собираемся к ним с проверкой. Учти, пока об этом знают только два человека: ты да я.

– Честное пионерское, буду молчать как статуи, – Голуб достал из кармана пластиковую карту из учебника математики Антона Карманова. – Мы тут у одного жулика

изъяли вот эту штуку. Судя по всему, она из их конторы. Уточни, пожалуйста, чья, при каких обстоятельствах пропала, ну и всё такое. Но не отдавай, скажи, вернём позже, нужна для дела.

– Яволь, Савва Игнатьич, фюнф минут.

Дальше день покатился в вялотекущем режиме. После вчерашней и позавчерашней напруги, когда его по несколько раз на дню шарахало то в жар, то в холод, он даже некоторое время чувствовал себя не в своей тарелке. Впервые за несколько дней пообедав в домашней обстановке, он совсем расслабился и, когда вернувшись на службу, услышал телефонный звонок, позволил себе бархатным баритоном вальяжно произнести в трубку: – У аппарата. – Но буквально через четверть минуты, не дослушав абонента, привычно бросил: – Буду через полчаса.

Вслушав лежащего на кровати перебинтованного мужчину, Голуб взял паузу.

– Понимаю, конечно, что веры мне после всего случившегося полторы копейки в базарный день, но прошу меня понять, – отдышавшись, снова заговорил раненый. – Я вор, а не душегубец какой. Признаюсь, было дело, шмалял, но так, чтобы напугать, а не так, чтобы убить. Для такого дела даже шмалять выучился. Чтобы если попасть, так не до смерти. И тем вечером мог заспокаяк вашему сыщику кирдык оформить. А я только его подранил малёхо чисто с отчаяния, что вся эта затея с большими бабками в тартарары рухнула. А всё из-за этого пидора Харитона...

– Ну, с радости или с горя, а нашему сотруднику придётся серьёзно лечиться от твоей пули, Тит. И мера ответственности за это преступление конкретно определена уголовным кодексом.

– Повторяю, гражданин начальник, что заслужил – отсижу, не впервой. Но я, как нынче говорится, предлагаю вам сделку. Вы мне устраиваете на днях встречу с женой и сыном. Хреновые у меня дела, вдруг, да «кони кину», а у меня сын три месяца назад родился, хоть посмотрю на него напоследок. Ну, а я попробую на ваши вопросы ответить.

– Ладно, Титов, сегодня же поставлю вопрос перед начальством. А теперь ответь мне: зачем вам пацан понадобился?

– Да это всё Тихон. Узнал от малолеток, что пацан этот мается от того, что узнал о неродном отце, из дому убежал. Ну, Тихон и придумал назваться его отцом, бумагу на коленке замастырил. А пацан по ходу и повёлся. Тихон он, в натуре, артист был, на психолога учился. Считал, задатки у пацана к нашим делам имеются. А главное настроение у него такое, что лепи из него кого хочешь. Если бы это дело выгорело, Тихон из него классного вора слепил, зуб даю.

– С пацаном понятно. Но моё начальство даст тебе «добро», если ты про гранату расскажешь. Сам знаешь, какая сегодня беда с терроризмом.

– Дитём клянусь, начальник, никакого терроризма в помине не было. Гранату эту Тихон от «большого» ума придумал. Нам подфартило, что у пацана на фирме, которую мы собирались бомбануть, родственник работает охранником. Тихон прикинулся фээсбэшником секретным и пообещал пацану, что и его в специальную школу устроит. Только надо потренироваться. Дал ему задание вызнать все ходы и выходы на фирме. Тот вечером придёт к родственнику, всё высмотрит, а потом нарисует по памяти. Но сейфов он так и не увидел, поэтому Тихон решил для верности гранату достать, чтобы в случае чего сейф подзорвать. И что ещё придумал: дать её пацану в плотном пакете, типа, спрятать, а потом через пару часов попросить назад притаранить. А всё это время

чтобы Харитон за ним следил... ну, на всякий пожарный. Я Тихону прямо сказал, чё ты хернёй страдаешь, зачем рискуешь? А он: не могу, говорит, без адреналина, без риска.

– А Тихон наркоту не употреблял?

– В том-то и дело, что нет. Слушай, начальник, а ты чего про фирму ничего не спрашиваешь?

– Так про фирму мне Харитон доложил, ему тоже терроризм на себя примерять не хочется. Так пацан гранату-то вернул?

– Вернул в целости и сохранности Тихону через пару-тройку часов. Только пацан про гранату ни слухом, ни духом... как говорится, «в тёмную».

– Слушай, Тит, а чего братва за пацаном по пятам ходит?

– Не догоняю? – сипло выдохнул Тит.

– Так пасти они его начали. Нам даже пришлось его под охрану взять. Чего Родному от него понадобилось?

Лицо раненого исказила презрительная гримаса: – Ну, Харитон, ну, падла... выходит, с потрохами нас Родному заложил, сволочь, – он откинулся на подушку, закрыл глаза и прошептал: – Всё, начальник, адью на сегодня.

«Ну, адью, так адью, и на том большое спасибо. Вот и с Харитоном теперь есть повод поговорить о «тесном» сотрудничестве», – удовлетворённо усмехнулся сыщик и вышел из палаты.

На улице опять пуржило. Пожилая женщина с палочкой неуклюже пыталась перелезть через снежный бруствер, нагромождённый после расчистки проезжей части. Голуб поспешил к даме, помог выбраться на дорогу и проводил до автобусной остановки.

Снежный заряд не обошёл стороной и его внедорожник. Достав щётку, он очистил крышу, протёр стёкла и зеркало заднего вида. Усевшись за руль, не сразу взялся за ключ зажигания, чувствовал, что надо просто посидеть, успокоиться. Он только что получил информацию, которая позволяла ему почти завершить ту самую логическую конструкцию, которая никак не складывалась до разговора с Титом. Почти... Одновременно возникло осознание того, что до полного завершения, его конструкции не хватает одного небольшого, но исключительно важного звена. Он понял, что допустил существенную ошибку, которую должен был как можно скорее исправить.

Противно зудящее ощущение допущенного промаха не могли устранить ни положительное решение аттестационной комиссии по Коюшеву, ни благосклонная реакция зама министра на его доклад. Кстати, зам не возражал против свидания арестованного Титова с женой и ребёнком. Голуб посмотрел на часы. Формально рабочий день полчасика как закончился. «Может, отложить до завтрашнего утра?» – спросил он себя. Но тогда, сто пудов, ему предстоит бессонная ночь. И он решительно взялся за телефон.

– Здравия желаю, товарищ майор. Фёдор Кузьмич, у меня к вам большая просьба...

Открыв дверь холодильника, Сорокин обнаружил отсутствие молока. Непорядок, Антон сказал, что любит гречневую кашу с молоком, а тут на тебе... И хлеба кот наплакал. Часы показывали четверть девятого утра, «Пятёрочка» в соседнем доме должна была уже открыться. Осторожно ступая, Валентин заглянул в комнату. Антон, уткнувшись носом в подушку, сладко спал на его диван-кровать.

«Всё-таки он ещё слаб, надо подкормить, в больнице-то разносолами не баловали», – вздохнул Сорокин, закрывая дверь своей однокомнатной квартиры. Именно

сюда они с Голубом привезли мальчишку из больницы подальше от глаз людских. В школу сообщили, что Антона забрал родственник. Сорокина же приставили сторожить его и в течение нескольких дней не выпускать на улицу. Антону так прямо и сказали, что за ним охотятся, и что он должен спрятаться на некоторое время, пока сыщики не разберутся с бандитами. По мысли Голуба те должны были засуетиться, проявить себя, и тогда у розыска появится возможность их крепко прищучить.

Улица встретила Сорокина обещанным вчера синоптиками лёгким морозцем. А вот обещанное солнце застряло где-то высоко в облаках, и по этой причине стандартная унылость северного зимнего дня не стимулировала в нём прилива творческих сил. «Может, к полудню развиднеется», – подумал он и, отпустив про себя дежурное замечание в адрес низкой квалификации синоптиков, потрусил в «Пятёрочку».

– Принимай продовольствие, дорогой гость, – нагруженный пакетами после шоппинга, крикнул из прихожей, но Антон не отозвался. «В туалете, наверное», – подумал и прошёл на кухню разбирать продукты. В какой-то момент непривычно громко загомонили на улице ребятишки. И как обожгло: «Окно в комнате...» Так и есть, открыто. И одежда парня, как испарилась.

– Товарищ подполковник, Антон сбежал, – взволнованно выпалил в трубку.

– Успокойся, я перезвоню минут через пять, – услышал в ответ.

...За десять минут до возвращения хозяина гость, поняв, что входную дверь открыть не получится, выпрыгнул в окно. Сугроб под окнами смягчил приземление. Выбравшись на тротуар, осмотрелся. У соседнего подъезда молодой мужик ковырялся в моторе коричневого «Шевроле». Дрожащими руками достав из кармана деньги, Антон попросил отвезти его на кладбище. Мужик недовольно высунулся из обнажённого чрева двигателя, но, увидев дензнаки, подобрел и широким жестом пригласил пассажира садиться.

– На похороны? – поинтересовался водитель, выворачивая со двора на улицу. Но Антон только взглянул на него отсутствующим взглядом и ничего не ответил.

Остановились на парковке перед входом на кладбище. С противоположной стороны за асфальтом парковки высилась окружённая с трёх сторон бескрайним белым полем небольшая, затейливой конструкции церквушка, а далеко за полем, сколь глазу видать в любую сторону, простирался заснеженный лес без края и конца. Тёмно-зелёная современная крыша храма гармонично контрастировала с белым полем, белыми наличниками окон и естественным древесным цветом сложенных из бруса стен. Дополняли картину золотистые маковки с крестами, украшавшие четыре стороны храма и колокольню.

– Хочешь, подожду? – участливо предложил водитель, пряча деньги в карман. Парень, шмыгнув носом, то ли кивнул, то ли отказался, но водитель, тем не менее, дав задний ход, занял место на самом краю парковки.

Свет не без «добрых» людей – не только водитель проявил участие к мальчишке-сироте. Женщина, торгующая искусственными цветами у ворот последнего пристанища рода человеческого, проводила мальчишку внимательным взглядом и достала мобильник: – Он здесь, приехал один.

На автобусную остановку перед кладбищем стали подтягиваться уходящие с кладбища люди. В воскресные дни, в родительскую субботу и на Троицу городской автобус обычно брали штурмом. Но в будний день народу было немного. Подошедший

автобус, выгрузив полдюжины пассажиров, повернул обратно в город. Молодая женщина в тёмном пальто и в чёрном платке с букетом цветов, завернутым в газету, медленно побрела по дорожке в сторону свежих могил. Потухший взгляд её говорил о недавней утрате дорогого человека. Завидев издали у знакомой могилы сгорбившуюся мальчишескую фигуру, тихо подошла сзади, поздоровалась. Антон, утерев рукавом лицо, обернулся, нехотя кивнул и снова повернулся к могиле. Женщина достала из газеты алые розы и положила к венкам, окружившим тёмно-коричневый крест.

– Сегодня ему бы исполнилось сорок три года, – сдавленным голосом произнесла она. Антон прерывисто вздохнул и вдруг затрясся от рыданий. Шагнув к нему, Ковалёва обняла мальчишку и тоже заплакала.

Какое-то время они стояли, обнявшись, потом учительница вытерла слёзы платком и робко сказала: – Ну, я пойду. – Антон ничего не ответил. Но не успела она сделать и двух шагов, как услышала за спиной: – Наталья Владимировна, меня машина ждёт. Пойдёмте со мной.

Шли молча, каждый думал о своём. Выйдя из ворот, Антон огляделся. На парковке не было машин, как и пассажиров на автобусной остановке. Куда-то подевались и торговки цветами. Но «Шевроле», который его привёз, стоял на прежнем месте. Вот только впереди него встал чёрный вместительный «Мицубиси». Едва Антон приблизился к «японцу», боковая дверь со стороны пассажира распахнулась, и оттуда появился мужчина в чёрном пальто, модном шарфе и без головного убора. Одновременно с ним с водительского места вылез молодой парень в куртке, с головой, гладкой, как бильярдный шар.

– Здорово, Антоша, – весело поприветствовал Карманова мужчина в пальто. – Куда это ты загасился? Мы тут с ног сбились, тебя разыскивая. Давай, садись в машину.

– Никуда я с вами не поеду, – остановившись, буркнул Антон.

– Не понял, – удивлённо протянул мужчина. – За тобой, Антоша, должок имеется.

– Я же сделал всё, что вы просили. Какой ещё должок?

– Где карта? Мы её не нашли.

– Куда ей деваться, должна быть на месте. Значит, плохо искали.

– Ну, вот и поищем вместе. Долг, братан, дело святое.

– Ну, так заберите назад свои деньги, – Антон вытащил из кармана пригоршню кредиток.

– А вот это, братан, не по понятиям...

Угрожающий тон мужчины возмутил Ковалёву. Она шагнула вперёд, загородив собой Антона.

– Что это вы себе позволяете? Прекратите сейчас же. У мальчика горе, а вы...

– Слышь, Макар, а бабёнка-то ничего, – осклабился лысый водила. – Давай мы его на неё поменяем?

Тот, кого называли Макаром, сделал шаг в сторону от машины и, поддерживая игру, оценивающе оглядел учительницу: – А что, пожалуй...

Ковалёва инстинктивно сделала шаг назад. Увидев её побледневшее от ужаса лицо, теперь уже Антон решительно вышел вперёд.

– Ладно, поехали.

– Ну, вот и правильно, Антоша. Мужской поступок, – Макар показал ему большой палец, но в эту секунду за спиной лысого послышался твёрдый голос водителя «Шевроле»: – Отпусти парня.

Лысый медленно повернулся и встретился с жёстким взглядом стоящего перед ним вполоборота невысокого, стройного молодого мужчины.

– Нарыв, помоги гражданину исчезнуть, – скомандовал Макар. В следующее мгновение в руке водилы блеснул выкидной нож. Сделав шаг в сторону возмутителя спокойствия, он картинно выкинул руку вперёд, рассчитывая взять того на испуг. Но тут случилось то, чего совершенно не ожидали ни Нарыв, ни Макар. Выяснилось, что спрятанной за спиной монтировкой незнакомец орудовал гораздо ловчее, чем Нарыв ножом. От дикого вопля лысого водилы разом взметнулись в небо все чайки на кладбище. Из-за его крика и птичьего гвалта никто не услышал шума подъезжающего внедорожника, загородившего дорогу «японцу». Макар сунул было руку за пазуху, но мигом просёк неравенство сил и прыгнул в машину. Вывернув руль, дал по «газам» и пронёсся мимо внедорожника, шваркнув боком выскакивающего из него Сорокина.

Возможно, Макару и удалось бы удрать с места происшествия, если бы из машины не выскочил Голуб и не выпустил по беглому «японцу» половину обоймы. В результате «Мицубиси» на повороте напрямиком въехал в кювет. Увидев, что Сорокин в сознании и машет ему здоровой рукой, Голуб дал знак шофёру с монтировкой, и они бросились к завалившемуся «японцу». А Ковалёва с Антоном остались хлопотать около участкового.

Очередной суматошный день медленно переходил в вечер. Подполковник Голуб сидел в полумраке, откинувшись на спинку кресла и, прикрыв глаза, «переваривал» в голове случившееся за день. Расследование трагического инцидента с учителем Кармановым было завершено в установленное начальством время, он в очередной раз получил одобрительную оценку руководства МВД, вот только на душе почему-то было зыбко. С одной стороны, концы с концами вроде сошлись, а с другой...

Кто-то позвонил по городскому. Услышав знакомый голос заместителя начальника оперативного управления, Голуб напористо атаковал абонента.

– Ты куда пропал, Михалыч? С обеда отыскать не могу... Чего хотел? Как чего хотел? Устно ходатайствовать о поощрении твоего сотрудника за проявленное мужество, героизм и умение управлять монтировкой при задержании вооружённого преступника... Ах, ты уже в курсе... И поддерживаешь. Ну, и славно. Выполнил парень нашу с тобой задумку на пять с плюсом. Короче, надо бы того... Давай в субботу. Пока.

Он встал, прошёлся по кабинету, достал мобильник, покрутил в руках. Снова прошёлся, потом, видимо, на что-то решившись, набрал номер.

– Алё, Валентин, как самочувствие?... Чем занят?... Слушай, я сейчас к тебе подойду минут через двадцать... Нет, домой не зайду. Ты на улицу можешь выйти? Буквально на несколько минут... Добро, до встречи.

На встречу пошёл пешком – машину пришлось отогнать в гараж МВД для рихтовки двери. Сорокин уже топтался у подъезда с перевязанной рукой.

– Ну, как рука?

– Да всё путём. Плохо только, что правая. Травматолог сказал, что перелома нет, просто лёгкий вывих и сильный ушиб. Обещал: до победы мировой революции заживёт.

Голуб рассмеялся.

– А как Антон?

– Нормально, держится молодцом. Сейчас на кухне кашеварит, я только указания даю. Сегодня же у Анатолия Фёдоровича день рождения...

Сорокин сделал паузу и вопросительно глянул на сыщика.

– Товарищ подполковник, а что всё-таки бандюганам надо было от Антона?

– Видишь ли, Валентин, Тихон дал ему задание украсть в «Сизифе» магнитный ключ-карту для передвижения внутри помещения. Антон украл. А всё это время один из подельников Тихона «стучал» на него Родному, тому, с которым ты у могилы Тихона разговаривал. В тот злополучный вечер Антон оставил магнитную карту дома, а мы при обыске её изъяли (Голуб «тактично» опустил нюанс, что карту изъяли на следующий день после обыска). Когда братва вывезла Антона на кладбище, ему объяснили, что дело Тихона должен завершить Родной. Парень и рассказал, где карту дома оставил. Они ночью печать сорвали, залезли в квартиру – а поезд-то уже ту-ту. Кстати, в «Сизифе» так и не хватились карты, пока мы им не сообщили, так что у Родного вполне могло дело выгореть. Вот они и стали Антона искать, чтобы вместе квартиру обшмонать.

– Понятно, – задумчиво произнёс Сорокин. Возникла пауза, Голуб видел, что он хочет о чём-то спросить, но колеблется.

– У тебя ещё есть какой-то вопрос?

– Да, – решился Валентин. – Александр Николаевич, как вы посмотрите, если я над Антоном опеку оформлю? Поживёт пока у меня, а дальше видно будет. Что скажете?

– Что скажу? – Голуб не ожидал, что Сорокин сам подвигнет его на этот разговор. Ну, да тем лучше... – Вот что, Валентин. Я сегодня долго думал, стоит ли тебе кое-что открыть из полученной нами информации. Может, я и не прав, но услышал сейчас твои мысли и... Вчера вечером я ещё раз собрал в кучу всю нашу информацию и, разложив на молекулы, решился-таки позвонить командиру инженерного батальона, что у нас в Верхнехолмском посёлке дислоцируется. Он прислал сапёров, и те «прощупали» своими инструментами все сугробы в том месте, куда Тихон выкинул гранату. И что ты думаешь? Нашли. Нашли учебную гранату, которая, якобы, пропала из сейфа учителя Карманова. Я не буду тебе рассказывать, как она попала к Тихону... вернее, как Карманов не только подменил ею боевую гранату, которую Тихон дал на хранение Антону, но и анонимно сообщил нам тем же вечером адрес «лёжки» Тихона. Через несколько часов Тихон забрал свёрток с гранатой обратно и вернулся к себе на Красногорскую. Успокойся, – предупреждающе поднял он руку, увидев, как взволновался участковый, – Антон ничего не знал о гранате. Дальше отец его привёл к тебе, где всё и случилось. Короче, исходя из вышеизложенного, довожу до вашего сведения, товарищ капитан, что вины вашей в гибели учителя нет.

– А... а откуда тогда взрыв? – ошеломлённо пробормотал Валентин.

– Вот я и говорю: зачем отец повёл сына к тебе, я разобрался. Но вот что потом произошло, тёмный лес. Однако нынче днём заявляется ко мне тот самый пьянчуга, которого ты бегал успокаивать. И требует выписать ему премию за то, что он проинформировал уголовный розыск о подозрительных жильцах соседней квартиры, в результате чего была обезврежена опасная банда. Кстати, это он нам первый позвонил, и если бы не пьяная драка с женой, я бы без вопросов его поощрил. А так я уж было хотел его «по матушке» послать, да удержался и говорю: Вот если бы ты ещё подробности взрыва рассказал, тогда конечно. Сказал так, ради шуток. А он спрашивает, вы по квартирам-то ходили? Ясное дело, всё обтопали. А в первом подъезде в такой-то квартире были? Я вызвал Алексея Фёдорова, твоего знакомого сыщика, он у меня сейчас пока вместо Коюшева. В ту ночь он как раз обход организовывал. И назавтра с утра тоже ходили ребята по квартирам. У него даже запись осталась, что в названной квартире никто не откликнулся.

Ну, пропитуля засмеялся и говорит: так там же глухонемой живёт с братом. Брат охранником на автостоянке мантулит, когда его дома нету, немой двери не открывает. А у него ещё нога плохо ходит, так он дённо и ночью у окошка сидит. Поехали, мол, сейчас к нему, если брат дома, можно поговорить. Только надо переводчика с него языка с собой взять. Брат-то, конечно, его понимает, но для верности надо переводчика.

В общем, добыли мы переводчика и к нему. Спрашиваем: видел, как взрыв произошёл? Они с переводчиком что-то на пальцах друг другу показали, переводчик и говорит: видел. Потом дальше переводит: подошли двое, взрослый мужик с мальчишкой. Ругались сильно. Стояли недалеко от машины. Потом мужик достал какую-то штуку и начал ею тыкать в мальчишку и ругаться. А мальчишка выхватил у него эту штуку, что-то дёрнул и кинул им под ноги в снег. Следом мужик бросился на снег. Туда, где эта штука лежала. Тут и бабахнуло. А потом много народу понаехало...

Голуб замолчал, внимательно следя за реакцией Сорокина. Тот стоял, отрешённо глядя под ноги.

– Предупреждаю: Антону то, что услышал, не передавать ни под каким видом. Это конкретно тебе конфиденциальная информация для принятия верного решения. Понимаешь, рано или поздно молва пойдёт гулять, потому и предупреждаю тебя заранее. Вопросы есть?

Валентин продолжал молчать. Потом, подняв голову, тихо произнёс: – Один знакомый мне хороший человек сказал: страдание не только делает тебя лучше, но и часто вырабатывает в тебе способность делать других лучше.

– Здорово сказано, молодец мужик. Увидишь, передай ему от меня... – Голуб запнулся, подыскивая нужное слово. – Короче, будь здоров, удачи тебе.

Сделав пару шагов, он обернулся: – Извини за нескромный вопрос. Того солдата-то на учениях... ну, что гранату под ноги уронил, случайно не Валентином звали?

Сорокин не ответил, о чём-то задумавшись. Дойдя до угла дома, Голуб оглянулся. Валентин продолжал стоять на том же месте с опущенной головой. Подполковник вздохнул и свернул за угол.

До автобусной остановки было уже рукой подать, когда в кармане зажужжал соловый. – Александр Николаевич, вы далеко ушли? – услышал он взволнованный голос Сорокина.

– Не очень. Что-то случилось? – у подполковника пересохло во рту от нехорошего предчувствия.

– Извините, мы с Антоном очень просим вас заглянуть к нам на пять минут. Всё-таки у Анатолия Фёдоровича сегодня день рождения...

Сыктывкар, апрель 2017 года.

Любовь Ануфриева

Ануфриева Любовь Андреевна чужис 1987-ӧд воын Изъя районса Гам грездын. Помаліс Сыктывкарса государственнӧй университет, коми филология факультет. Йӧзӧдліс гижӧдъяссӧ «Арт», «Войвыв кодзув», «Би кинь», «Юность» журналъясын, «Белый бор» альманахын. 2008 воын Таллиннын петіс коми, роч, эст, англия кывъяс вылын «Лэбачьяс оз дивитны» книга, 2011 воын – «Мукӧд енӧклаын», 2012 воын – «Дас витӧд из» кывбура небӧгъяс. Уджалӧ И.А. Куратов Литературнӧй музейын.

Ак, кадӧй, кадӧй...

(90-ӧд вояс казтылӧмӧн)

1

Ак, кадӧй, кадӧй,
курыд вина юан кадӧй –
кӧрт кружка пыдӧсӧдз
тэнӧ ырситісны ставӧн.
Кольмӧм лолӧс
вой тӧлыс
уськӧдіс
кок йылысь...
джуджыд пуысь моз
оровтіс
нэриник чаль...

2

Вына тӧлыс
то эстчӧ нетшыштіс,
то татчӧ нуліс!
Из кодь топыд сывйын
пӧдтіс!

А сэсся
лөнис...
Дрөгмуні.
Гидня потшөс дорас
домом вөвъясөс
руд пупайкаа мужичөй
луйліс!
Луйліс!
Горөді сылы:
«Тырмас!»
А сійө
мышкөн сулаліс.
И луйліс, луйліс вөвъясөс!

3

Войвывса шондіыс
вир гөрд
кузь платтьөасис...
бөжыс
ота поскөн лои вөвъяслы
енэжас.
Еджыд статуя –
сибді места вылам.
Син водзам листассис
менап памятьлөн
важеник книга:
жарсьыс-жар лун,
вөвъяс вуджөны ю.
Мөдар берегас
виччыся найөс,
киам –
солөн көдзөм
нянь шөрөм...

4

Бара кыпөдчис төв!
Гугөн бергөдчөм арыс
гальки синваён бөрддзис.
Кисьтіс-кистьіс
чорыд зэр..

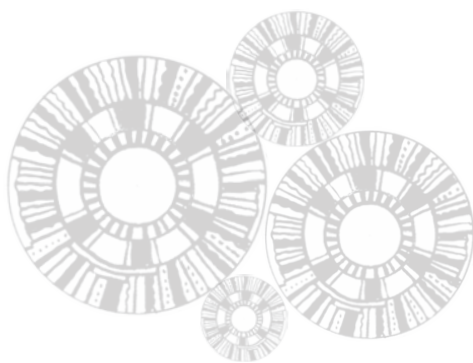
Руд пупайкаа мужичөйыс
юсис,
эз тырмы выныс –
олөмыс бырис.

5

Ак, кадӱй, кадӱй,
курыд вина юан кадӱй,
куштӱм лолӱс
сотӱн дзикӱдз...
Но век на бергӱдчывла
вир сувтан арад,
виччыся вӱвъясӱс
солӱн кӱдзӱм
нянь шӱрӱма...

6

...Купальнича рӱма
платтӱонас
талунъя шондӱыс
вильшасьӱ-йӱктӱ
енӱжас!
Вӱвъясӱй
локталӱны гортӱ...
мена́м лов пырӱйӱ
вуджӱны шондӱа пос,
йирсьыны воалӱны
мена́м радейтӱмлӱн
джуджыд туруна виддзӱ.

Время горького вина

Памяти 90-х

1

Ах, время –
время горького вина
из грубой кружки
выпито до дна.
Душа теперь
не то чтобы пьяна,
а, точно ветка,
переломана...

2

Колючими ледышками звеня,
студёный ветер
избивал меня,
отбрасывал,
захватывал в замок.

А после оборвался
и замолк,
и разошлись
на время облака...
Увидела
в телеге мужика,
что у конюшни
сблизка, поверней
расстреливал
привязанных коней.
– Остановитесь! –
голос задрожал.
А он стрелял
и снова заряжал...

3

Стекала кровь на грязь
и коновязь,
кровавым платьем солнца
становясь,
мостом широким
к пастбищам иным...
А я столбом
стояла соляным
и видела,
как в полуденный зной
идут они к реке
на водопой,
а я их жду
на влажном берегу –
в руках ломоть солёный
берегу.

4

И тотчас ветер
снова поднялся.
Осенние
разверзлись небеса,
и – как речною галькой
о стекло...

Он спился –
по-иному не могло...

5

Ах, время,
время горького вина –

прожгло ты
мою душеньку до дна.
Но иногда
как милости прошу –
горбушку хлеба
солью порошу.

6

Сегодня солнце
над разгулом трав
опять одето
в лепестки купав,
и в озорном цвету
сквозь высоту
по солнечному
лёгкому мосту
спускается табун
моих коней
на неоглядный луг
любви моей.

Шонді көсынка

1

Ма рёма көсынкатө
юльса шонді
пельпомам ыштөдө
чөвтны.

Ыджыд излөн берегас
ыджыд из вылын пукала.
Ловлөн джуджыд юкмөсас
дзорга.
Сёр арлөн сэн васөдлуныс
ыргө.
Ва веркөсас оз мыччысылы
ни өтик лун –
олөмө вуштанён вушйөма,
олөмө сьөлөмам ямөма.

Паметьлысь керка өдзөс
корся на –
дзуртөмсьыс повзьяла...
Вөсни көсынкатө шондіыс
бара пельпомам чөвтны
корис на.

Но гажтöмыс
вабергачас кыскылö...
Паличöн ворсігмоз
мачысла воеда.
Мöвпнам, гашкö,
öдйöджык вöтöда.
А ог кö удит кутнысö –
меысь коляс бус...
енкола кöзйайкаыс
кыдзсюрö ветьöкнас
чышкыштас сійöс...

2

...Мачсö кватиті.
Паметьöй вайис
югыд здук –
из вылас пуксин тшук
мышкöн меным...
сöлöмöс дойдін емөн...
лов шыыд казытыштіс сэк –
пос йылын асылöдз
кывбуръяс лыддим
Ахматовалысь.
Лыддим кывбуръяс
Блоклысь.
А сэсса пышйылім
ты дорас
шонді чужöмсö видзöдны...
шонді кöсынкатö
пельпомам чöвтлін тэ,
ловлөн юкмöсыс
ойдіс муслунсьыс.

3

Коркö асывнас
джуджыд турунысь
кыпöдчис еджыд сюзь,
миян костöд лэбигас
öта-мöдöс гезйөн
домис
ульöв рöма ру.
Вошті тэнö...
Джуджыд туруныс
гартöдөн гартчис кокам...
Кори, кори тэнö...

Но синтöммис лолöй
багай* чöвлунсыс...

4

Ыджыд излөн берегас
понда лыддыны кывбуръяс
дырсыс-дыр.
Тэнö кывбуръясыс
вайöдасны татчö.
Шонді кöсынкатö
муса кисьыд
нэриник пельпом вылам
сэки примитны лысьта.

Солнечная косынка

1

Палящее солнце
над самою маковкой лета
напомнит о тонкой косынке
медового цвета.

Прищулив глаза,
чтобы их не слепила волна,
присяду к порогу речному
на край валуна,
в колодец души
загляну до безмолвного дна –
осеннею сыростью веет
её глубина.
Минувшего, словно резинкою,
стёрты следы –
единого дня не всплывёт
на поверхность воды.

В дому моей памяти
памяти наперечёт.
Слепящее солнце
открытые плечи печёт.
Тоска под тягучие стоны
скрипящих ворот
засасывает
в губительный водоворот,

* Багай – иж. слепой.

а я вырываюсь
и, точно играя в лапту,
стремительный мячик
стараюсь поймать на лету.

Когда не поймаю –
пылинкою, как не была,
хозяйка Вселенной
небрежно смахнёт со стола...

2

Словила! И память,
пронзённая вспышкой света,
опять возвращает
мгновения давнего лета:
вот мы на речном берегу
со спиной спина,
дыша воедино,
сидим на краю валуна,
вот на сеновале
в ночную прозрачную грусть
с Ахматовой Блока
читаем с тобой наизусть,
а вот на рассвете
при свежей озёрной волне
косынкою плечи
ты ласково кутаешь мне
и ждёшь терпеливо
ответной любви...
Не спеши –
росою нетронутой
полон колодец души.

3

Но в утро иное
среди побелевшей травы
внезапно захлопали крылья
полярной совы,
и губы замкнул
и тела неподвижные нам
оплёл, как верёвкой,
млечный тягучий туман.
Распутала цепкие стебли,
звала и звала –
одна тишина
неизменным ответом была...

4

Пока я на камне
стихи не устану читать,
вода молодая
не станет по нам причитать.
Однажды к речному порогу
меж каменных груд
они тебя за руку
снова ко мне приведут.
Тогда лишь на хрупкие плечи
приму вопреки
палящему солнцу
косынку из этой руки...

Этш

Вывті восьса...
матын синвай –
сьёлёмö пырём желльысь
ливза-бörда.

Пытшкам лымйыс уна,
вермас кынтыны-йизьбодны.

Ме ставлы.
И некодлы.

Изъва юлön ныв.

Характер

Слишком открыта...
Полна слезами –
от сердечных заноз
рыдаю.

В душу заглянешь –
заледенеешь.

Для всех.
И ничья.

Ижмы-реки дочка.

Перевёл с коми Андрей Расторгуев.

Алексей Попов

Попов Алексей Вячеславович чужис 1950 воын Кӧрткерӧс районса Ыджыдвидз сиктын. Дас класс помаліс Шойнатыын. Уджаліс совхозын. Армияын служитӧм бӧрын веськаліс Кӧрткерӧс районса «Звезда» газетӧ. Уджысь орӧдчитӧг помаліс Сыктывкарса университет, история юкӧн. Медводдза висьт йӧзӧдіс «Войвыв кодзув» журналын 1971 воын. Сійӧ кадсяньыс гижӧма уна висьт, повесьт да пьеса. Петалісны небӧгъяс. Пьесаяссӧ пуктісны Сыктывкарын, Набережные Челныын, Рубцовскын, Балашовоын да нӧшта уна карын. Сетӧма «Коми республикаса заслуженнӧй уджалысь» ним. Донъялӧма Виктор Савин нима Государственнӧй премияӧн. Пасйӧма Российскӧй Федерацияса культура министерстволӧн «За достижения в культуре» знакӧн. Пыртӧма Россияса гижысь котырӧ. Онӧ «Би кинь» журналын шӧр редактор.

АТТЬӦ, БУР ЙӧЗӦЙ

(Кык юкӧна пьеса)

Ворсысьяс:

Миш – том морт.

Павел Вась – олӧма морт.

Семе Марья – сылӧн гӧтыр.

Устинь – налӧн суседка, олӧма нывбаба.

Катя – том ныв.

Первой салдат.

Мӧд салдат.

Медводдза юкӧн

Сцена вылын воча сулалӧны кык керка. Ӧтиыс Павел Вась гозъялӧн, мӧдыс Устиньлӧн. Вӧчсьӧ Павел Васьлӧн керкаын. Кылӧ, кызди ывла вылын зэрӧ. Павел Вась видзӧдлӧ ӧшиньӧ да бара босьтчӧ ветлӧдлыны жыр кузялаыс да пасьталаыс. Гӧтырыс чӧла видзӧдӧ сылӧн ветлӧдлӧм вылӧ.

Павел Вась. Кор бара-й помассяс зэрыс-а. Кымӧрыс быттьӧ розя, да некод дӧмнысӧ оз кӧсйы. Кутшӧм олӧмыс, сэтшӧм и поводдяйс. Кор, мися, Марья, зэрнысӧ дугдас?

Семе Марья. Кор кынтас, сэки и помассяс. Лым усьӧм бӧрын.

Павел Вась. Эн кывтӧ пес... Менам сэсса кадыс виччысьнысӧ абу. Ог ӧд пемыдас кут нйит туйсӧ лойны. *(Босьтчӧ лӧсьӧдчыны мунны.)*

Семе Марья. Татшӧм кадӧ мунан? Татшӧм ӧна зэригас ӧд он жӧ пет?

Павел Вась. Пыр ӧтарӧ пинясян да. Дышӧдӧс сэсса тэнсьыд нюрӧмтӧ кывзынысӧ. Кыдзкӧ ӧд ог на матайтчы.

Семе Марья. Та ылнаӧ мунан, да эн жӧ мисьтӧмӧс босьт, мед позис жӧ видзӧдлыны кӧть.

Павел Вась. Мыйла нӧ, сы вылӧ видзӧдны кутан? Сійӧс ӧд оз видзӧдӧм вылӧ босьтлыны.

Семе Марья. Бурджыка пасьтась. А то йӧзыс шуасны, мый Семе Марья пӧ верӧссӧ нэм чӧжыс омӧля видзӧма. Янӧдысьыд тай, майбыр, тырмӧ...

Павел Вась *(гӧтырыслӧн сюсь видзӧдлас улын пасьтасьӧм бӧрын ӧдзӧслань сетчӧ)*. Но, ме муна сэсса. Гашкӧ, туй вылӧдзыс колльӧдан да?

Семе Марья. Абу ӧд тай тэ тӧдтӧм морт. Тайӧ бокӧвӧйясӧс туй вылӧдзыс колльӧдлывлӧны. Бур мортӧс, мед мунан туйсӧ тӧдтӧгыд оз крукась да оз усь. Лӧкӧс, мед петӧгас нинӧм эз гусяв.

Павел Вась эз удит нинӧм вочавидзы, ӧдзӧс воссьӧ да керка пытшкӧ первой ӧти коксӧ суйӧ, а сэс-ся дзодзӧг моз мӧд коксӧ шыбитӧ Устинь. Сійӧ кыз ной шаллясьӧма, ныр вылас пысалӧма ӧчкисӧ. Зэв кыз стеклӧа ӧчкиыс, кӧть изйӧн варт – оз дрӧбав.

Устинь. Муртса и суи. Нӧшта кӧ, и эг нин су. Васьӧ со, тыдалӧ, мӧдӧдчӧма нин.

Павел Вась. Колльӧдны воин али мый? Вай кутчысьлам бӧръяысь. *(Пырысьлань кияссӧ шевкнитӧ.)*

Устинь *(ӧвтыштчӧ)*. Мун сэсь... Эн век йӧйтавны видзӧдчы.

Павел Вась. Со тай, виль гӧтыр корсьны мӧдӧдчи. Марья век пинясьӧ да...

Семе Марья. Кыдз нӧ тэ вылӧ он пинясь? Пыр ассъыд ныран да. Нэм менсьым нинӧм эн кывзый.

Устинь. Збыль али мый нӧ торксинныд? Та дыра ӧтлаын олінныд да...

Павел Вась *(збыльыся ӧвтыштӧ кинас)*. Ветла. Мӧд гӧтыр корся.

Семе Марья. Тэ сэнӧ сюсьджыка видзӧд. Эн ылав. А то сюйыштасны, мый видзӧднытӧ шог весигтӧ. Босьтан кӧ, то банйыштӧмӧс бӧрйы, мед мича вӧлі.

Павел Вась. Ас кодь банйыштӧмӧс да мичаӧс и бӧръя.

Семе Марья. Тэ кодь чукурӧсь да быгыдсӧ кӧ ӧд ваян, то порсьыд весиг оз сей. Ме сэтшӧмтӧ вомӧ ог босьтлы-а.

Устинь. Нинӧм эг кут бара тӧян костысь гӧгӧрвоны? Мыйкӧ век ас ногныд бызган-ныд да. Кыдз нӧ Васьлысь виль гӧтырсӧ порсьыдлы кутанныд вердны?

Павел Вась. Гы-гы-гы! Вердам кызкӧ-мыйкӧ.

Устинь. Кежласянын сэнӧ. Больганныд нинӧм абусӧ.

Семе Марья. Да нянла со мӧдӧдчӧма, нянла. Сійӧн и велӧда, медем мичаджык тупӧсьяс босьтӧс. А то ваяс сы ылнасянныд, да сейнысӧ оз позь. Тувйыштасны, йӧйлы, мый ки уланыс шедас.

Устинь. Мися, няньла ветлём йылысь жö тöрыт сёрнитчанныд вöлі да. Сöранныд нинём абусö. Сійөн со и локті, мед Васьлы öти мог нöшта көвъявны.

Семе Марья. Уна няньсö сійö кыскыны оз вермы. Тупöсь кө тэныд ваяс, и то бур. Абу нин том унасö кыскавны.

Устинь. Менам пызьыс на эм. Ачым на няньтö пöжала. Ог тіян моз дась пöжалөмсö сёйны видзöдчы.

Семе Марья. Миян эськö пызьыс эм на жö да. Но пекарня нянь вылас вежöй тай петлö. Нэм сійöс сёйим да.

Устинь. Менам эськö петлö жö да. Но öд асьныд тöданныд, кутшöм ме помысь та ылнаö няньла ветлысь. Пыр жö и воша кытчöкö. Лы ни ку прöпадита. Сідз нин ковмас овны.

Семе Марья. Эн вай сэнi няргы. Вась пыр на веж петанінсьыд öти тупöсьтö кыскавліс. Тшай-сакар и.

Устинь. Сідз эськö да. Шусис тай...

Павел Вась. Но, ме муна сэсса, а то пемдас. Сизим версттö öтарö-мöдарö ветлыны кадыд уна мунас. *(Лöсьöдчö мунны.)*

Устинь *(сой бердас кутчысьö).* Энлы на. Ме öд тэ дорö зэв ыджыд могөн локті. Валя со письмö ыстіс. Нывсö, Катясö, татчö мөдöдöма овны.

Семе Марья. Мөдöдöма жö, сідзкö. Шулі тэныд, мися, гиж, мед тэ дорö ыстас. Кывзысьöма, сідзкö.

Павел Вась *(өлөдö гөтырсö).* Тi вай бөрти востöдзныд көть та йылысь сёрнитöй, а менам кывзыны тіянöс кадыс абу. Көнi нö Катяйд? Варышас нин али мый?

Устинь. Гижöма со... *(Кöсйö кыскыны письмöсö.)*

Семе Марья. Тэ нö ачыл лыддин али мый? Синтöм улö öд пыр лэдзчысьöма. Ме дорö быд письмö кыскö. Лыдды пö, а то ме пö дзик нинём ог аддзы, йöйтöдлö, вөлөм, менö...

Павел Вась. Ланьтлөй! *(Зымнитö кокнас.)* Тi кө заводитанныд, помыс оз ло! Көнi, мися, Катяйд?!

Нывбабаяс весиг чурмунлöны, сэтшöма горөдö да.

Устинь. Со тай... Письмöыс тай...

Павел Вась. Висьталін нин. Мися, көнi öнi нылыс? Век на карын?

Устинь. Гижöма тай со, мый талун Варышö локтан автобуснас көсйöма ыстыны. Бытьтö оз кө пö бөр чеччы туй костас кытчöкö. Со öд, быдтан, быдтан да кутшöм на öд и быдмас. Эз жö эськö татшöмөн чайтлы лоны нывсö Валяйö да. Да лоöма тай со...

Семе Марья. Дугды нин.

Устинь. Ланьта, ланьта.

Павел Вась. Сідзкö, талун сійö Варышөдзыс воөдчас?

Устинь. Талун, талун. Оз кө бытьтö...

Павел Вась. Паныдала кө, то аскөд и вайöда. Гортөдзыд пыртөдөмөн. *(Öдзөссö восьтігмоз.)* Манитчи тіянкөд. Нинём абу сёрни вылас мыйта кад лотöма лои.

Устинь. Тэ öд сійöс, Катясö, төдан? Еджыдіник сэтшөм. Дзолянас быд гөжөм ме ордын коллявліс. öнитö, дерт эськö, быдмис нин да. Со тай пö кутшöм лоöма...

Павел Вась *(петігмозыс).* Ог кө төд, то юася. Абу öд тай кывтөм.

Нывбабаяс ляскысьöны öшиньö да видзөдöны пöльлысь мунөмсö.

Семе Марья. Колӧма аслым ветлыны. Ме кӧть эськӧ кос печкан кодъ нин да. Но кос пескыд пӧ тай бурджыка сотчӧ.

Устинь. Чӧ-ӧв! Тэ помысь Варышӧдз ветлыны дай! Василейыд на кӧ мездас-а. Тэ-меа помысь сэтчӧ ас кокъясӧн ветлысьсӧма нин. Вайӧдас оз бара-а? Гашкӧ, эз и во Варышӧдзыс да. Вот чӧпӧлышыд. Воас, да юрсиӧдыс ёна и някрӧдла.

Семе Марья. Эн сӧр... Валяыд со гижӧ, мый зэв ярскӧб пӧ лоӧма да. Асьтӧ мед нӧйтны эз кут-а.

Устинь. Ме сылы нӧйта! *(Лэптылӧ кабырсӧ. Семе Марья босьтчӧ керка пытшкас ноксьыны. Устинь пуксьӧ да видзӧдӧ. Сэсся аслыс моз.)* Код тӧдас.

Семе Марья. Мый код тӧдас?

Устинь *(кыскӧ купаика зепсьыс бонзьӧм кабала да зургӧ шыпасъясас).* Кутшӧм пос-ниа гижӧма Валяыс. Быттӧ оз тӧд, мый ме и весьт кузьта шыпасъяссӧ ӧдва аддза.

Семе Марья. Локтигад на вӧлі висьталан, мый лыддьӧмыд письмӧсӧ да. Ӑні бара синтӧм улӧ лздзчысьны кутін.

Устинь. Збыльысь ӧд ог аддзы. Видзӧд, мый кызта ӧчки кляничаыс. Сапӧг бӧрля кодъ. Тайӧ на отсалыштӧ, и то бур. Сытӧг эськӧ дзик синтӧм вӧлі. Неважӧн пывсян ломтигӧн вунӧма вӧлі пысавнысӧ, да пессӧ пача-стена костас сюявсьӧма. Пач вомсӧ ӧд нин ог аддзы. Бур, мый гортӧ кайлі да ӧчкиӧн бисӧ суйны лэччи. Эг кӧ...

Семе Марья. Тэ вай ӧчкиась татшӧминад. А то керкаяснымӧс сотан. Вай ли мый ли нин письмӧтӧ.

Устинь. На. *(Тэрыба суйыштӧ кабаласӧ.)*

Семе Марья. Часлы, лыддям. Тэ кӧ кежласян нин-а. Бара сэкся письмӧсӧ вайӧмыд да. Тайӧс ӧд ме сёйсь нин тэныд лыддьывлі. Молитваӧс моз нин тӧдан.

Устинь. Сійӧс вайсьӧма али мый? *(Сьӧлӧмсянь шензьӧ.)* Со ӧд синтӧгыд, мися. Он и тӧд, мый зептад сюян. Час, котӧртла да ӧнія вайӧмсӧ петкӧдла.

Семе Марья. Эн нин коктӧ пес. Висьталан тай вӧлі, мый Катятӧ татчӧ ыстӧ Валяыд.

Устинь. Сійӧс эськӧ и гижӧма да.

Семе Марья. На бӧр. *(Сетӧ письмӧсӧ.)*

Устинь. Гашкӧ, тайӧс и лыддьян да. Менам ӧд вежӧрыд дзик рузя. Ог и помнит, мый сэкинас гижӧма вӧлі. Мыйкӧ тай ныв вылас ёна элясьӧма-а. Со ӧд кытчӧдз воан.

Семе Марья. Эн лӧвт. Зэв на асланыд сюсь вежӧра.

Устинь. Збыль ӧд ог помнит ёнасӧ. Воас Катяыс, да ог и тӧд, мый шуны сылы. Письмӧас мамыс, колӧкӧ, пасйӧма, мый да кызди сыкӧд сёрнитнысӧ.

Семе Марья. Сирасис тай. Дзик сира турун кодъ нэмтӧ вӧлін. Тайӧн вот тэ ни ӧти эн вежсьы.

Устинь. Абу жӧ эськӧ дзик сира турун кодъ да.

Семе Марья *(письмӧас видзӧдлӧм бӧрын).* Посныда и гижӧма.

Устинь. Ме тай сійӧс и шуа. Ог ӧд тай прӧстасьыс элясь. Кызди нӧ ме татшӧм шыпассӧ аддза. Той быттӧ виалӧмаӧсь кабала пасьталаыс да.

Семе Марья. Энлы. Час, видла лыддьыны. Ме эськӧ эг нин ӧтчыдысь тайӧс лыддьы да, но юрын ставсӧ кутны он вермы.

Устинь. Он, он.

Семе Марья *(босьтчӧ лыддьыны).* Чолӧм, мамӧ! Со ӧд, кызд шыасьӧ. Мед нин кӧть ӧтчӧд мамукӧн ыдждӧдліс. Оз ӧд.

Устинь. Гижлӧ жӧ эськӧ мамукнас да.

Семе Марья *(водзӧ лыддьӧ).* Менам тэ дорӧ зэв ыджыд мог. Колӧ эськӧ та йылысь

волёмён висьтавны да, но сьомсьыс мыйкё бөръя кадас дзескалі...

Устинь. Пыр на дзескыда овліс сьомнас, эз сёмын бөръя каднас.

Семе Марья. Эн падмодчы сэні. Со, суйсин да весиг вошті, кыті лыддя вөлі.

Устинь. Водзсьыс видзёдлы. Эн на өд тай кузя лыдды. Водзсё на сёмын босьтчин.

Семе Марья. Сідз эськё да. Но ачyd видлы татшом гижөдсьыс корсьны. Эн сэсся суйсьы.

Устинь. Ог, ог.

Семе Марья (*лыддьё*). Мамө, Дзик өд Катяөн пөгиб вои. Школасө помалөм бөрын со модөд во нин төв чужьялө. Водзё велөдчыны пырны эз письт. Быдлаө велөдөмсьыс сьом корёны. Кытысь сійө меным?

Устинь. Сьом өд велөдөмысь оз жө корны? Мыйкё олөмыс вежсьөма али мый нө? Ме тай нө Валяөс сьомтөг велөді. Аслыс на велөдчөмсьыс сетыштөны вөлі и.

Семе Марья. Босьтөны тай пө со. Оз өд, конкө, ылөдлы мамсө. Ме некодөс эг велөдлы, да ог төд.

Устинь. Ме төда. Мыйкё олөмыс лоөма али мый нө? Вежсьөма али мый нө?

Семе Марья. Вежсьөма, дерт. Он мөй ачyd аддзы?

Устинь. Мый нө аддза? Со мый кыза өчкий да.

Семе Марья. Эн кежлась. Олөм вежсьөмтө аддзыны өчки оз на ков.

Устинь. Мый нө колө?

Семе Марья. Со тай миянө няньтө эз кутны вайны. Тайө нө абу вежсьөм?

Устинь. Вежсьөм эськө да. И абу бурланьө и.

Семе Марья. Сэні, карад, колөкө, мый эз ло да. Тасянь оз тыдав.

Устинь. Тасянь оз дерт.

Семе Марья. Бара на өд вошті лыддян местасө. (*Корсьны босьтчө*.) Со тай. Сюри жө. Уджавны Катяөс некытчө жө эз босьтны и. Со нин мый дыра төв чужьялө. Ме өд удж вылын, да ог пыр вермы сы бөрся кыйөдчынытө. Луннас сійө мыйсө оз вөч. Тшыксьыны өд нылукой кутіс. Вина дукөн мукөддырйиыс өвтыштлө сысянь и. Куритчынытө, тыдалө, важысянь нин босьтчөма. А бөръя каднас весиг некымынысь гортын нин эз узь. Көні ветлөдлө – оз висьтав. Ме эськө тасмаөн и быдөн юаси да. Но сійө өд йөра ыджда быдмис. Тасмасө муртса киён эз нетшышт. Вай, мамук, босьт Катясө ас дорад.

Устинь. Со, со. Мамукөн шуөма. А тэ вөлі кыскалан.

Семе Марья. Дзик тай тэ йөй. Нылыд со мый гижө, а тэ он и гөгөрво.

Устинь. Кыдз нө ог гөгөрво? Гөгөрвоа бара. Кор тай первойисьсө лыддин, войсө узыны эг вермы.

Семе Марья. Час, эштөда нин письмөсө. Муртса кольыштіс. (*Лыддьё*.) Мамө, чайта, мый Катяным мужикьяскөд нин узьлө. Синьясыс тай мукөддырйиыс нөйтчан мөслөн кодьось-а. Со өд ныв йывсьыс кызди гижөма.

Устинь. Скөрман да мыйсө тай он шулы да. Дерт, ку письыс Валяөй петлөма, да сійөн.

Семе Марья (*водзё лыддьё*). Ме, мамө, көсья ыстывны Катяөс тэ дорын олыштны. Сэні, Шорйылад, винатө оз кут юны и куритчынытө, гашкө, дугдас и. Зоньясыд да мужикьясыд сэні абуюсь и.

Устинь. Василейыд өд юыштлө корсюрө. Сыкөд кө нө точкисьөмөн винатө чурскыны кутас.

Семе Марья. Лэдза ме сійөс Васькөд юны!

Устинь. Да. Тэ он лэдз. А гусьон кө ыджыд мамсьыс кутас. Сэсся кампужитчыны бось-

тчас. Батыс рӖдӧ кӧ мунӧма. Сійӧ ӧд ок кокни киа вӧлі. Ӗдва Валя сыыс мынтӧдчис.

Семе Марья. Мед сӧмын воас татчӧдз-а. Сылы паныд ӧтувнад водзасям на. Василейлӧн ӧд кывйӧд ок ӗсь.

Устинь. Мый нӧ ми сӗсса, нывсӧ быдторйысь пинявны босьтчам али мый? Кутшӧм нӧ олӧм сылӧн сӕк ыджыд мамыс дорын лоӧ? Нинӧм абусьыс видны ог лӗдз.

Семе Марья. Сідзкӧ, мед тӑ вылын и кратайтчӧ. Ми Василейкӧд суйсьыны ог кутӧй.

Устинь. Ӗтнамтӧ ӧд ог жӧ вермы. Мый и вӧчнысӧ? Корнысӧ со кори-а. А мый вӧчны, ог и тӧд.

Семе Марья. Оз ӧд, кӧнкӧ, тӧвсӧ ов тані. Енмӧн вунӧдӧм пельӧсас.

Устинь. Ӗти тӧвтӧ эськӧ видза да.

Семе Марья. Сійӧс видзӧм оз на ков. Кызь арӧс тыртігад. Абу ӧд тай кокӧн ветлытӧм кага.

Устинь. Ог и тӧд... Воис эз бара-й...

Семе Марья. Воас. Василей тшук нин воас. А Катяыд локтас оз, ог бара-й тӧд.

Устинь. Со ӧд батытӧг быдтысьӧмыд мыйӧдз вайӧдӧ. Ме ӧд Валятӧ ӧтнамӧн быд-ті да тӧда. Абу кокни батытӧгыд. Меным ӧд бытӧн ковмис ӧтнамӧн быдтысьны. Век мисьтӧмӧн вӧлі, да некутшӧм мужик эз ышты.

Семе Марья. Эг жӧ эськӧ тӑа-меа ӧнія кодъ мисьтӧмӧсь вӧвлӧй да.

Устинь. Тӑтӧ мича вӧлін. Менам некутшӧм мич нӗмсӧ эз вӧв. Сійӧн и вербован-нӧйыдкӧд гоз-мӧд вой узьӧма лои, мед кага артмис. Гӧтрасьны, дерт, эз весиг и кӧсийсь. Да меным эз и ков татшӧм мужикыд. Лытайтысьыд. Мед сӧмын нӗм помӧдз ӧтнамлы не овны – сійӧн и сетчылі.

Семе Марья. Эн жӧ сӗсса содтав. Корасьӧ жӧ пӧ вӧлӧм да.

Устинь. Кывнас печласис, кӧнкӧ, сӧмын. Да и мый сӑтшӧмсьыд. Олыштис да рочас бӧр мунис кузяӧн. Ме моз ӧд нӗмсӧ тані оз кут коллявны.

Семе Марья. Тӑнӧ эськӧ сьӧрсьыс босьтис.

Устинь. Мун сӑтысь. Сылӧн сӑні ме кодъыс, гашкӧ, сӧ вӧлі... Мунис да кылӧм ни тӧдӧм. Некор юӧрттор весиг со эз сетышт. Кӧть нин мед юасьліс, кызди нылуыс быдмӧ, оз-ӧ висьӧдчы. Воськодъ сылы. Кӧні бара-й ӧні сійӧ-а? Ловъя али кулӧма?

Семе Марья. Код тӧдас...

Устинь. Но ме, Марья, сӗсса гортӧ тапиктыла. А то Катяыс кӧ збыль воас, то ре-гыд мыччысясны. Тшай кӧть шонтышта. Ёна нинӧмӧн гӧститӧднысӧ лоӧ, да сійӧ-а. Пӧжасьнытӧ эськӧ пӧжаси да.

Семе Марья. Тӑнад шаньга-сӧчӧныд век артмывліс. Медся чӧскыдыс грездын пыр вӧлі. Пачыд бур да.

Устинь. Пачыд бур. Ӗдъя зӑв. Няньтӧ оз лӑка пӧжав. Сійӧ кӧть удайтчӧма олӧмын. Сӗсса дзик нинӧм.

Семе Марья. Мун нин. Кутін сӑні лӧвтны.

Устинь. Ог эськӧ лӧвт да. Мыйкӧ ӧд шуны колӧ. Кадсӧ каттигмозыд мыйсӧ тай он варовитлы да. Но, ме муна сӗсса. *(Петӧ.)*

Семе Марья ноксьӧ керка пытш уджӧн. Ӗдзӧсӧ тотшкӧдчӧны.

Семе Марья. Василей, тыдалӧ, воис. Водз на эськӧ быттьӧ да. Гашкӧ, бӧр косіс да? А менам тшайыд пуктытӧм. *(Виль пӧв гораджыка тотшкӧдчӧны.)* Пыр нин! Дуран сӑні. Выживалан!

Восьсё ѓдзёс, да мыччысё Миш.

Миш. Чолём-здоровье!

Семе Марья. Но-о. Кодкё тѓдтѓм. Ме Василейѓс чайті-а. Мися, воѓма нин да дурѓ.

Миш. Ме-е тайѓ.

Семе Марья. Шойччы-шонтысь, сідзкѓ.

Миш. Позьѓ?

Семе Марья. Позьтѓг оз ов. Некодѓс на керкаысь эг вѓтлывлѓй да. Пыр. Висьтась. Коді да кытысь?

Миш. Висьтасьнысѓ бытьѓн колѓ?

Семе Марья. Сідз тай век вѓчлывлім-а. Тѓ нѓ кодлѓн лоан? Варышсалѓн кодлѓнкѓ? Ог ѓд нин и тѓд том йѓзсѓ.

Миш. Абу, абу Варышысь. Ылысь ме.

Семе Марья. Ылысянь, сідзкѓ, татчѓ веськалін. Да воськовт нин. (*Сюся видзѓдѓ пырѓм морт вылѓ.*)

Миш. Позьѓ кѓ, ме пач дорад топѓдчыштла. А то кынми дзикѓдз.

Семе Марья. Позьѓ, дерт. Пачыд сы вылѓ и эм, медым морттѓ шонтыны.

Миш воськовтѓ пач дорѓ да сувтѓ шоньд кирпичяс бердѓ мышнас.

Семе Марья. Тѓ тай люстик ва. Час, ме Василейлысь мыйкѓ косѓс сетла. Пѓрччысь да косьты ассьыд паськѓмтѓ.

Миш. Ог. Вылын косьмас.

Семе Марья. Эн вай йѓйтав. Дзик ва паськѓмыд да. Висьмыны верман.

Миш. Мышкуѓй со шонавны нин кутіс.

Семе Марья. Асьтѓ видзыштны жѓ колѓ. Ачыд кѓ ас вѓснаыд он тѓждысьышт, то некод ѓнасѓ оз.

Миш. Сідз эськѓ да.

Семѓ Марья кытчѓкѓ ветлѓ да вайѓ верѓсыслысь кос дѓрѓм-гач.

Семе Марья. На. Вежсьы. Виль мыськѓм на. Дерт, Василейѓй абу тѓ кузьта, но тѓрас кыдзкѓ.

Миш саймовтчылѓ да вежсьѓ. Асьыс паськѓмсѓ ѓшлѓ пач бокѓ.

Миш. Аттьѓ.

Семе Марья. Но, ѓні дзик мѓд морт кодь. А то коньѓр моз сулалан. Час, тшай на кисьта и.

Миш. Тшайсьыд ог пыксьы. Горшѓй косьмѓ жѓ нин да.

Семе Марья. Пытштѓ пѓсь тшайыд шонѓдас и. (*Кисьталѓ тшай.*) Пѓсь васьыс кынмѓмыд пытшсьыд петас. Ёна, тыдалѓ, кынтысьѓмыд. (*Миш юѓ.*) Вай ѓні висьтась, кодлѓн лоан?

Миш. Мишѓн менѓ шуѓны.

Семе Марья. Менѓ Марьяѓн дай. Айѓс Семенѓн ыдждѓдлывлісны.

Миш. Марья Семѓновна, сідзкѓ.

Семе Марья. Марья пӧчӧн шу дай. Марья Семёновнанас ме нэм эг вӧв. Абу ӧд ме наставнича, медем тадзи ыджӧдлыны.

Миш. Ти нӧ ӧтнадӧн и оланнӧд?

Семе Марья. Ог. Ог ӧтнамӧн ов. Верӧс менам Варышӧ мунӧс.

Миш. Варышӧ?

Семе Марья. Сиктыслӧн нимыс сэтшӧм. Эн на мӧй кывлы? Тэ ӧд татчӧ сы пыр, кӧнкӧ, локтӧн?

Миш. Ме? Ме...

Семе Марья. Гашкӧ, нӧшта ӧти стӧкан юан да?

Миш. Ог сэсся. А то пота.

Семе Марья. Гашкӧ, шойчыштны окота? Мудзин, кӧнкӧ.

Миш (*ассыс мӧвпалӧ да оз гӧгӧрво первойсӧ*). Мый?

Семе Марья. Мися, гашкӧ, гӧбӧч вылас водыштан да. Сэни ӧд зэв шоныд.

Миш. Ог. Эг мудз ёнасӧ.

Семе Марья. Кыдз нӧ эн мудз? Эн ӧд, кӧнкӧ, татчӧдз самолётӧн лок. Туй ӧд колӧ вуджны.

Миш. Сӧдз эськӧ да. (*Мӧвпалыштӧм бӧрын.*) Воши ме вӧрас. Вотчины мунӧ да ылалӧ. Бур, мый татчӧ петӧ.

Семе Марья. Вошнытӧ абу сьӧкыд. Ме тай век жӧ вошӧма да. Василейтӧг вӧрад ог лысьт пырны.

Миш. Ме эськӧ эг на вошлыв да. Ылӧдз пырсис вӧрас.

Семе Марья. Кытысь нӧ эськӧ тэ? Абу кӧ Варышысь? Кутшӧм сиктысь.

Миш. Ӗдвакӧ тэ тӧдан. Лымваысь ме.

Семе Марья. Лымваысь? Татшӧм нима сиктсӧ ме весиг эг на и кывлы. Кӧнкӧ миян-сянь ылын али мый?

Миш. Ылын, тыдалӧ, абу кӧ на весиг кывлӧмӧд. А тӧян грездыд кыдз шусьӧ?

Семе Марья. Шорйылӧн.

Миш. Ме тайӧ нимсӧ первойысь на жӧ кыла. Сӧдзкӧ, вель ылӧ менам мунсьӧма.

Семе Марья. Дыр нӧ мӧй вӧрас вӧлӧн?

Миш. Дас лун сайӧ нин.

Семе Марья. Адӧй, адӧй! Сы дыра! Бур, мый петӧмӧд на. Вермин и не петны. Унаӧн тай скӧнь вошласны.

Миш. Шудыс, сӧдзкӧ, менам вӧлӧма на.

Семе Марья (*друг вежсьӧм гӧлӧсӧн*). Вай, муса мортӧй, дугдам челядьясьнытӧ. Абу тэ вошӧм морт кодъ.

Миш. Кыдз абу. Вошлӧ. Вӧрӧ вотчины мунӧ да ылалӧ. (*Семе Марья видзӧдлас улын ланьтӧ.*)

Семе Марья. Шыш кӧ, то веськыда и висьтав. Пышйӧм морт кӧ быттӧ. Мый сэни менӧ кӧкӧдан.

Миш. Ме... ме абу шыш. Ме некытысь эг пышйы.

Семе Марья. Либӧ веськыда висьтав, либӧ бӧр пасьтав ассьыд ва паськӧмтӧ да усйысь миянысь. Ме ог радейт ылӧдчысьастӧ. Сӧран сэни. Быттӧ ме первой во ола. Тэ кодъсӧ ме, колӧкӧ, мыйта нин аслам олӧмын эг аддзыв да. Мый нӧ чӧв ланьтӧн? Ыджыд мыж вӧчин али мый нӧ?

Миш. Мыйкӧ тай вӧчи-а.

Семе Марья. Сӧмын вай эн ылӧдлы. А то бара кутан мойдчины, мый кодъяскӧ

мыжмисны, а тэ вылө ликтісны дай. Вєсьшөрө вєськалөмыд.

Миш. Эз. Некод ме вылө эз инды. Ачым...

Семе Марья. Эн жö öд, көнкö, мортöс ви? Либö ёна гусясь?

Миш. Эг.

Семе Марья. Он жö эськö вєськыдатö висьтав да. Но да мед, инöсь. *(Миш вєськöдчö пач дорö. Кöсйö вєжсьыны. Но Семö Марья сувтöдö.)* Эн лысьт вєжсьыны. Эн на öд шонав. Час, верöс локтас, да артыштам, мый тэкöд водзö вöчнысьö.

Миш. Удтанныд, көнкö, и ставыс.

Семе Марья. Дугды. Ми некор на некод вылө эг удтысьлöй.

Миш. Мый нö эськö мекöд думайтанныд вöчны?

Семе Марья. Ог и тöд. Василей воас, да сэк... *(Миш пуксис лабич вылө да чöла босьтчис видзöдны джоджас.)* Куш тшайнад öд сьölөмыд эз бурмы. Час шыд чöвта.

Миш. Аттьö, оз ков.

Семе Марья. Дерт нин оз ков. Сы мында лун со тшыг нисьö пöt вөрöд ветлöдлөмыд да.

Миш. Вотöс сөйи.

Семе Марья. Вотöс вылад öд усян. Со тай, лы да кучик нин и кольöма. Лок, сөйышт. *(Чöвтö шыд. Миш тэрмасьтöг босьтчö сөйны.)* Эн уна сөй. А то велавтöгыд кынöмыд висьмас. Неуна паньышт дай. Сэсся öд бара на шонтышта.

Миш *(кывзысьö, пуктö паньсö).* Гашкö, ме муна сэсся да.

Семе Марья. Ланьт мися. Та йылысь мед эз вöв вєсиг сёрни кыпöдöма. Ме керка помьсь некодöс на эг вöтлывлы. Быдсяма мортыс нин мянö вєськавлывліс да. Кöть эськö шышъясьд зэв ыджыд омöльтор меным вöчлісны.

Миш. Кодкö неважөн на али мый?

Семе Марья. Эз öнi. Зэв нин важөн. Пышъялысьяс менсьым айöс вөр керкаас вилісны. Война бöрас. Эз эськö и сйö мыжа вöв да. Ласей мыжаыс. Сйö удтыліс да индіс пышъялысьяс вылас. Тшöтш жö вöралысь вöлі. Со и паськалöма пукалысьяс костад, мый кутшöмкö пö вöралысь, Шорйыв грездысь, шышъясöс вузалöма. Лöг таысь ставныс кутны босьтчöмаöсь. Со и öти партея пышйöма да водзöс мынтыны кöсйöма. Менам ай шөрö вєськалöмаöсь. Ласейыс и айö тош новлісны. Öткодь кымын мыгöрыс вöлі и. Со и виисны айöс Ласей пыддиыс. Бöрас эськö каитчана юөръяс и быдөн ыставлісны да. Но киссьöм ватö он курышт.

Миш *(чöв олыштöм бöрын).* Марья пöч?

Семе Марья. Мый?

Миш. Ме öд эг торъя ыджыд мыж и вöч. Но вєськалі тай со.

Семе Марья. Вермас лоны. Ме öд йöзтö ог ёна тöдмавны куж. Да и оз ков тайö меным. Мый сьölөм тшöктыліс, пыр на сйöс и вöчлывлi. *(Видзöдлö öшиньö.)* Со менам бурлакыс локтö. Вайöдö Катясö. Локтöма жö. Василейöй мудзöма нин, тыдалö. Со, кокъясыс öдва нин вöсьлалöны. Мудзан, дерт, сизимдас сайö арöснад.

Миш. Менö сйö оз вöтлы?

Семе Марья. Туй выв мортöс öд оз жö вöтлы?!

Миш. Кутшöм нö ме туй выв морт?

Семе Марья. Кытысь нö тэ усин? Миянлы вєськодъ, кутшöм мортöс олöмыс керкаöдз вайöдас. Бур али бара-й лөк сйö – мыйөн тöдан. Мунысь мортыд мунысь морт и эм. Туйö петöма...

Миш. Петi тай со...

Семе Марья. Мунысь морттӧ мян первой вердӧны да юкталӧны, а сӧмын сы бӧрын видзӧдлӧны, кутшӧм сійӧ. Да и кыз нӧ верман ӧтчӧд видзӧдлӧмӧн гӧгӧрвоны мӧд мортӧс – бур али лӧк. Асьтӧ мукӧд кадас он гӧгӧрво-а. *(Пызан вылас кыпӧдӧ сӧян. Вомгорулас.)* Устиньлы ӧнӧ кӧть гажаджык лоӧ. Кӧть кутшӧм, но век нин отсасьысь да гажӧдысь локтӧ.

Мыччысьӧ Павел Вась. Аддзӧ тӧдтӧм мортӧс.

Павел Вась. Чолӧм-здоровье!

Миш. Видза оланнӧд.

Семе Марья. Чолӧм, чолӧм. Кыззи ветлӧн?

Павел Вась. Бура.

Семе Марья. Ми со локтӧмтӧ тӧянлысь казялӧм да пызан лӧсьӧдӧм.

Павел Вась. Пӧсь тшайӧд ӧнӧ лӧсялас. *(Нопсӧ пӧрччигмоз. Сэсся ветлӧ мыссян чуман дорӧ, вель дыр мыссьӧ. Косӧдчӧ да сӧмын сэк матыстчӧ лабич вылын пукалысь Миш дорӧ. чургӧдӧ кисӧ.)* Вась ме, Павел Вась.

Миш *(кыпӧдчӧ да топӧдлӧ чургӧдом кисӧ).* Миш.

Павел Вась. Миш кӧ, и Миш. Абу лӧк ним. Лок, нуръясьыштам ӧтлаын.

Миш. Ме неважӧн на сӧйи. Оз ков.

Семе Марья. Пуксьы, Миш, пуксьы. Неуна сӧмын и паньыштлӧн сэкинад. Нӧшта сӧйышт. Василейлы оз пыр сӧяныд, кор кодкӧ бокын пукалӧ да няръялӧмсӧ сылысь видзӧдӧ.

Миш. Ме ӧд мӧдарӧ бергӧдча. Ог кут видзӧднысьӧ.

Павел Вась. Дугды. Лок, пуксьы пызан саяс.

Чӧла сӧйӧны. Семӧ Марья тшӧтш жӧ пуксьылӧ тшай юны.

Семе Марья *(сувтӧ, видзӧдлӧ ӧшиньӧ).* Арся кадыд тай сэтшӧм: быттӧ неважӧн на лун югыд вӧлӧ, а со рӧмдӧма нин. Ас кадӧ воин. Со тай, пемдӧ нин.

Павел Вась. Тэрмасьыштӧм жӧ. *(Пызан сайысь чеччӧ жӧ.)*

Семе Марья. Катясӧ нӧ кытысь аддзин?

Павел Вась. Эз и ков корсьысьны ёнасӧ. Мед сӧнӧ мамыс оз няргы вывтӧсӧ.

Семе Марья. Ме тай нинӧм ог и шу. *(Аддзӧ, мый Миш сувтӧ жӧ пызан сайысь да оз тӧд, мый водзӧсӧ и вӧчны.)* Пӧтыштӧн жӧ кӧть?

Миш. Пӧтӧ, аттьӧ зэв ыджыда.

Семе Марья. Ме час пызансӧ идралышта да Устиньясӧ котӧртла. Гашкӧ, мыйкӧ ковмас налы да.

Павел Вась. Петав, петав. Устиньтӧ ӧд ачӧд тӧдан. Ӧнӧ сійӧ вермас мыйкӧ торкны дай. *(Семе Марья идралӧ пызан вывсьыс.)* Эн жӧ торъя дыр ветлы.

Семе Марья. Ог, ог. Бӧра-водза ветла. Гашкӧ, меысь мыйкӧ тӧлк на лоӧ. Видзӧдла.

Семе Марья петӧ. Недыр сулалӧ дзик чӧв-лӧнь.

Павел Вась. Мыйысь нӧ пуксьӧдлӧсны?

Миш. Ме татчӧ...

Павел Вась *(орӧдӧ).* Сӧмын вай эн менӧ йӧй туйӧ видз. Варышын гӧгӧр салдатьяс

тыдалёны. Татчө voidөрлун кежавлісны и. Тэнө корсьоны.

Миш. Куим во сетлісны.

Павел Вась. Мыйысь? Морт виёмысь татшом этша оз сетны. Мый нө сэтшомсö пакöститчин?

Миш. Предпринимательён ме вöлі. Ковмис бытьён öти мортöс мавтышты. Сьöмөн. Сетігас и кутісны. Ме тшöтш мыжми.

Павел Вась. Гашкö, сідзи и вöлі. Колöкö, эз. Мый морла нө эськö пышйин? Куим воыд öд абу кызь. Ме эськö дзескыдінад лун эг вермы овны. Кыдз нө позьö ловъя мортöс кытчöкö йöртны...

Миш. Пышйи тай со. Бытьён моз жö ковмис. Öти зэв дыр кешлö пуксьöдöмалы пышъян ёрт колö вöлөм. Ме эг и гөгөрво, мыйла? Менö ликтöмаöсь ас костаныс. Со и ковмис сыкөд тшöтш пышйыны. Эг кö, то важөн нин эськö эг вöv ловъя. Дзескыдінад дзик мөд олөм. Дыр котöртім. Важөн нин дасьтысьöмаöсь, тыдалö, пышйиг кешлас. Кодкö отсасьöма пукавтöмъяс пövстысь. Некымынысь тай көмъясöс вежлім-а. Дзебасъ-ясысь сюрлі. Важсö чивгылім, вильöс кокö сүйлім и водзö пышйим. Мед понъясыс оз сяммыны кок туйöд вöтчыны, та могысь көмсö вежлалім.

Павел Вась. Бура тай лöсьöдчылöмныд.

Миш. Ме та йылысь эг и тöд. Збыльысь шуа. Сэсса воөдчим местаö, кытчö водзвыв жö гу вöлі кодйöмаöсь. Пырим сэтчö, а сэнi ставыс жö эм. Би и сёян-юан. Пышъян ёртöс Викторён шуисны.

Павел Вась. Мися кыкöс вöлі юасьöны да.

Миш. Викторыс вывтi ышмыны мөдіс. Ме пö тэнö аскөд эг прöста босьт. Ме и кутi ывлаö петавны вöзйысьны. Бур, мый водзвылас лэдзи содсö кайны. Кыдз тай чужйи сылы и со пышйи. Сэсса тiян грездö дыр мысти люкаси. Эг вермы боктi мунны. Бытьö вичко кодь грездныд, пырны чуксаліс.

Павел Вась. Куим ловъя лов Шорйылын колим. Кодзөм каньсö кö Устиньлысь он лыдды да ассыным порсьсö. Сэсса скөнъ некод оз ов. Со мый выйөдз олöмыс воис. А öд вель ыджыд грезд вöвлі. Томджык дырйи позис жö вуджөдны керкаöс Варышö ли кытчöкö мөдлаö, но эг весиг и мөвпышты та йылысь. Сьöлөмлы лöсьыд сыысь, мый гуаласны дзик неылö сійö местасяньыс, кытөн мыччыси таладор югыдас. Кулөм бöрад, шулöны, мый ставыс веськодъ. А абу кö?

Миш. Шуда морт тэ. А меным көні ковмас...

Павел Вась. Кутасны да сэки мый мөдан вöчны? Збыль кö бытьö висьталан. Наысь, татшөмъяссыд öд он мын некор.

Миш. Ог и тöд. Веськыда шуа, мый ог тöд.

Павел Вась. Водзö мый кутан вöчны? Нэмтö öд он дзебсясь?

Миш. Ог бара-й тöд.

Павел Вась. Вöрад öні дыр он вермы овны. Кынман да кулан кытчöкö дай. Керкаысь ме тэнö ог вермы вöтлыны. Мый дыра верман, ов. Сэсса ачыд тöдан...

Миш. Неуна шойччышты кö позяс, то олышта. Сэсса муна. Водзö.

Павел Вась. Удтыны ог удты. Таысь тэ эн пов. Но дзебны ог жö кут дай. Аддзан кö салдатъяслысь локтөмсö – вöч ачыд, мый көсьян.

Миш. Сюра кö бытьö, то тiянöс ме ог жö вузав. Примитöмсьыд, шуа.

Павел Вась. Таысь ме ог и пов. Кодлы кутшөм мог, кодi менам керкаö пырöма. Мед быдөн асьсö тöдö. Менö велөдны сёр нин.

Миш. Ме öд ог дыр ов.

Павел Вась. Мыйта верман, сы дыра и ов. Миянын абу дзескыд. Чунь гозъя олам. Местаыс, майбыр, тырмас. Вердны, дерт, бура ог вермӧй. Мый асьным сѣям, сійӧс и ковмас няклявны тэныд.

Миш. Меным ӧд торъя сѣян оз ков. Мед сӧмын тшыг не кувны. Зэв сьӧкыд дзик сѣйтӧгыд.

Павел Вась. Дыр тшыгъялін?

Миш. Вежон кымын нин вотӧсысь ӧтдор нинӧм эг сѣйлы.

Мыччысьӧ Семе Марья.

Семе Марья. Василей, тэ нӧ гӧсьтыслы эн на петкӧдлы, кытчӧ воднысӧ? Узыны ӧд, кӧнкӧ, сійӧ кӧсийӧ. Кузь туй бӧрад.

Павел Вась. Тэно виччысим. Тэ бурджыка тӧдан, кытчӧ вольсавнысӧ мортислы.

Семе Марья. Гашкӧ, гӧбӧч вылӧ каян да? Сэні шоныд. Мед сӧмын эз вывтӧ жар ло-а. Зэв нин уна ковмис ломтыны. Та ыжда керкаыд кык паличнад оз шонав. Ар ӧд нин ывла вылас.

Миш. Кытчӧ инданныд, сэні и узя.

Семе Марья. Ог ӧд тӧд, кытӧн тэныд бурджык. Гӧбӧч вылад, гашкӧ, вывтӧ жар да. Унпӧтыд оз шед. Юрыд висьмыны вермас и.

Павел Вась. Чуланас кӧ вольсалан-а. Сэні буретш.

Миш. Кӧть кытчӧ. Кытӧн тӧянлы огджык мешайт, сэтчӧ и вольсалӧй.

Семе Марья. Миянлы эськӧ тэ некытӧн он мешайт да. Чуланас и вольсала. Сэні перинаыс небыд. Унпӧтыд шедасджык. Гашкӧ, мыйкӧ сѣйыштан на да? Вой улас? *(Пырлӧ.)*

Миш. Ог. Оз нин ков.

Павел Вась. Кынӧмыд кӧ войнас сяммас, то пызан вылын сѣяныс лоас, ог идралӧй. Ми ӧд Марьякӧд абу рытъя унмаӧсь. Колӧкӧ, тшай на юыштам. А тэ вод. Мудзӧмыд, тыдалӧ, вель ёна. Шойччышт.

Семе Марья *(мыччысьӧ.)* Ме тай вольсали-а. Пыр да узь. Аски пывсян ломтам. Корӧсясян, да сэк став мудзыд вошас. Талун тай со эг ломты-а. Гашкӧ, колӧма да.

Павел Вась. Аски пывсям. Ӧти войтӧ ӧд кызкӧ узяс. Пывсьытӧг. Водзджык кӧ вӧлі, эськӧ талун на позис ломтыны да.

Миш. Аттӧ ставсьыс.

Павел Вась. Нинӧмысь.

Семе Марья. Енлы.

Медводдза юкӧнлӧн пом.

Мӧд юкӧн

Вӧчсьӧ Устинь ордын. Устинь Катяислысь локтӧмсӧ вель важӧн нин ӧшинь дорас вишкӧ. Пызан вылын сѣян-юан.

Устинь. Тшайсӧ, гашкӧ. витысь шонӧдлі. Другӧн воас нучкаӧй, да весиг ог слӧймы шонтынысӧ удитны. Ковмас сы дырйи сэсся сѣян дасьтыны. Быттӧ эг и виччысь.

Павел Васьыс талун мыйкө нюжмасьо и. Сы дыра со Варышсьыс оз бергөдчы. Сибдөма али мый нө сэтчө? Мукөд кадас зэв өдйө волө-а. А талун со – оз. (*Сюся дзоргө.*) Кодъяскө локтөны али мый нө? Мутиясыс лэдзөмаось жө Павел Васьсө Варышсьыс. (*Оз вермы сэсса гортас пукавнысө да уськөдчө воча. Мыччысьо Катя.*) Катюк, тэ бара-й али абу?! Шыась ли мый ли нин. Дзик өд нинөм эг кут аддзыны. (*Тэрмасьо локтысьлы паныд.*)

Катя. Ме. Ме тайө, ыджыд мам. Тайө ме, Катяыд.

Устинь. Бласлө Кростос! Воин жө. Збыльысь мөй тэ? (*Катя уськөдчө жө сылань.*) Збыльысь тай Катюк вөлөма. Ёна өд ыджыд мамыд тэнö и виччыси. Мися, он лок не-кыдзи ни. (*Топыда кутлө.*)

Катя. Локті тай со, ыджыд мам. Ылын олан да, он тай өдйөтө вермы локнытө.

Устинь. Воин кө, и бур, а то менам сэтшөма нин гажөй тэысь бырөма. Ог и төд, мый вөчнысө?

Катя. Керкаад кө пырам-а.

Устинь. Сидзи өд и эм. Гортө пырам. Лок, лок. Гортад пырам. Ог жө кутөй сэсса ры-тивбыд тані сулавны. (*Немвиччысьтөг шланнитө кияснас.*) Но, йөйыд ме и эм! Дзик өд выживөн нин лосьома!

Катя. Мый нө, ыджыд мам, лоис?

Устинь. Дзик тай нин ме йөй! Тшайтө өд шонтыны вунөді. Картупельыс көдзалис и. Со өд пөрысьыд кутшөм. Пукала да видзөда локтөмнытө, а тшай йывсьыд юрысь дзикөдз петөма. Нөшта өд ыджыд госьтөс виччыся. Тшайтөг.

Катя. Тшайыд өд шоналас.

Устинь. Кор на өд сійө шоналас. Йөйыд ме и эм. Тшайтө эг шонты. (*Уськөдчө тшай шонтыны.*) Тэ вай, Катюк, эн ёнасө ыджыд мамтө дивит.

Катя. Мыйысь?

Устинь. Кыдзи мыйысь? Со весиг тшайыд көдзыд.

Катя. Но и мый? Шоналас өд регыд.

Устинь. Тэ өд тшыгъялін, көнкө, зэв ёна. Сы ыджда вөлөк подөн вуджин, да тшыгъявтөг эн ов. А ме со... Вай көть вотөссө сөйышт ли мый ли. Картупель да тшай шонавтөдзыс. Со өд йөйыд. (*Катя пуксьө пызан сайө.*) Сөй, сөй, кагук.

Катя (сөйө). Ачыд тай нө он сөй?

Устинь. Менам сөйөма и юөма нин. Тэ туй выв морт. Сөй, ю. Мырпомсө видлы, чөдсө паньышт.

Катя. Видлі нин. Зэв чөскыд. Ачыд вотін?

Устинь. Ме помысь дай. Менам вотчысьома нин. Павел Вась гозъя вотчөны. Найө ме дорысь эбөсабсьджык на. И синъяс вылас оз на элясьны. Ме өд, кагук, дзик омөля куті аддзыны. Да и кокъясыд оз нин важ моз новлөдлыны. Абу на дзик седун, и то бур. Сөй, сөй. Пөттөдзыд мед лоас.

Катя. Ой, пота сэсса.

Устинь. Потан, дерт, пань йылад босьтыштөмөн сөйөмсьыд. Тэ вай сөйышт, сөйышт.

Катя. Ёдва и воим тіянөдз. Сэсса тані, ош гуас, и нэмтө олін?

Устинь. Олі тай со. Нинөм сэтшөм кулитанаыс эз вөв оломын и. Көнкө өд овны мортыд-лы колө. Чужөмыд кө нин вольнөй съветас. Ме тай тані олі-а. Кодкө – мөдлаын дай.

Катя. Став керкаыс, видзөдөмпөръяысь, овтөмөсь нин да?

Устинь. Ме да Павел Вась гозъя и колим нин Шорйылад. Вель уна олысь эськө коркө вөвлі да. Кольөма-а-а ставыс. Он бергөд.

Катя. Миянө мед локтін. Тані олом дорсьыд.

Устинь. Ен мед видзас. Пӧда ме буса карад. Коркӧ вӧлі, да ӧдва ловйӧн мӧд асыв-нас бӧр петі. Абу, абу ме карса олысь. Ог вермы сӧні. Кула, да кыз кутанныд татчӧдзсӧ вайны?

Катя. Он на кув. Карад ӧд быдсяма врачыс эм. Бурдӧдасны быд висьӧмысь.

Устинь. Кула бара-й. Некутшӧм врач оз отсав.

Катя. Карас ӧд кладбищеыс эм жӧ.

Устинь. Сэтчӧ водны али мый?! Загреки тай. Кутшӧм мыжысь нӧ меным карса кладбище вылас воднысӧ?!

Катя. Ыджыд мам, ме, гашкӧ, тӧныд вала ветла да. Кӧні нӧ ваыс?

Устинь. Оз ков, кагук, тырмымӧн пыртлі. Шоммас сӧмын.

Катя. Ваыд ӧд абу ырӧш – оз шоммы.

Устинь. Шоммас бара дыр олӧгад. Нюйтмас. Оз ло чӧскыд. Ковмас, да неунаӧн пырта дай. Ваыд, майбыр, мян тырмӧ на. Койыштла на весиг вой узьӧм васӧ. *(Кылӧ кок шы. Кодкӧ локтӧ.)* Марья локтӧ.

Катя. Мыйӧн тӧдан? Кок шы сертиыс?

Устинь. Василейыс грымгигтыр ветлӧ. Тайӧ со шытӧмаджык восьлалӧ. Марьяыс, шуа.

Катя. Гашкӧ, абу и сійӧ. Мӧд кодкӧ.

Устинь. Кыкӧн и олӧны тані да. Коді нӧ вой улас боковӧйыс татчӧ локтас? Ме Марьялысь кок шы тӧда на жӧ. Аддзынытӧ омӧля куті аддзыны, а пельясыд менам сюсьӧсь на.

Мыччысьӧ Семе Марья.

Семе Марья. Видза оланнды! Мися, лоӧ кежавны Устинь дорӧ. Кывсис, мый ыджыд гӧсьта воӧма да.

Устинь. Пыр, пыр. Кокыд кузь. Ми со эг на дугдылӧй пызан сайын пукалӧмысь. *(Вайӧ виль стӧкан.)* Картупель, кӧсьян кӧ, шонтышта.

Семе Марья. Оз ков. Ме буретш пызан сайсянь жӧ. Катя со мый ыджда нин быдмӧма. Мӧдлаын кӧ паныдасим, эг и тӧд.

Устинь. Кытысь нин тӧныд сійӧс бокиын тӧдны. Ме и то эськӧ эг тӧдмав. Ми со пӧрысьмам. Челядь важӧн нин быдмӧмаӧсь. Нучкаяс нин со мый кузяӧсь. Олӧмыд тай мунӧ. Да-а-а!

Семе Марья. Мамыд, Катя, кыз олӧ? Мыйкӧ нӧмнас нин таладорас эз мыччысьлы.

Катя. Олӧ тай.

Семе Марья. Варышӧдзыс нӧ мыйӧн воин? Автобусӧн?

Катя. Автобусӧн. Сэсся подӧн.

Семе Марья. Со ӧд мян олӧмыд кутшӧм. Ош гуын кодъ на. *(Тшай стӧкан юӧмысь эз куражитчы да пызан сайӧ пуксьӧ.)*

Устинь. Сэтшӧм, сэтшӧм. Абу торья вежалана. Но ми тай со олам. Ӧнтай Катялы шуи нин, мый тані и кувны ковмас. Но нинӧм, олӧм нин ассьыным пайӧс. Мед сэсся мукӧд оласны. А то ог кутӧй му вылас тӧрны, да лёк жӧ.

Катя. Му вылад, майбыр, тӧрам на. Олӧй ставныд кӧть нӧмсӧ.

Устинь. Олам эськӧ да. Но кыз Ен шуӧма...

Катя. Ыджыд мам, гашкӧ, бӧрас ме пызантӧ идрышта?

Устинь. Оз ков, мед тадзи на олас. Сэсся ачим мыскала. Тӧ ӧд гӧсьта морт. Оз позь тӧныд.

Семе Марья. Да-а. Гөсьтыд пö куим лун гөсьт. Сöмын сы бöрын позьö уджöдны босьтчыны.

Устинь (*немвиччысьтöг весиг ойкнитö*). Марья, кылан?!

Семе Марья. Кыла, дерт. Мый нö горзан?

Устинь. Ме öд дзик йöй кодьöн лои. Öнтай Катя водзын яналi. Сiйö пырис, а менам тшайыд дзик кодзыд. Гöстяöс кодзыд тшайöн виччыся. Мый сэсся татчö шуан. Дзик йöй и лоны кути. Тшайыд кодзыд...

Катя. Шонтiм тай со. Юим и.

Семе Марья. Овлö тай. Менам быдсяма дивöйс жö нин овлö.

Устинь. Но мед гөсьтöс кодзыд тшайöн виччысьны?

Катя. Ыджыд мам, эн та йылысь думайт. Локти тай со да ола тэ дорын. А кутшöм тшайыд вöли пыригад, меным дзик веськодь.

Устинь. Кыдзи нö веськодь? Көнкö, думыштiн, мый ыджыд мамыд тэнö абу и виччысьöма. Весиг со тшайтö абу шонтöма да.

Семе Марья. Дугды, Устинь, асьтö таысь видны. Катяыд тай со нинöм таысь оз шу. Оз кыскав ни. Гашкö, ачыд кö эн кут лöвтны, эз и казавлы.

Катя. Меным веськодь, пöсь али кодзыд вöли тшайыс менам пыригөн. Мед сöмын ачыд гортад вöлин-а.

Устинь. Меным тай яндзим-а. Тианлы, гашкö и, веськодь тайö-а. А меным со абу.

Семе Марья. Но-о-о. Кадыд тай öдийö лэбö. Менö Василей сутш кежлö и лэдзис. Ветлы пö да чолöмась кöть гөсьтыяскöд. Со и волi видлыны. Мунны ковмас сэсся.

Устинь. Пукышт на.

Семе Марья. Тэ öд талун абу öтнад. Эм кодкöд рытйысьнытö.

Устинь. Мед кö. Катя öд, көнкö, оз на кöсий узыны. Он öд, Катя?

Катя. Оз на унмöй лок.

Семе Марья. Василей гортын öтнасөн коли. Гажтöм босьтас.

Устинь. Мудзис, көнкö, Василейыд?

Семе Марья. Мудзас, дерт. Татшöм кадад. Но, ме муна сэсся. А то пемыдас воша. (Мунö.)

Устинь. Катюк, водан кö, то вод. Менам вольсалöма.

Катя. Час, ывла вылас петала да.

Устинь. Ме, час, тэныд петкöдла, кытчö да мый?

Катя. Кыдзкö öд ачым аддза.

Устинь. Аддзан. Биыс öд югыд. Слабог, кöть биыд на эм. Сiйö кö эз вöв, то веськыда пöгиба... (*Катя недыр кежлö вошлö. Устинь тасьтi-паньöн ноксьö. Ныв пырö.*) Аддзин?

Катя. Аддзи. Ме, ыджыд мам, сэсся вода.

Устинь. Вод, вод, кагук, мудзин öд, көнкö. Туйыд öд тай абу кокни. (*Катя пырö мöд жирйö.*) Ен сыкöдөн, зэв статя ныв быдмöма. Бур, мый абу миян рöдö кыскöма. Ми абу торья мичаöсь да статяöсь. Сöмын тай табак тшын дук нырö вартiс-а. Куритчöма али мый нин Катяыс? Öлöдны татшöмторсьыс колö. Абу мича ныв мортлы табак апавны. Öнi ог нин кут. Кадыс та вылö лоас на. Талун мед тадзи нин кольö. (*Пукалö да ассьыс мыйкö мөвпалö.*)

Кост. Асыв. Устинь видзöдлö öшиньö да казялö,
мый Павел Васьясын садьмöмаöсь жö. Семö Марья петö кильчö вылö. Устиньлөн керка вылö видзöдö.
Мöдöдчö суседьясас.

Семе Марья. Бур асыв!

Устинь. Эн горзы сыв петмӧнд. Нывсӧ садьмӧдан.

Семе Марья. Садьмасны найӧ ывла вылын сёрнисьыд. Том йӧзыд. Он бара-й найӧс татшӧм сёрнинад садьмӧд. Миян тай со кутшӧм бура... (*Тшӧкмунӧ.*)

Устинь. Василейыд век на мӧй узьӧ? Том молодечӧс аддзӧмьд. Василейӧс.

Семе Марья. Узьӧ, век ӧд узьӧ. Тӧрыт ёна мудзӧма, да век на со стынитӧ. Мед шойччыштас. А менам со, йӧйыдлӧн, тӧрыт лавка няньтӧ тэныд вайны вунӧма. Войнас нин казялі, да эг кут петкӧдны. На. Абу эськӧ вывтӧ небыд да. Сэтшӧм нин вӧлӧма. Ӧти войнад эз на чорззы.

Устинь. Ме Катюклы шаньга пӧжалі нин.

Семе Марья. Ме ӧд пӧжася жӧ. Лавка няньыс сукар вылӧ сӧмын шогмӧ. Бӧрас шыд пиӧ посьнӧдлам да сёям. Катяыд нӧ мый шуӧ?

Устинь. Мый, мый шуӧ?

Семе Марья. Мися, мый шуӧ татчӧ локтӧм йывсьыс? Мамсӧ оз дивит ыстӧмсьыс?

Устинь. Мамсӧ ӧд оз жӧ дивит? Нинӧм тай на эз шу-а. Ме ӧд сылы абу боковой. Ыджыд мам дорас ӧд локтис тай со. Ог ӧтдорт ни.

Семе Марья. Мед сӧмын олас-а. Гажтӧм ӧд, кӧнкӧ, лоас миянын.

Устинь. Гажӧдны ме сійӧс некыдзи ог вермы. Сьӧлӧмыс кӧ гажмас, то...

Семе Марья. Быдлаӧ велавны колӧ. Ми тай татчӧ велалӧмаӧсь, да некытчӧ оз кыскы.

Устинь. Ме сійӧс жӧ тӧрыт Катялы шуалі. Мися, карыд меным весь оз ков. Кула сәні мӧдӧд луннас.

Семе Марья. Но, ме бӧр, сідзкӧ, муна. Василейлы садьмиг кежлас мыйкӧ пуыштыны на колӧ. Устинь, менам сола яй на выйыштым да, колӧкӧ, петкӧда. Катяыдлы пуан.

Устинь. Сійӧ ӧд, кӧнкӧ, сола яя шыдтӧ оз сёй. Ми ӧд велалӧмаӧсь да...

Семе Марья. Абу эськӧ и чӧскыд сысы шыдыд да. Но ӧд быть кызкӧ яйтӧ гожӧм кежлад дасьты. Ог, сідзкӧ, вай?

Устинь. Эн.

Семе Марья. Выйтор Василей вайӧма да, колӧкӧ, вичмӧдышта?

Устинь. Ӧнтая вайӧмсьыс на кольыштӧ. Эм на ӧні вылӧ.

Разӧдчӧны. Устинь пырӧ гортас. Видзӧдлӧ ӧшиньӧ.

Катя. Ыджыд мам.

Устинь (*сыркмунлӧ немвиччысьтӧмысла*). Садьмин, кагук?

Катя. Мыйсяма чӧскыдсьыс-чӧскыд кӧр нӧ керка пыткад кылӧ? Весиг садьми.

Устинь. Картупеля шаньга ыджыд мамыд тэныд пӧжаліс. Ог и тӧд, артмис эз талун?

Катя. Ачыд мӧй эн на видлы?

Устинь. Эг ӧд и лысьт. Мися, эз кӧ артмы ли мый, то сьӧлӧмьд яндзимысла потӧ.

Катя. Артмӧма, ыджыд мам, артмӧма. Чӧскыдтӧмыдлӧн татшӧм кӧрыд оз кыв.

Устинь. Вай мыссьышт да ачыд и видлы.

Катя мыссьӧ да пуксьӧ пызан дорӧ. Устинь вайӧ пӧжас.

Катя. Ыджыд мам, тэ менӧ ичӧтдырйи татшӧм шаньгаӧн эн вердлы?

Устинь. Кызди нө эг вердлы. Тайос и пыр сёйин да. Век тай пöжавны дзайгылин-а.

Катя. Мися жö кöрыс нэм кежлö вомö кольöма.

Устинь. Збыль мöй помнитан менсьым шаньга кöрсö?

Катя. Кыз нө ог! Дзик со тайö кöрыс и кыліс вомын. Сöмын öніöдз эг тöд, мый кöр? Тэнад шаньгайдлөн со волöма. Эг кö татчö лок, то нэм чöж эськö ковмис майшасьны.

Устинь. Кажитчö кö, бур нин. А то ме асывбыд мöвпалі, мый оз ло чöскыд.

Катя. Тэ, ыджыд мам, сöмын тайон и пыр верд менö. Сыысь öприч меным нинöм оз ков. Верман не пусьыны.

Устинь. Куш шаньга вылад он на ов. Ковмас на мыйкö лöсьöдны.

Сёйöм бöрын Катя юасьтöг босьтö ведраяс да петö вала. Видзöдлö Павел Васьлөн öшиньö. Сэні воча видзöдö Миш. Том морт зэв öдйö вешйö öшинь дорысь.

Катя. Мужикъяс нин кутісны син водзын веравны. Кытысь ме татысь найöс аддза. Та кузяйд кослунъя олöм ковмас овны. *(Пырö, саймовтчö сэтчö, кытчö мунöма Устинь.)* Ыджыд мам, кöні тэ?

Устиньлөн гөлöс. Тані.

Павел Васьлөн керкаын. Мыччысьö Семе Марья.

Семе Марья. Садьмин?

Миш. Садьми. Татшöм бурасö ме нэмнас эг узылы. Ёна жö нин небыд вольпасьныд.

Павел Вась *(мыччысьö жö).* Пöттöдзыд мед узин.

Миш. Тырмас сэсса. Пöтмөн нин лои.

Семе Марья. Ми асьным сёйим нин. Пуксьы, тшöтш нуръясьышт.

Павел Вась. Ме пывсян нин ломтыны лöсьöді. Мися, садьман да пырысьтöм-пыр и бисö сюа. Васö ваялі нин. *(Петö.)*

Миш сёйö.

Семе Марья. Шаньганас тшайсö ю. Асывнас на пöжалі. Ог тöд, артмис эз-а...

Миш. Зэв чöскыд. Ачыс кылалö. Ньылышттöг.

Семе Марья. Артмöма кö, и бур. Сёй пöттöдзыд.

Миш. Асьныд нö мый тшайсö он юй?

Семе Марья. Шуи тай, мый сёйим нин Василейкöд. Пöрысьыдлы уна оз нин и ков. Вай, зонмö, висьтась, кытысь да коді. Василей тöрыт шуис, мый кыкөн пышйöмныд.

Миш. Кыкөн. А ас йылысь кö босьтча ставсö висьтавыны – дыр лоö.

Семе Марья. А тэ дженьыда висьтав. Быттьö кöсьян кö. Мырдөн ог жö кор.

Миш. Кор институт помалі, сэки казылі, мый весьшöрö, вöлөм, велöдчысьöма. Видз-му овмöс техника кузя инженерыд, вöлөм, оз нин ков. Уналаö эськö видлі сюй-сьыны, но некытчö эг инась. Сэки ме аслам ёрткöд, кодкöд öтлаын институтсö помалі, мöвпыштім восьтыны асьыным котыр. Медся кокниыс öні – вузасьöм. Коді вермö, сійö и кутчысьö тайö уджас.

Семе Марья. Сідзи эм. Видзöдан да, ставыс мыйöнкö вузасьöны. Коді вöчö вузаланторсö? Быттьö весиг некодлы да. Ставөн вузасьöны.

Миш. Ми тайö уджас и босьтчим. Пöлино, гöтырöй, зэв нимкодясис, кор сьöмтор

кутис бергавны сылӧн киын. А то водзті вӧлі вель ёна дузгӧдчӧма. Он пӧ вермы менӧ бур ногӧн видзны. Ыстысьны ӧні, майбыр, эм код вылӧ. Видзӧдан зонъяс вылӧ да, зырымыс на муртса косьмыштӧма, а иномаркаӧн нин кар кузя шлывъялӧны. Юалан мыйкӧ татшӧмыдлысь, да висьтавнысӧ оз куж. Вежӧрыс чут абу. А машинаа со. Тэ пӧ со мыйта велӧдчӧмыд, а гортад нянь вылӧ сьӧмыд абу. Тадзи кымын дивитліс пӧлӧй.

Семе Марья. Меным карса олӧмыд век вӧлі гӧгӧрвотӧм. А водз мӧй гӧтрасьлін?

Миш. Институтын велӧдчигӧн на. Тэкӧд пӧ, шуліс, весиг челядь он лысьт лӧсьӧдны. Оланін ни сьӧм абу да. Тшыгла кагаыд кулас татшӧм батынад. Виль нога олӧмыс да уджыс эз жӧ эськӧ вӧв торъя вежалана. Горт шӧрӧдзид некод нинӧм оз вай. Но бергӧдчан да кокъястӧ кӧ нӧйтан, то позьӧ петны. Сьӧмтор лыыштис, оланін ньӧбим весиг во мысти. Патераас ставсӧ босьтім и. Овны позьӧ. Кӧть сэсса сувт нин тайӧ сьӧкыд уджсьыс да. Ловтӧ вермасны босьтны вежалысьысид. Но кыскӧ тай бурджык олӧмыд. Тшӧктӧ водзӧ мунны. Гӧтырӧйлы любӧ жӧ лои татшӧм жыкруйтӧмыд. Оз элясь, но кагасӧ мыйлакӧ оз жӧ на кӧсйи вайны. Бӧрынджык пӧ, кор ыджыдджык наде-
тэ вылӧ лӧӧ.

Семе Марья. Миян тай эз жӧ некод вӧв со да.

Миш. Сьӧмыс эськӧ менам ки пыр уна муніс, но аслым этша юкӧн сибдіс. Быдӧнлы ковмӧ сетыштны. Код дорӧ могӧн он лок, сійӧ и нянь сӧян пон моз синмад видзӧдӧ, мавтыштӧм виччысьӧ. Кутшӧмкӧ колана кабала ковмас кырымавны, зептад сьӧм дзумган да мунан. Эг чайтлы, мый таысь ачым налькӧй веськала. Ӧтчид сьӧм сетігӧн и тшапкисны. Вӧлӧм, кыйӧдӧны нин морт бӧрсяыс, кодлы сьӧмсӧ вайи. И тшӧтш весь-
калі. Взятка сетӧмысь. И сетісны збыльсь куйм во. Гӧтыр регыд мысти и торйӧдчис мекӧд. Эз кут виччысьны. Некодлы ковтӧм мортӧдз друг ме со уси.

Семе Марья. Морт кодъ на эськӧ да. Он кӧ быттьӧ...

Оз слӧймы водзӧ висьтавны. Ӧдзӧс воссьӧ да мыччысьӧ Устинь. Семе Мерья да Миш шайпаймунӧны.

Устинь. Тшай-сакар ставныдлы. Тіян гӧсьт вӧлӧма. Кылӧм ни тӧдӧм.

Семе Марья. Туй выв морт тай пырис. Тшайӧн со юктӧдам.

Устинь (Мишлы). Кодарлань нӧ туйсӧ кутан?

Семе Марья. Варышӧ, Варышӧ мунӧ.

Устинь. Василейыд нӧ кӧні?

Семе Марья. Ывлаын. Пывсянӧ кӧ муніс-а.

Устинь. Но да ладнӧ. (Кӧсйӧ петны, сувтыштлӧ.) Марья, тэ меным он петкӧдлы, кытчӧ сэкинад зыртӧ пуктін.

Семе Марья. Петкӧдла.

Миш кольӧ керкаӧ. Пӧчьяс петӧны кильчӧ вылӧ.

Устинь. Коді нӧ тайӧ?

Семе Марья. Ачыд мӧй он аддзы? Гӧсьт. Тшай юны, мися, пырис.

Устинь. Эн менӧ выжив туйӧ видз. Кутшӧм нӧ сійӧ Варышӧ мунысь? Кодарсянь? Миян сайын некутшӧм сикт нин абу да. Тані туйыс помасьӧ. Шыш али мый? Кодӧс тай войдӧрлун корсьны волісны?

Семе Марья. Сійӧ.

Устинь. Загреки тай. Вай ӧдйӧджык вӧтлы сійӧс керкасьыд ли мый ли.

Семе Марья. Ог жö кут мортöс керкаысь вöтлыны. Понйöс и то эг вöтлывлы да.

Устинь. Катяöс кö эсйö... мыйкөкертас... Сыысь öд лоö повнысö. Миянлы öд мый нин. Овсьöма. Ставсö нин асланым нэмын аддзывлім. Нывсö кö вөрöдас?

Семе Марья. Оз. Абу сэтшöм.

Устинь. Мыйöн найöс тöдан?

Семе Марья. Морттö тöдан на. Тöдчö öд.

Устинь. Мед сöмын Катяöс эз вөрзьöд-а. Морттö збыльысь керкасьыд абу лöсьыд тодмышкавнытö-а. Дыр-ö нö овны кöсйö тиянын?

Семе Марья. Ог бара-й тöд.

Устинь. Кыдз нö он тöд? Эз мöй висьтав?

Семе Марья. Эг öд юасьöй. Абу лöсьыд.

Устинь. Ме Катялы висьталысь лоа-а. Мед оз ёна ывлаті ветлöдлы. Сылön мунтöдз.

Пöчьяс разöдчöны. Семе Марья пырö керкаас.

Миш. Меным мунны, гашкö да?

Семе Марья. Кытчö тон мунан? Ов, мыйта кöсьян. Ме висьталі Устиньлы, коді тэ. Сыысь эн пов.

Миш. Сідзкö, кöть ывла вылас петала. Мый нин öні дзебсясьнысö.

Семе Марья. Петав.

Миш петö. Кильчö вылас сулыштö. Сэсся ывла вылö медводдзаысь лэдзöм каньпи моз тэрмасьтöг лэччö му вылö. Гоньялыштö гөгöрбок. Мыччысьö Павел Вась.

Павел Вась. Пывсяныд эз на ваймы.

Миш. Ме сідз петі. Ывла вывсö видзöдлыны.

Павел Вась. Эн на мöй аддзыв?

Миш. Эг на. Тиян, гашкö, кутшöмкö удж эм да? Весь олöм дорысь вöчышта. Колöкö, мыйкö тувъявны колö да?

Павел Вась. Оз. Ме ставсö на ачым вöча. Со Устиньлы колö казакыд. Менö важөн нин корö пес лэбувсö лöсьöдыштны. Вевтыс виялö. Ме эськö кöсйылі нин да, ог вермы. Юр бергавны кутіс лэбув вылас. Ковмис лэччыны. Лок, петалам.

Павел Вась веськöдчö суседъяслань. Миш вöтчö сы бöрся.

Миш. Кöрт тув да пöв öд сылön эм жö?

Павел Вась. Эм. Ме лэбув пыткас и коли. Устинь! Устинь! Петав. Рöбöтникöс вайи!

Устинь первой ляскысьлö öшиняс. Недыр мысти мыччысьö кильчö вылас.

Устинь. Мый нö, Василей, горзан? Мыйкö лоис али мый нö?

Павел Вась. Нинöм эз ло. Рöбöтникöс, шуа, вайöді. Пес лэбувтö дзоньтавны кöсйö. Ме со эг нин вермы да.

Устинь. Оз ков. Мед виялыштö кö. Лым тай оз на сэтшöма пыр-а. Олам кызкö.

Павел Вась. Эн вай ышнясь. Мый нö, полан али мый мортсьыс?

Устинь. Ме некодысь ог пов. Но оз ков и ставыс.

Павел Вась. Дугды, Устинь, чепсасьнытӧ. Мед отсалас мортис. Ачыс со вӧзйысьӧ да. Мыйкӧ бурӧс вӧчны.

Устинь. Тіянын мӧй став уджыс нин помасьӧма?

Павел Вась. Уджыд некор оз помасьлы. Кулан да кольӧ на. Ме тэныд помечавны вайи. Ме ог нин вермы вевт вылас уджавнысьӧ да.

Устинь. Мый сэсса тіянкӧд вӧчан? Мед, сідзкӧ, уджалӧ. Мынтыся ӧд.

Миш. Меным нинӧм оз ков. *(Босьтчӧ ноксьыны пӧвъясӧн. Павел Вась мунӧ. Видзӧдӧ да, мыйкӧ оз тырмы. Бергӧдчӧ Устинь ӧшиньлань.)* Пӧчӧ! Кӧні нӧ тэ?

Ӧшиньӧ видзӧдӧ Катя. Найӧ вочаасьлӧны видзӧдласъяснаныс. Сэсса нылыд бергӧдчӧ. Петӧ Устинь...

Устинь. Мый нӧ чуксаян? Кыдз кӧть тэно шуӧны?

Миш. Мишӧн. Тіян нӧ пӧвъясыс сэсса эм абу? Зэв нин ёна вевтыс жугласьӧма да.

Устинь. Пӧвъясыд сюрасны. Пес лэбувсьыс видзӧдлы. Сэні пельӧсас сулалӧны. Заптывлі. Мися, гашкӧ, мый вылӧ кӧ ковмасны да. Тэ кӧть олӧмад коркӧ тувъясьлін жӧ?

Миш. Тувъясьлі. *(Серӧктӧ. Устинь вашмунӧ да пырӧ.)*

Миш вайӧ нӧшта пӧв, босьтӧ киас мӧлӧт, кӧрт тувъяс. Петӧ Катя. Устинь сы бӧрся. Стӧрӧжитӧ, тыдалӧ. Абу лэдзӧма ӧтнассьӧ.

Катя. Ме, гашкӧ, пӧвъяссӧ мыччӧдла да?

Миш. Мый?

Катя. Мися, ме, колӧкӧ, пӧвъяссӧ мыччӧдла да. Ӧтнадлытӧ абу кивыв.

Устинь. Катюк, тэтӧг эськӧ кызкӧ-мыйкӧ да. Ӧтнасӧн со зэв жӧ бура тувъясьӧ. Сідз тай шуӧ-а.

Миш. Верма ӧд ачым. Абу торъя сьӧкыд удж.

Катя *(мыччӧ пӧв).* Менӧ Катяӧн шуӧны.

Миш. Тӧда ӧд.

Катя. Кытысь?

Миш. Абу ӧд тай пельтӧм. Кильчӧ вылас тэно стӧрӧжитысь пӧчыс тадзи нимтіс да.

Катя. Ыджыд мам сійӧ меным.

Миш. Но-о. Менӧ Мишӧн шуӧны.

Павел Вась *(мыччысьӧ).* Мишӧ! Регыд пывсян кад. Час джын сайын пӧдлалі.

Миш. Час, эштӧдам да сэк пывся. *(Киыс инмӧдчылӧ нывлӧн киӧ да зэв тэрыба кыскыштӧ да дзебӧ. Катя серӧктӧ.)* Мый нӧ сералан?

Катя. Мыйкӧ тай повзин да. Инмӧдчӧмсьыс. Гашкӧ, сэні тэныд нывъясыд эз нин кутны кажитчыны да?

Миш. Кӧні сэнісӧ?

Катя. Эн йӧй улӧ лэдзчысь. Ыджыд мамӧ ӧд висьталіс. Шыш пӧ Павел Васьясӧ овмӧдчӧма. Тюрмаысь пышйӧм морт. Мыйысь нӧ пуксьӧдісны?

Миш. Дыр висьтавысьӧ.

Катя. Дженьыдасӧ позьӧ жӧ. Мортӧс, кӧнкӧ, виин?

Миш. Эн сӧр нинӧм абусӧ.

Катя. Сӧра, сӧра. Абу морт виысь кодъ тэ.

Миш. Код кодъ нӧ?

Катя. Коньөр кодь. Неважён кө асьтё аддзылін, кутшом чужомыд вөлі.

Устинь (*петё*). Катюк, эштөданныд да, кор казаксё тшай юны.

Миш. Оз ков. Меным нинөм оз ков.

Устинь. Нöшта мый? Тшайөн юктавтөг уджалысьёс эг на лэдзлы. Пыралан. (*Бөр пырö керка пытшкас.*)

Катя. Эн яндысь. Пыралам.

Миш. Кыдзкө абу и лөсьыд. Тшай стөкансё на эг нажөвит тайö уджнас.

Катя. Ыджыд мамö лөгасяс. Кывзы, тані йöзыс сэтшөм аслыспөлөсöсь.

Миш. Казялі нин. Челядь кодьöсь. Тшыксьытöмöсь.

Катя. Павел Вась гозъясö ог на тöд, а ыджыд мамöй збыльысь челядь кодь. Лок, пыралам.

Миш. Гашкө, бöрынджык. Пывся да.

Катя. Дугды. Сэки ыджыд мам тэнö оз нин лэдз миянö. Со рөмдыштö нин да.

Миш. Мыйла?

Катя. Быттö он тöд. Менö дзерөдöмысь полö.

Миш. А тэ он пов?

Катя. Ог. Тэысь ог пов. Ме, час, пыра да отсышта ыджыд мамлы пызансö лөсьөдны.

Миш. Сідзкө, ме бöрынджык пыра.

Катя. Эн пышйы. Пыр. Эн пов.

Миш. Ог эськө да.

Миш саймовтчö пес лэбулас. Петö, казялö öшинь дорсьыс Семе Марьяöс. Сійö öвтчö кияснас. Зільö мыйкö горöдны. Но татчөдз оз кыв. Пöч кияснас индалö керка пытшкөсас. Миш нинөм оз гөгөрво. Сэсся боклань вешйыштö да сöмын сэк казялö восьлалысь кык салдатöс. Миш оз тöд, мый и вöчнысö? Пырö пес лэбулас. Салдатъяс первой пыралöны Павел Васьясö.

Первой салдат. Боковöйöс некодöс татысь эн казявлöй?

Павел Вась. Эг, эг.

Салдатъяс вуджöны Устиньясö. Павел Вась гозъя накод тшöтш кильчö вылөдзыс петöны. Синмасьöны, быттö öта-мöдныслысь юасьöны, удитіс эз вöрас котöртны Мишыс.

Катя (*петö*). Лок, пыр!.. (*Салдатъясöс казялөм бöрын джөм сувтö.*)

Павел Вась. Ми öд тшайтö юим нин, Катя. Асьныд ужнайтöй.

Погона зонъяс педзöны Устиньлөн керка дорын. Мича нывтö казялöны да кутöны асьнысö петкөдлыны. Зэв веськыда ветлавны кутöны.

Катя. Пес пыртны ветла.

Зонъяс вежалана синьясөн дзоргöны сылөн статья мыгөр вылө да ас ногныс гөгөрвоöны сылысь дэльөдчöмсö. Эз на слöймы ныв пырны лэбулас, кызди сы бöрся сэтчö тювкнитöны салдатъясид.

Мöд салдат. Нывка, нывка, кызди нö тэнö шуöны?

Катя. Ог висьтав. (*Мöдыс со кияссö нин воча чургөдöма, көсйö топөдлыны.*) Весась сэтысь! Зырым бедь.

Тайӧ куражитчӧмыс нӧшта ӧддзӧдӧ зонъясӧс. Найӧ кыкӧн нин думайтӧны топӧдны сійӧс. Йӧймӧмаӧсь дзикӧдз мыйыськӧ али мый? Катя водзсасьӧ, но салдатьяслӧн выныс тырмӧ. Гашкӧ, мыйсӧ оз вӧчны да. Горӧднытӧ абу лӧсьыд ни.

Миш (*мыччысьӧ*). Вай ӧвсьӧй!

Салдатьяс первойсӧ шай-паймунлӧны, но сӧсся ас саяс воӧны.

Первой салдат. Тайӧ жӧ, эсійӧ!

И кыкнанныс уськӧдчӧны Миш вылӧ. Вартӧмсьыс том морт ляскысьӧ пес бокӧ.

Мӧд салдат. На тэныд, на! (*Катя видлӧ дорйысьны, но асьсӧ йӧткыштӧны усьтӧдзыс. Восьӧпӧрӧм ныв котӧртӧ ывла вылӧ.*)

Первой салдат. Тэ вӧсна ковмис сы мында лун няйтсӧ лойны! Вӧрын ва кӧвтны. На тэныд таысь.

Мӧд салдат. Тайӧн тэ он на пӧт. Виктор ёртыд на виччысьӧ.

Павел Вась (*горзӧ налань локтӧмӧн*). Мый нӧ лоис?!

Катя. Мишсӧ кутісны. Нӧйтӧны.

Павел Вась (*уськӧдчӧ дорйысьны*). Ноко, дугдӧй! Немортъяс али мый!

Устинь тшӧтш жӧ сылань тэрмасьӧ. Дерт, нучкасӧ дорйыны. Бедьсӧ тай код тӧдас мый вылнаӧдз кыпӧдӧма-а.

Устинь. Ме тіянӧс!

Семе Марья. Дзикӧдз тай дурмӧмаӧсь!

Налӧн горзӧмысь ли мый, но салдатьяс дугдӧны Мишӧс нӧйтӧмысь. Кӧрталӧны кияссӧ.

Павел Вась. Со ӧд, пывсьынысӧ эз удит. Нинӧм, мӧдысь пывсьӧда.

Миш. Ме татчӧ бӧр воысь лоа на. Мыйӧн мездма, пырысьтӧм-пыр татчӧ и локта. Виччысьӧй.

Семе Марья. Лок, лок. Местаыс ставлы тырмас.

Катя. Ме тшӧтш виччысьны кута. (*Миш сюся видзӧдлӧ сы вылӧ, но нинӧм оз шу.*)

Семе Марья. Лоӧ кӧть шаньга зептад пуктыны. (*Гортланыс тэрмасьны уськӧдчӧ.*)

Салдатьяс эз дыр тані видзны Мишӧс. Мӧдӧдчӧны. Кор Семӧ Марья петӧ шаньгаӧн, найӧ саялӧны нин.

Павел Вась. Чайта, мый Мишыс татчӧ локтас на.

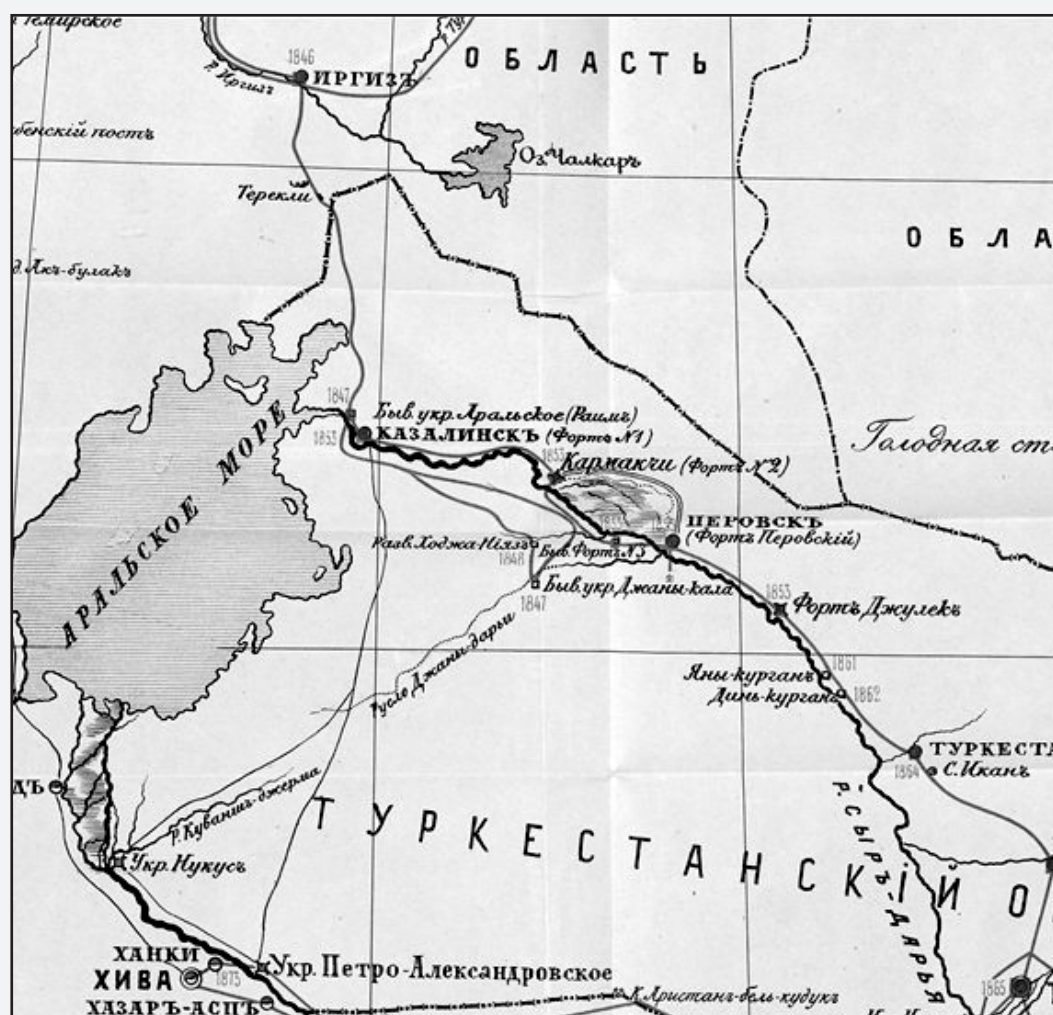
Семе Марья. Код тӧдас.

Павел Вась. Ме тай чайта – воас-а. Ковмас на тэа-меалы олыштны. А то локтас, да некытчӧ пырнысӧ лоӧ.

Устинь да Катя чӧв олӧны.

Пом.

ИКАН

Подвиг Иканской сотни

4–6 декабря 1864 года сотня уральских казаков под командованием есаула В.Р. Серова приняла героический бой против более, чем десяти тысячного войска хана Муллы-Алимкула, под Иканом (20 вёрст от Туркестана). Отряд, посланный для проведения рекогносцировки, столкнулся с превосходящими в сотни раз силами хана Муллы-Алимкулы. Поняв, что обнаружение отряда противником неминуемо, Василий Родионович Серов распорядился отойти несколько назад – к замеченной им ранее небольшой балке. Пройдя не более полверсты назад, отряд моментально был окружён огромными скопищами кокандцев, которые поначалу приближались к сотне «тихим молчанием», а затем с диким криком начали нападать. Приказав казакам не тратить зря выстрелы и подпустить неприятеля поближе, Серов затем взмахнул рукой, и окрестные холмы огласились звуком яростного залпа из ружей и единорога. Кокандцы опешили от полученного отпора и со значительным уроном отступили в беспорядке и смятении. Азиаты повторяли эту попытку 2 или 3 раза, и лишь когда меткий огонь казаков навалил вокруг русского укрепления ряды трупов, расположились станом рядом с казаками и зажгли свои костры.

В течение трёх дней без пищи и воды уральцы, среди которых были участники обороны Севастополя, держали круговую оборону в голой степи, прикрываясь телами убитых лошадей. Неприятель палил всю ночь, с рассветом огонь усиливался и гранаты с ядрами всё чаще стали убивать лошадей и ранить казаков. Уральцы отвечали, снимая меткими выстрелами с лошадей джигитов, ради демонстрации своей удалости подъезжавших поближе, били отличавшихся нарядной одеждой и убранством коней кокандских начальников, целились в артиллеристов. Многие, не понимавшие, что пе-

ред ними целая армия, снабжённая всем необходимым для продолжительных боёв, рвались перейти самим в атаку, но Серов не позволил этого сделать.

Видя ожесточённое сопротивление русских, Алимкул приказал плести хворостяные щиты и ни на секунду не останавливать при этом огонь, пока этот хворост подвозили.

Утром 6 декабря в 7 часов снова закипел отчаянный бой, кокандцы наступали теперь сразу с трёх сторон. 57 казаков погибли, 42 (почти все оставшиеся в живых) были ранены, все лошади в русском отряде к этому времени тоже были перебиты. Отбив подряд 4 атаки, израненные уральцы все вместе с криком «Ура!» поднялись по команде есаула Серова, встали в каре и, двинувшись напролом, сумели прорваться через тысячные ряды противника. Отчаянное сопротивление русских казаков ошеломило кокандцев.

Кучка казаков уверенно шагала в сторону Туркестана, однако, кокандцы вскоре сообразили, что их можно перестрелять, не подвергая при этом себя никакой опасности. На падавшего от попадания пули казака сразу налетали конные преследователи, спешившие отрезать своей жертве голову. Но и меткая пуля русского часто убивала такого кокандца прямо в момент его торжества, когда он поднимал свою «добычу». Видя, что происходит с отставшими, казаки шли из последних сил. Сотник Абрамичев, раненый 4 пулями, даже умолял своих его убить; позднее его труп едва удалось узнать. Военный историк М. А. Терентьев так описывал этот прорыв уральцев: «В самом деле они не посмели приблизиться к казакам и только провожали их сильным огнём на протяжении всех восьми вёрст; остатки сотни шли, бросая одежду, в одних рубашках, с ружьями и патронами. Вздвигая азиатские изливы всю свою месть на тяжело раненых, оставленных на дороге: на глазах отряда их рубили шашками и отсекали им головы».

В конце дня, уже в сумерках, близ города уральцы увидели бегущих им навстречу солдат. Это был второй отряд, высланный комендантом Туркестана на помощь иканской сотне. Казаков уложили на подводы и отвезли прямо в лазарет.

Губернатор М. Г. Черняев был потрясён героизмом казаков и одновременно очень был рассержен на коменданта Туркестана за нерасторопность и несвоевременность отправки подмоги[6]. Всего отряд под командованием Серова состоял из 2 офицеров, 5 урядников, 98 казаков, кроме того к сотне придано 4 артиллериста, фельдшер, обозный и три посыльных казаха. Потери составили: из двух офицеров один убит, сам Серов был ранен в верхнюю часть груди и контужен в голову; из 5 урядников 4 убито, 1 ранен; из 98 казаков 50 убито, 36 ранено, 4 артиллериста ранены; фельдшер, обозный и один казах – убиты. Иканская сотня потеряла половину своего состава.

Все выжившие после боя казаки были награждены Знаком отличия военного ордена, сам Серов – орденом Св. Георгия 4-й степени и произведён в следующий чин – войсковые старшины (19 января 1865 года).

7 (19) октября 1884 года в 4-й сотне 2-го Уральского казачьего полка на головных уборах были введены особые знаки отличия за Иканский бой. Впоследствии в Ташкенте одна из улиц получила название «Иканская». В память об Иканском сражении была сложена казачья песня «В степи широкой под Иканом».

Андрей Расторгуев

Расторгуев Андрей Петрович (р. 1964) – российский поэт, переводчик, журналист. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, автор нескольких поэтических книг; кандидат исторических наук. Живёт в г. Екатеринбурге. Андрей Расторгуев является постоянным автором журнала «Север» (Петрозаводск), публиковался в журналах «Наш современник» (Москва), «Литературная учёба» (Москва), «Урал» (Екатеринбург), «Южная звезда» (Ставрополь), «Простор» (Алма-Ата). Поэтическую деятельность он удачно совмещает с амплу переводчика – переводит на русский язык стихи финно-угорских поэтов. В свою очередь, стихи Расторгуева переводились на коми, венгерский, финский и башкирский языки.

Багрение

(Поэма о русских головах)

**Уж ты батюшка, сизой орёл,
да где же ты летал?..**

Не так уж давно это было – ровно за век до моего рождения. Иные старожилы тогда ещё помнили времена Пугачёвского бунта. А после первой обороны Севастополя прошло всего девять лет.

Четвёртого декабря 1864 года из крепости Туркестан вышла сотня всё ещё опального Уральского казачьего войска под командой Василия Серова. Отправлялись на недолгую разведку. Оказалось – на верную гибель. В семнадцати верстах у селения Икан казаки повстречали многотысячную армию Кокандского ханства во главе с его правителем Алимкулом.

В почти трёхдневном противостоянии у русских погибли и позднее умерли от ран 69 человек, ещё один скончался в плену. Но кокандцы, только убитыми потеряв, по разным сведениям, от четырёх сотен до двух тысяч, ушли и больше на такие рейды не отваживались.

Невеликое вроде бы дело – бой местного значения, мгновение мировых перемен, благодаря которым Средняя Азия побывала частью России. Но, как любая из ярких историй, тем более военных, рассказ о нём помогает подумать и о современном человеке. По меньшей мере – о самом себе...

Автор.

Пролог

1.

Про багры да режаки
ведут речи казаки:
– Багренье, багренье –
хоровоженье одно...

Все поехали к Самарской,
а нас чёрт понёс к Бухарской –
мол, с Бухарской стороны
ямы рыбою полны...

Приехали на ятóвь –
на ятови одна кровь:
кто-то нас опередил
да на рыбку угодил.
Багренье, багренье –
одно хоровоженье...

А у дедушки Петра
мы поймали осетра.
Осетра на три ведра –
просидели до утра.

Казаку, что рысаку –
не уняться дóвеку:
одну лошадь пропиваем,
а другая начеку...

Кошма была – кошмы нет:
улетела на тот свет.
Пропил пешню, пропил сак,
а к жене вернулся так:
– Багренье, багренье –
лебёдушка, багренье...

2.

Непонятки чуткому – не загадки,
а с нелюбопытного взятки гладки.
Распознать утраченные слова
за усмешкой лёгкою – дважды два.
Погляди на полке или погугли –
выйдет не тяжелее иной прогулки
по достопримечательностям, а тут
даже сноски ставить – напрасный труд.

Не одна имеется повестушка,
как декабрьским утром стреляла пушка,
и вперегонки, подобрав багры,
люди сыпались с береговой горы.
Разминали длани, желая дани,
и рубили первые иордани,
и – пошла безудержная гульба! –
запускали воздух под кожу льда...

Но увидеть мешкотная потуга,
как подводной лодкою прёт белуга –
на живые продухи, на рожон
и ломает древки пяти сажён
просто мановением, ненароком,
а потом кровавит упругим боком
острия железные и крюки,
наугад вонзённые в глубь реки.

Если даже пробовать новый номер –
насовать под лёд электронных камер,
выйдет номер этот совсем пустой:
ни людей уже, ни белуги той.
Много с той поры в омуты-ятови
утекло воды и нерыбьей крови,
а людей вобрали, как невода,
за года разбухшие города.

Не за труд коронному человеку
гору именем соединить и реку,
да от шара Маточкина пока
далеко до Гурьева-городка,
и найдёшь навряд ли сполна проворных
от оленных ненцев до мест икорных
через край заводов и крепостей
обойтись хотя бы без областей.

Отчего же мне посреди Урала
эта песня в голову так запала?
Устарела вроде бы, да успел –
сам её с друзьями однажды спел.
Не на льду речном и не на морозе,
а в тепле домашнем – да на серьёзе:
хоть сегодня мается человек,
занесёт, бывает, и в прежний век...

Разведка

1.

До меня на свете ровно сто лет –
дедов нет ещё, и прадедов нет.
На планету девятнадцатый век
осыпается рождественский снег.
По линейным тишина крепостям –
все на всенощную да по гостям.
Лишь дозоры, окликаясь: – Не спи! –
караулят, нет ли вора в степи...

А по крыше мира в дальний Кашгар
перевалами заснеженных гор
караван идёт косматых волов.
Во вьюках – полсотни русских голов.
Терпеливые – ни слова в пути,
и пока на холоду – во плоти,
лишь когда канавы или бугры –
бьются, точно костяные шары...

В том Кашгаре правит хан Валихан,
по снесённым головам – великан:
вон они – у глинобитной стены
пирамидою нагромождены.
Прибавление не величина,
да за русские – тройная цена:
вести добрые – владыка, ликуй! –
шлёт кокандский аталык Алимкул...

Увезённым по горам и долам,
им не присоединиться к телам,
а с иными отсечёнными с плеч
в пирамиду валиханову лечь.

Вот такие на Востоке дела.
А тела уже земля приняла,
и что дальше приключится, Бог весть –
возьми, Господи, такими, как есть...

2.

После перечитают
заново злые вести.
После пересчитают,
один на сто или двести.
А если без долгих фраз –
приказ.

Выехать на скаку
к ближнему кишлаку.
Встретив большую рать,
боя не принимать,
но если вдвойне-втройне –
всё-таки быть войне:
дать наглецам острастки,
выпроводить с почётом,
преподнести урок.
Для боевой оснастки
с полным к нему расчётом
придан единорог...

С пикой наперевес
тоже есть интерес,
да чем дорога глуше –
с артиллеристом лучше.
Но памятьливы цари –
спуску ни на толику:
запрещены Яику
собственные пушки.
Сколько сошло бурьяна
с давнего мятежа,
а всё ещё свежа
память про Емельяна...

Рыбо–
да звероловы,
сами, как Пугачи,
стреляные готовы
к делу бородачи,
не ожидая выгод
от перемены мест:

ежели Бог не выдаст,
то и свинья не съест.
Да, отправляясь в поле
пёхом или верхом,
знать бы врага поболее,
нежели по верхам.

3.

Опытный Серов-есаул
со сборами не тянул,
но только за парашет –
навстречу киргиз Ахмет:
всадники на дороге,
просит Икан подмоги,
не считал, каковы в числе –
не оглядывался в седле...
Шлёт Серов коменданту гонца,
а комендант гневается:
попусту не выступай,
приказано – выступай!

Поехали поскорей –
повстречали двоих почтарей
из тех, что везли в Чимкент
секретный пакет
генералу Черняеву:
в том пакете отныне секрета нет –
восемь жизней стала цена его.
Снова шлёт Серов казака к благородиям,
а ему:
– На рысь!
Есаул, не трусь!
Ты при целой сотне с орудием...

А потом – в кресты полагай персты:
не дойдя четыре ли, три ль версты,
повстречали вражьи аванпосты
и огни по холмам окрестным.
Благо есаул не из торопыг:
приглядел дорóгой сухой арык –
ямка вроде бы, а когда привык,
всё целее под перекрёстным.

Отошли немного и залегли,
рьяных первыми выстрелами смели,
тени, кра́дущиеся в ночной дали,

до кровавых глаз карауля.
Обложили конные, отсекли,
но что неподатливы, усекли.
И отныне столько всего земли,
сколько перелетает пуля...

4.

Несходство между мной и азиатом
отыщут лишь патологоанатом
да землекоп неведомый, когда
под толщею культурного компоста
заденет край забытого погоста
и различит безмолвные года,
утекшие в бездонные глазницы,
и смутною догадкой соблазнится
про давние века и города,
и разуму, избегнувшему льда,
явится тьма неслыханных историй...
А, впрочем, ненасытный крематорий
от интеллектуального труда
потомков избавляет без вреда.

Be positive, гляди на вещи просто –
переживёшь полсотни или дó ста:
какой ни набирается навар –
всё выветрится, если не товар.
Теперь и на профессорском серьёзе
стремление в поэзии и прозе
на глубину событий и времён
считается за пошлый movie tone.
Мол, это эпигонство и отстой,
как после Льва фамилия Толстой –
созвучие, подобие, халтура.
А в стороне от хоженных дорог
есть я и Бог – вернее, аз есмь бог.
Все остальные – сплошь литература...

И нынешними подлыми порами
есть подлинные меж профессорами:
когда тобою не пренебрегут –
хоть имя ненадолго сберегут.
А не найдутся – время утерало
лишь крапинку того материала,
что без оглядки на расходный вес
вливает в исторический замес.
Когда тысячелетними путями

империи пихаются локтями,
повёрнутый спиной или скулой,
малой – не стой без каски под стрелой:
и крепок человеческий черепок,
а для эпохи – только черепок.

5.

Вековечна кочевая забава:
пил Куря из головы Святослава,
головами покорённых племён
пирамиды городил Тамерлан...

Коль профессорские помнить каноны,
все последующие – эпигоны,
подражатели – и несть им числа,
продолжатели – но как ремесла
home-video для телеэкранов:
это запросто – как резать баранов,
в том числе смотрящих из-за стекла,
как сочится клюква или свекла.

Вот бы казни поделить на сезоны,
да поярче овцам комбинезоны,
да помедленнее, точно игра –
ставлю голову: пройдёт на «ура»...

Здесь картинка больше чем половина.
А на памяти иная картина –
Верещагина, да не из кино:
в Третьяковке погляди полотно,
истуканом не сиди за стаканом...

Но встаёт уже рассвет над Иканом
снова стряпать посреди целины
колобки в худую торбу войны.

Осада

1.

Хорошая нынче в киргизской степи зима,
да худо одетому можно сойти с ума.
Пойдя к Алимкулу в заступники правой веры,
небось, поморозили крепко его нукеры
в халатах дырявых жилистые тела...

Войною они поправят свои дела:
за снятое с убиенных неплохо платят,
а в самой цене – казацкая голова.
Вернётся домой к жене в наградном халате –
мол, головы эти, как с жёлтых чинар листва...

Ты хоть за одним листком подойди сперва,
привычный набегам русского взять полону –
увидим: кому жена, а кому вдова.
И даже когда воротиться тебе судьба,
пройдя оборону и не понеся урону –
на этой поляне тебе не найти раба.

И мы согреваемся, пальцами шевеля,
ещё не телами случайный устлав привалок –
из нас понемногу через сукно и войлок
живое тепло высасывает земля.
Кто нынче не скатится в очередной курган,
изрядно на кулаки наматает сопель...
Богато на нас народу наслал Коканд –
никак не менее нескольких тысяч сабель...

И вправду не Крым. И пустыня – не Севастополь,
да сизый орёл – не береговой баклан.
Там если атака, тогда выходи в штыки,
Европу за позднюю благодаря науку.
А тут не ружьё – винтовка: с живой руки
бьёт на полверсты – куда твоему мультуку.
Смотри, сторожатся и лишь иногда плюют
свинцом наудачу: мол, поберегись – ударю!

Но те же французы с британцами пушки льют
на лад европейский кокандскому государю –
они-то ядром достанут издалека.
Гляди: притащили – выкатывают пока.
Теперь будет строго – пойдёт покати-дорога:
работа для медного зверя-единорога –
уж он отогреет бока в снеговой росе.
Работа простая: шары запускай по лугу,
жерла забивай-конопать, выбивай прислугу –
иначе с конями вместе поляжем все.

2.

Летели снежочки до стылой земли...
Лихо нам, дружочки, родины вдали.
Не истаяла тоска во золотом бору –

намела в очи песка по белому коври.
Всюду вроде бы земля – а не наравне.
Будем привыкать мы к азиатской стороне.

Казаки-казаченьки, не бойтесь ничего.
Есть у нас, казаченьки, крупа да мука.
Кашицы наварим, хлеба напечём,
сложимся по денежке – пошлём за винцом.
Выпьем мы по рюмочке, позавтракаем.
Выпьем по другой – поразговариваем.
Выпьем мы по третьей – отца-мать впомним.
Выпьем по четвёртой – с горя песню запоём.

Мы поём, поём про казачье житьё.
Казачье житьё, право, лучше всего.
Дом у казака – чёрна бурочка,
жена молодая – винтовочка.
Отпусти, полковник, на винтовку поглядеть,
чтоб моя винтовка чисто смазана была,
вдарят по тревоге – чтоб заряжена была.

Верный мой товарищ – конь горячий вороной.
Служба наша служба – чужда льня сторона.
Буйная головушка, казацкая судьба...
Дай нам Бог, ребятушки, пожить и послужить,
на родной сторонущке головушку сложить.

3.

Когда обиход суетлив и тесен,
то вправду, наверное, не до песен.
А если по кругу – степь,
чего бы и впрямь не спеть?
Но есть и другое дело
у тёплых пока людей:
безжалостно и умело
достреливать лошадей.

Ращёного с жеребёнка,
вскормлённого от земли,
как собственного ребёнка,
попробуй-ка пристрели.
Да нечеловечья мука,
сводящая холодом –
убийственная наука
о добром и о худом.

Товарища, тушей ставшего,
надёжного до конца,
клади, ещё не остывшего,
защитою от свинца.
Щекою к песку да к небушку,
какое над нами есть –
поближе к овсу да хлебушку,
какого теперь не есть...

Недолгою жизнью мечены
за хозяевá своя
сородичи наши меньшие,
подсобные братовья.
Но люди, что к ним приравнены
в пристрелянной полосе,
не все ещё переранены,
и живы покуда все.

4.

Напрочь окружены,
к месту пригвождены –
полная безнадёга...
Что ж не идёт подмога?

Снова персты у лба:
братцы, вдали пальба –
атаковать навстречу!
Но есаул угрюм:
нечего наобум
лезть головою в сечу.

Здесь, почитай, редут –
сразу не изведут.
Коли до нас дойдут,
помощью не обидим.
Слышно железный гром,
да за степным бугром –
хóром да из хорóм
выйдем, когда увидим.

Стихла пальба вдали –
малости не дошли.
Эх, не перемогли...
Шлёт Алимкул посланца:
– Русская голова,
если ещё жива,

слушай мои слова,
чтоб на плечах остаться.

Веру перемени –
на остальные дни
станешь у стремени,
братом к себе приближу.
Истинно говорю:
так отблагодарю –
каждого одарю,
всякого не обижу...

5.

После писарю скажут –
мол, тех обойди, не трогай.
После того отмажут,
кто не дошёл с подмогой.
А если без долгих фраз –
приказ.

Подпоручику имярек
взять сто семьдесят человек,
два орудия и – под горочку,
торопясь казакам на выручку.
Но если большая рать,
боя не принимать –
даже в конце пути
немедленно отойти:
малочисленный гарнизон
расходовать не резон...

Шли обратно с тяжёлым ропотом,
а другой подпоручик шёпотом
крыл по матери: вот прохвост –
оставалась-то пара вёрст.
Но исполнил – нельзя сохранить:
всё убытку, что лошадь ранена,
да и та уже ест овёс.

От Андрея и до Иакова
солнце вроде бы греет всякого,
да, однако, не одинаковые
обветриваются места.
Вроде всё по уставу строится,
да бумагой один прикроется,
а другому не успокоиться,
лишь бы совесть была чиста...

После всех назовут по имени.
Остаётся всё меньше времени.
Осязание, зрение ли примени –
неминуемо помирать.
На арбы правоверные не спеша
натаскали соломы да камыша,
наплели щитов – трепещи, душа:
завтра приступом станут брать.

Наступает, видно, конец концов –
значит, самое время послать гонцов:
сыновьям доложатся про отцов,
а полковнику – как легла
сотня не опрометчивых молодцов,
а бывалых выученных бойцов,
хоть какой кровавее из рубцов,
смертная разберёт ли мгла?

Хорошо, от ядер, летящих сквозь,
хоть немного коней, да убереглось...
Словно канули трое в глухой ночи.
Порох не подмочи.

Прорыв

1.

Почитают Всевышнего с верой безмерною
все кругом – православные и правоверные
кряду неимоверные тысячи лет.
Жить безбедно и сыто, как люди заглавные,
все хотят – правоверные и православные,
но в любом измерении равенства нет.
Иисус одесную или Магомет –
не отыщется в небе особых примет,
а в неистовой тяжбе сплетаются заново
ветви корня адамова, плода адамова –
и антонов огонь выползает на свет.

Как земля световую волною омоется,
тварь любая по-своему Господу молится,
да не всякая в утреннюю синеву.
И приходит минута, когда это значимо,

и нутро обнажается, если залачено –
ничего не значено, всё наяву
через кожу, листву и траву-мураву.
Ибо либо лежать безголовым во рву,
либо согнуть во мраке и вони зиндана...
А граница – на шее по нитке гайтана:
снять – и мысленно перекреститься: «Живу!»

Чисто по-человечески можно понять –
внять и не обвинять, а при встрече обнять:
лучше на людях, мол, головы не поднять,
чем с кровавой земли вообще не поднять –
не приставить обратно, назад не пришить.
Лучше жить: как угодно, но главное – жить...

Может быть, и привыкнут не переживать
и остывшие головы вновь пришивать –
для начала безумцам, потом подлецам...

Навсегда девятнадцатилетний пацан,
обезглавленный возле Бамута,
отрекаться не стал почему-то.
Опоясанный краткой дорогой земной,
он весной родился и умер весной –
в день рождения и Вознесенья,
ожидая иного спасенья.
И на имя Евгений сегодня во мне
отзывается первым убитый в Чечне
экономно, без траты патронов
рядовой погранец Родионов.

Всё навряд ли возможно решить наперёд –
у любого своя нескладуха.
Каждый сам выбирает, когда подопрёт,
между целостью тела и духа.
Да секунда для выбора невелика,
если чувствуешь лезвие у кадыка:
что излечит, а что изувечит –
не сыграешь на чёт или нечет.

2.

Спозаранок зашевелился воинственный басурман –
немудрёными кознями вновь занялся своими...
Вышел в поле Серов, навстречу ему Осман –
тоже вроде бы русский, да переименовал имя.
Тоже был головастый да бойкий, слышать, казак:

в образцовом полку урядник – да с тягой к чужим порогам.
Бог весть, что там по жизни пошло наперекосяк,
если через солдатский строй двоекратно прогнан.
А когда до чужих порогов подать рукой,
Бог-то весть, конечно – только уже другой.

Наша Родина та ещё – с кровью не отстаёт.
Наша Родина тающа – до холодающей дрожи.
И когда быть русский русским перестает?
Что теряет напрочь с малым кусочком кожи?
Можно вслух Отечества не поминать всерьёз,
не трепать языками в буднем перемолоте,
но когда ты каждою клеткой к нему прирос,
даже в крайнем случае – дело не в крайней плоти.
Каждый день из небесной шеи течёт заря
по отточенному лезвию горизонта,
да не каждый, придя домой с мирового фронта,
нахлебавшись по горло, зарезать хотел царя...

Ах, вопросы русские – вас не перетолочь.
Ни один ответ вашей болести не излечит.
– Всё гораздо проще, папа, – сказала дочь, –
мне живётся лучше там, где живётся легче...
Все мы – люди, каждому Бог судья,
но иные вечно спрашивают:
– Который?
На суде последнем живая душа твоя
поклонится Кораном, Библией или Торой?..
И все дети как дети – покинут отца и мать,
получить желая пайку небесной манны.
А вот Родина-мать – это если и жизнь отдать,
безо всяких наград и почестей, безымянно...

Подобает высокой теме высокий слог:
сочинял бы драмы или писал либретто,
здесь такой трагический просится диалог –
прямо для театра оперы и балета.
Но законодатель живого стиха суров:
чуть раздухаришься, пихнёт под ребро – короче...

Ни о чём особенном не говорил Серов,
просто время тянул на исходе последней ночи.
И вполне различая нехитрый его обман,
но ещё не готовый ватагу бросать в атаку,
ни о чём особенном не говорил Осман,
понимая чётко: эти назад – ни шагу.

Посреди сошлись, перекинулись парой фраз –
рта ещё вражда кровавая не замкнула.
В неусыпный лагерь записку понёс сарбаз –
на вчерашнее, мол, ответ правителю Алимкулу.
Можно было хлебнуть из фляги и покурить,
да не позволяет своя и чужая вера.
Скажешь ветру слово – ответа не жди от ветра.
Два живых человека – а не о чем говорить.

И кокандцы, не тратя времени на словеса,
повели на приступ медлительные телеги...
Хоть прибыток жизни вроде бы невеликий,
да ещё у смерти выкроил два часа.

3.

Былые утраты в ладонях земных весов
что сравнивать? Все по великому счету квиты...
Четырежды приступали за пять часов –
четырежды были с уроном большим отбиты.
Хитёр азиат на выдумки, ан шалишь –
толпою отсюда не выбьешь и до июля...
Пронзая обмазанный глиной сухой камыш,
убойную силу растрчивает пуля,
да если умом и норовом не овца –
сумеешь зазря не расходовать и заряда...
Гляди, что творит наводчик – ай, молодца!
Какую уже гранату кладёт как надо...

Но, глядя поверх говорящих ещё голов,
просвета ища из отчаянного расклада,
от северной стороны ожидал Серов
сигнала надежды, спасительного раската.
– Не выручат. Сели в неспешности тыловой,
врага со стены высматривая до зевоты...
Их можно понять холодной головой –
там русского люду на две с половиной роты.
Да разве её удержишь на холоду,
дрожа лихорадкою от боевой горячки?
Один за другим казаки на подталом льду
смолкают навек, коченея в смертельной спячке...

Они подошли на выстрел. Того гляди,
на пятой атаке дорвутся до рукопашной...

Другой босиком пройдёт разогретой пашней
в рубахе домашней, распаханной на груди.

Другому по новой весне процветут сады,
другого развеселят заревые птицы,
и девичье сердце сильнее заставит биться
другой над размахом живой снеговой воды.
А мне прободает сердце кусок свинца –
он в тело вопьётся, горячая кровь польётся...

Но ничего иного не остаётся,
как жить до конца и прицеливаться до конца.

4.

Многим вошедшим в памятные столбцы
нечем носить мученические венцы,
но до поры, покуда не мертвецы,
незачем лишку в дырявую класть котомку...
Затемно до крепостных ворот добрались гонцы –
а толку?

Замочную скважиною, игóльным ушкóм
верхом на цыпочках или пешком – тишком
перетекли тенями кокандский стан.
Выслушай, Туркестан!

– Господин полковник, высылайте подмогу.
Что ж не дошли вчера?
Врага бесчисленно – слава Богу,
если продержатся до утра!..

А комендант в ответ:
– Братцы, никакой возможности нет.
Сам бы шашку достал из ножен,
да город обложен:
ежели припечёт –
каждый наперечёт...

Вздрюченный гарнизон
вглядывался в горизонт,
а многозвёздный зонт
чист был, как при Адаме.
Все пережгли дотла
дымные факела,
покуда заря взошла
над вымершими садами
и доложил разъезд –
нет никого окрест.

Только тогда – приказ
без посторонних фраз:
дойти и соединиться
на этот раз...

5.

Тем дорога жена,
что навсегда верна.
А верная до последнего
погибель кому нужна?..

В штабной писарской отчётности
и летописи побед
за Веру, Царя и Отечество
погибшим упрёка нет.
Но лучше перед державою
с Георгиевским крестом,
чем без головы со славою
на кладбище под кустом.
И даже среди нелишнего
божественным чудесам
надеешься на Всевышнего –
промахиваешься сам.

Покачивалась баталия
на лезвии палаша –
оканчивалась история,
развилок не положи.
Со снега кроваво-алого –
немного ещё пальбы –
останется только головы
поскладывать на арбы.
Да незачем, кто не мёртвые,
до времени на погост...
И выпрямились промёрзлые.
И двинулись в полный рост.

6.

На расправу люд неизменно лют,
да не до бесконечного...
Человек не лошадь и не верблюд –
и доказывать нечего.
Те уже застыли до снежной тли,
стали каменными почти,
а попробуй раненого пристрели,
что не в силах с тобой идти.

Отнести в овраг, отвести во мрак
Богородица не даёт...
Вот когда на помощь приходит враг:
он без жалости – он добьёт.

Он его исправно отправит в ночь
прямоком – не обиняком...
Но и ты сумеешь врагу помочь
острым лезвием и штыком.
Голова за голову, смерть за смерть –
на щите или со щитом.
Для начала сам не уйди во твердь,
а крестами звени потом.

Для начала просто попробуй жить
посреди мировой игры
и служить – и голову не сложить
на земле, чужой до поры.

7.

Двигались – не бежали:
раненые держали,
да перезаряжали,
били, да не челом –
головы простужали
лезущим напролом.

Лавой с лица земли
конною бы смели,
да, видимо, командиров
изрядно перевели.
А вот Осман не отстал:
стрелков на коней –
и вперёд на высоты.
Обошли и с колена – пли!..
Самые преданные супостаты
эти предатели...

Да и здесь у кормила
было ему немило –
после ушёл к эмиру,
командовал при дворе.
Родная не доказнила,
а новая подкузьмила –
прирезали в Бухаре...

В огнеубойном спорте
заговорённых нет...
За редкой колонной по три
тянулся кровавый след.
На-ка, перевяжись –
замертво не ложись...
Медленно в обагрённый
снег утекает жизнь.
Главное – не устать,
от своих не отстать.
Не перестать... Не спать...
Встать...

8.

Ты обезноженного меня,
теряя время, не обнимай –
подсумки лучше сними с ремня,
винтовку лучше переломай.

Что не по-божески – без обид:
иначе с завтрашнего утра
из той винтовки по нашим бить
начнут османовы снайпера...

Навоевавшие до дыр
не каменеют в жестокий час,
но понимают: война и мир
не прерываются после нас.

9.

Когда долетели до чёрного неба снежинки звёзд,
серовские одолели без малого восемь вёрст.
Израненные слабели, растянутый строй редел...

Пока тебя не убили и плотью не отвердел,
высаживай пули в поле по линии огневой.
А если кричишь от боли – значит, ещё живой,
а губы срослись от жажды – и вовсе почти здоров...

Простреленный дважды, команды не сдал Серов.
Атака – не драка, отход – не одышный бег,
покуда начальный имеется человек.

Начальному глазу видна глубина до дна:
толпятся сарбазы, и пушка наведена.
Но глиняные дувалы прорвёт всегда

базальтовые завалы дырявящая вода.
Не требуется удача, отчаяние ни к чему –
здесь воинская задача командующему.
И собранные внезапно на гибельную черту
ударили хлётским залпом – и вышли на высоту.

Хоть, как на духу признаться, высоточка так себе –
способнее упражняться с неё в боевой стрельбе,
но если на ком креста нет посыплются, как с куста –
на сколько ещё достанет оставшихся полуста?
Раздельно или артельно – и эдак, и так смертельно.
И долго ли всем дышать – тебе, командир, решать...

10.

Лирическую заметку
позволь мне, читатель редкий,
пошедший со мной в разведку
из крепости Туркестан:
уж если до этой точки
добрался в людской цепочке –
останься и на высоточке,
до крайнего не отстань.

Высокого помаленьку,
чуть лишку – и перебор.
Кончается третий день, как
томительный коридор.
Но и по верховной власти
не будет четвёртой части –
а не потому, что сверх
посильного оттрубили,
и не потому, что всех
по-быстрому перебили,
и не потому, что в снег
злодеев поуложили,
и не потому, что все
дошедшие дальше жили...

Дошла, наконец, подмога.
А тема – до эпилога.

Эпилог

1.

Самые памятливые говорят,
что с песнями в город входил отряд,
и даже раненые с телег,
теперь намеренные жить сто лет,
кричали не от телесных мук –
от радости в этот миг.
Один, забинтованной головой
качая, поверить не мог:
– Живой!..
Другой с неостуженным куражом
размахивал взятым в бою ножом...

Сойдут в кладбищенские квартиры
ещё одиннадцать, а пока
бережно в госпиталь на руках
вносили вырученных офицеры...

2.

Ой, сильна целина для селянских дел:
три коротких дня – урожай готов.
И набрал правоверный арбу голов,
православный наполнил телеги тел.

Каждый поле ратное за собой
прибирает в собственные сроки.
Повезли вереницею за арбой
алимкуловых раненых сорока.
А потом дожинать со степных борозд
вышли наши – охотою, не силком.
В ледяных обрубках в неполный рост
опознаешь сразу ли, кто был кем?

Эх, степная ширь – травяной пустырь
сплошняком без осьмушек и половин.
Хоть глаза продырь, далека Сибирь –
с камыша не наделаешь домовин.
Положили, накрыли одним холстом
и насыпали землю поверх холста,
и поставили памятник под крестом.
И забыли надолго потом о том,
хоть не сразу – спустя полста.

Что нам давний бой, прошлогодний снег?
С той поры минул и двадцатый век.
На одной сквозной мировой войне
человечья жизнь в никакой цене,
а добавить ещё гражданских –
так не стоило и рождаться.

Но природе нет никаких причин,
чтобы не сводить женщин и мужчин,
не соединять-миловать вдвойне
по одной сквозной мировой весне
без особого разрешения
для людского плодоношения.

Коли так – то, наверно, тому и быть.
Отчего не есть, отчего не пить?
Отчего мутить мировой подъём
вековым быльём, сорным бодыльём?
Велика планета, а жизнь одна:
родила – и спасибо, Родина...

Что же ты, голова моя, на ветру
в зимовой степи, золотом бору –
на плечах покуда и не с дырой,
да невдалеке от земли сырой,
где от багрения на багрение
оступается ударение?

*Екатеринбург,
2015–2016 гг.*

Олег Уляшев

Уляшев Олег Иванович – коми писатель, учёный-фольклорист, этнограф. Родился 21 июня 1964 г. в с. Вольдино Усть-Куломского района. В 1988 году закончил филологический факультет Сыктывкарского госуниверситета. Работает в Институте языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. Публикуется в журналах «Арт», «Войвыв кодзув». Издал три поэтических сборника. На сцене фольклорного театра в 1990–1998 гг. ставились его пьесы. Написал 270 научных работ.

Мизя-Паш

Пятнадцать лет назад младший брат мой Григорий вернулся с Кавказа, пусть не героем, но живым. Война догнала позже. Светлой памяти брата посвящаю.

Посвящаю также подвигу почти тридцати моих земляков, героев Икана.

4-6 декабря 1864 года казачья сотня Уральского полка под командованием есаула Василия Родионова стояла у кишлака Икан (в 16 верстах, от г.Туркестан) против десяти тысяч бусурман Кокандского хана Алимкула. На третий день, не дождавись подкрепления, казаки бросились в прорыв. До крепости дошло пятьдесят пять казаков. Алимкул, потеряв более трёх тысяч сабель, отступил.

«Ну, лысый вотяк, мякинный солдат, отгулял своё. Теперь научат тебя сухари грызть да на жёстком спать», – ухмыльнулся мирской староста, когда головореза Мизя-Паша всем миром записали в рекруты вместо тихого и пугливого, как поярок, Габ-Сил-Семёна.

Вздыхнул облегчённо мирской сход единым выдохом.

Прощаясь навеки с лучшим гармонистом вчерашним, откапали слёз дзольские девки чуть больше благовещенской капли. Да и что с них возмёмшь? Головы девичьи лёгкие, как хмельные шишечки, горе горькое их не сгибает, печаль печальная не тяготит.

Зато бабка Пелагея, тётка Мизя-Паша, остающаяся теперь круглой сиротой, пролила слёз с вешний ручей. И не свою горькую судьбу оплакивала старая дева. Хоть и потеряла на сходе и работника-кормильца, и свет домашнего угла, и жизни своей беспросветной единственный смысл. Осталась без мужской главы половинчатая избушка бабки Пелагеи.

Нет, не по себе плакала Пелагея. Слёзы лились по племяннику беспутному. По тому, чью пуповину отрезала двадцать один год назад. По тому, которого взяла из холодеющих материнских рук двадцать лет назад. По тому, которого растила-лелеяла до тринадцати лет. По тому, которого благословила на Богословский завод в четырнадцать лет. По тому, кого защищала истово от ругани и сплетен односельчан. По тому, чью иссечённую гибкими прутьями негибкую спину после мирских расправ омывала отваром чаги, натирала маслом топлёным.

Что и говорить, досаждал Мизя-Паш сельчанам немало. Как берестяной петух вспыхивает. В каждую драку первым лезет. В каждой драке последним остывает. Нет мужика в доме, чтобы наставить, отец давно в остудной горячке скончался.

Был, говорят, на Каме некогда Мизя-богатырь, младший брат Перы-багатыря. Один из его потомков, Мизя-Сава, прадед Мизя-Паша, дошёл до зырянской деревни Дзоль. Не от хорошей жизни дом оставил. Прижали его попы да солдаты за то, что крестился двумя перстами, за то, что молился под елью, за то, что дома псалмы тайно пел. Незлобивый, видно, был, не в пример правнуку своему непутёвому.

Бабка Пелагея скончалась через два года, когда дзольский парень Мизя-Паш уже нижним чином Павлом Мизиновым квартировал в Оренбурге.

Определили его в Уральский казачий полк, в сотню есаула Серова Василия Родионова. За христианскую веру стоять. Рассейскому государю служить. Отечество от супостатов оберегать. Кидало Павла Мизинова по Сибири и Китаю, по Крыму и Кавказу. Ростом невысокий, не по росту вёл себя Мизя-Паш. От турка не бегал. На француза грудь в грудь пёр. За хунзузами сам гонялся. Десять лет назад в Венгерской кампании себя хорошо показал. Сам! батюшка-атаман Василий Родионов крест-накрест трижды расцеловал, когда Павел Мизинов в одиночку порубал восьмерых турков и усмирил их мортиру. Да уж, конечно, хорошую вещь «морт-йира»^{*} не назовут. А сильно же тогда она казакам досаждала...

Лихой рубака, отменный стрелок, да ещё и грамоте с малолетства обученный, Павел из нижних чинов потихоньку дорос до сотника. Да вот недолго покрасовался в новом мундире. По-прежнему горяч Мизин отпрыск. Всё правды ищет, кровь в нём закипает, когда человека притесняют, когда человека обманывают. Товарищи за это на руках носят, а иному болвану расшеперенным ершом в горло его правда.

Ещё до взятия Туркестана разжаловали Павла с сотников. У казаков ведь иной раз вино да война чередуются, друг друга сменяют. Отдыхали тогда казаки, в карты резались, водку пьянствовали. Ну и в драку вязались, спяну-то. Мизинов, уже хмельной

^{*}Морт-йира – игра слов: «человека загрызаю».

прилично, разнимать полез. А разнимающему всегда вдвое больше достаётся. Вот и насовали новоиспечённому сотнику с двух сторон. В ярости рубанул шашкой одного. Давно уже на Шмакова зуб имел. Вороватый тот, своего брата-казака обчистить ему раз плюнуть, да и обманщик, каких мало. Вот в хмельную башку Павла старые обиды и ударили. Тем более, что из-за пройдохи Шмакова драка-то и началась...

От Сибирской каторги Василий Родионов-батюшка отбил Павла, но с сотников обратно до нижних чинов скинули. При взятии Туркестана Мизинов только конём-шестилеткой командовал, только своим Мадьяром верным управлял. Под крепостью Павла в грудь шарахнуло отлетевшим от разорвавшейся бомбы камнем. Ребро поломало. После этого третью неделю казак ходил, туго-натуго затянув грудь платком кашмирским. Кашлянуть не смел, но когда Серов собрался на вылазку, Павел вызвался с товарищами.

Пару дней назад донесли туземцы: бусурмане, дескать, шалят. Шляется, дескать, вокруг Туркестана шайка коканцев сабель с триста-четыреста. То кыргызов вырежут, то кышлак разорят, то стадо отгонят. Декабря четвёртого числа Серов-атаман подобрал сто восемь казаков, двух проводников-кыргызов да четырёх бомбардиров с лёгкой горной пушечкой-единорогом. Достаточно, чтобы приструнить пару сотен облаглевших разбойничков. Удача казаков в саблях острых, а не в обозах громоздких, в стрельбе спорой, а не арбах, где рухляди горы.

Павел скакал в полуверсте впереди сотни, в разъезде. Рядом рысили земляки, Коновалов Поломка да Логинов Олёшка. Коновалов – из Буткана, Логинов по соседству с Мизиновым родился, в Кужбе. Купно держались товарищи, да и на вылазки просились сообща. Полом, конечно, смешно разговаривает и слова растягивает на мезенский манер, но за семь лет привыкли уже Олёшка с Павлом к удорскому распеvu.

Двигались на сей раз тихой рысью, без разговоров. По левую и правую руки изредка мелькали между холмами такие же разъезды. Вёрст пятнадцать от города отъехали. Полузаброшенный кышлак Икан проскочили. Низенькие каменные заборы и глинобитные халупки его остались за спиной. Широко и далеко краснела опалённая солнцем и пронзительными ветрами каменная степь. Зимний день клонился к вечеру. Линию между небом и землёй тоненькой длинной полоской заволокло не то дымом, не то пылью. «Табун?» – «Вряд ли? Здесь таких табунов нет». – «Может разбойники-кочанцы?» – «Ну не столько же?! На всю степь...» Присмотрелись, остановив коней... Павел круто развернул Мадьяра: «Айда! Они!» Наперегонки товарищи рванули к сотне, только подтянувшейся к кышлаку. «Ваше Благородие! Конные. Тыщи три-четыре». «Сколько?!» – «Три-четыре тыщи. Может, больше. Между холмами пыль стелется тучей». Подоспевшие два разъезда сообщили то же: «Несколько тысяч всадников скачет с северо-востока на Туркестан». – «Спешиться! Сбатовать коней!! Линию занять!!!» Казаки спешивались, батовали коней, укладывали верблюдов, собрав их в небольшой лощине, разбегались в поисках удобных укрытий. Вокруг лощинки сама земля-матушка приготовила неплохие шансы. Каменными брустверами отделила низинку от степи окрест Икана. Местами торчат и остатки каменных заборчиков.

Мадьяра Мизинов оставил в неглубокой ямке. Огляделся. «Ты, главное, не бойся. Не мечись». Седло укрепил в наиболее открытом месте, будто деревяшка, обтянутая кожей, могла целиком закрыть коня от шальной пули и дурной бомбы. Перекинул через плечо ранец с патронами. На сгиб локтя положил новую винтовку, которую выда-

ли недавно вместо ружья старого образца. К винтовке привык уже Павел. Даже успел полюбить. Заряжается быстро. Ствол винтовой, пуля летит как кубарик. Винтовка и легче, и стреляет точнее, и берёт дальше, чем старые ружья. Эх, добрая штука! В тайгу бы такую, лосей валить, медведей ронять...

Высмотрел Павел среди распластавшихся казаков Поломку с Олёшкой, подбежал к ним. Справа от Олёшки за каменной стенкой устроил себе «засидку». Отодвинул из-под носа два камня покрупней влево. Из-под ног туда же положил парочку камушков и непонятно откуда взявшееся сухое корневище. Кончиком шашки сковырнул бугорки земли, твёрдой как чёртово напечье. Поднял несколько горстей на бруствер. Притоптал площадочку под ногами. Прибил ладонями площадочку для винтовки. «Ну, что ж, подходи, бусурман. Мизя-Паш готов».

Посылали кыргыза-Ахметку в разведку. Он человек местный, степь знает, в пластунах четвёртый год. Недолго ползал. Вынырнул из вечернего сумрака: «Коканцев – как в степи травы, как вокруг озера камыша». Но и без него видели казаки огни костров, звёздами усеявшие степь по обе стороны кышлака. Штук пятьсот всадников метнулось от костров к казакам: «Алла! Алла!» Подпустили их казаки саженой на тридцать. Дали залп. Второй. Третий. Гукнул картечью единорог. Коканцы смешались. Остатки растаяли в сумраке.

Через некоторое время заухали три бусурманские пушки. Затрещали вразброс ружья. Не было в них казачьего согласия. Как будто каждый коканец спешил быстрее избавиться от припасов. Пули летели поверх казачьих голов. Картечь попадала точнее, в самую гущу верблюдов и лошадей. Визжали и метались раненые, обезумевшие кони. Сжимались от боли казачьи сердца: «Мой! Ох ты, моего!» Стрельба стихла, и снова с громким «алла!» бросились бусурманы. Несколько раз яростными штормовыми волнами накатывали они, и усмирёнными откатывались обратно.

Господь напустил спасительную темноту. Казаки оттаскивали павших лошадей и верблюдов, их трупами укрепляли брустверы. На бусурманскую стрельбу не отвечали. Они, конечно, выходя из Туркестана, брали с собой двойной припас, по 120 зарядов на брата. Но кто знает, сколько стоять придётся? Сколько помощи из крепости ждать? А подмога придёт. За 16 вёрст стрельбу услышат, наверное. К молодым казакам подходил Мизинов, подбадривал, подшучивал. Знал, как подбодрить. Водки в походный лафитничек наливал. Заставлял таскать лошадиные трупы на позицию. В общем деле бояться некогда. Общее дело от одинокой трусости сильно отвлекает.

Не уберегла лощинка и Мадьяра. Лежит бедолага, индевелыми глазами вверх смотрит. В основании уха чёрный ручеёк засох. Мухи жужжат над ним чёрной тучкой. Откуда они в такой холод берутся? Отогнал их от товарища больше для порядка, потому что отогнанные тут же сажались на новые места. Может, и у лошадей есть свой рай? Подсушил отсыревшие скулы казак Мизинов подушками ладоней. «Прощай, товарищ, из огня и воды таскавший. Понимали друг друга... Не уберёг... Прощай, брат-Мадьяр». Высморгался казак Мизинов, глаза осушил. Окликнул двух казачат, чтоб помогли коня перетаскать. Может, и после смерти прикроет телом товарища своего от дурной пули, от бусурманского проклятия.

Утро принялось жидковатыми солнечными лучами и криком «алла!». Дважды бросались бусурмане. Потом затихли. К полудню тысячи-полторы бусурман галопом рванули куда-то к Туркестану. В той стороне затрещали и задробили барабанной дробью

стуцера и кремнёвки. Стрельба приближалась. Становилась громче. Казаки ожили. Прислушивались напряжённо. «Подмога! Подмога идёт!» Но часа через три грозовой треск отодвинулся на закат и стих.

Вмиг вокруг сотни Серова стянулось бусурманское кольцо, только не стали коканцы бросаться под казачьи пули. Пушки заухали с трёх сторон. Первые же бонбы разбили станину единорога. Казаки помянули бусурманских родителей недобрым словом и стали перетаскивать «артиллерию» на спинах своих жилистых вдоль позиции. Ставили пушечку на ящики, стреляли в кучно толпящихся бусурман и передвигались на другую позицию. К закату пушчонка всё реже подавала голос. Притомились казаки, да и заряды поберечь надобно. Притихли и бусурмане. А вскоре от них подскочил конный с белым платком. Крикнул что-то и стал махать пакетом. Сам Серов с батистовым платком в руках вышел навстречу.

Через минуто-другую атаман уже громко читал ультиматум Алимкула братьям-казачатам:

«Урус-беку от хана-Алимкула.

Аллах Велик! Аллах Един!

Войско, которое вы напрасно ждали, мы отогнали обратно к Азрету*, деваться вам некуда.

Неверные гяуры, если сдадитесь сами и пойдёте в милостивые руки Аллаха, если примете веру Магомета, я, Великий хан Коканда и Самарканда, мулла Алимкул, который привёл к городу Азрету одиннадцать тысяч жигитов, оставляю вас в живых. Кто повернёт ружейный ствол и сабельное остриё против Белого Царя, против неверных, того награжу золотом-серебром, скакунами арабскими и верблюдами, одену в шелковые одежды, дам жён столько, сколько будет надобно.

Сдавайтесь добром. Если не сдадитесь до утра, тысяча ваших голов повиснет на наших пиках, тысяча ваших трупов останется у кышлака Икан шакалам и стервятникам на добрый пир. Через два дня Азрет будет мой. Вам уходить некуда.

Аллах Велик! Аллах Един!»

Примолкли тихие казачки. Вскипели горячие. Усмехнулись усатые-бородатые. «Эх ты, в Магометанскую веру зовёт! Слышь, Горинов? Даст тебе Налим-куль арапскую лошаде́нку, верблюдов да десяток баб. Што с десятком-то баб делать будешь?» – «Десяток баб, оно бы и неплохо, так ить омманет. Сбагрит под паранжой-то тошших, плоскомордых да кривых». – «А я тех баб, што понеказистее, тебе, Акимка, отдам. Ты человек поживший, людская молва тебе уже ништо». – «Рано меня старишь, я ить красоту в бабах не мене твоео понимаю». – «Ну пуцай, допустим, баба... А што мне с верблюдами-то дома делать?» – «От, чудин! Дрова возить, лесины таскать!» – «Застудится ить при наших-то стужах». – «А кто сказал, што ты в свою губерню воротишься? Тебя Алимкул точно оставит в везирах, потому башка у тебя крупная, вдвое супротив моей будет». Кто-то, видно, долго в голове прокручивал, письмо обдумывал, рядом голос подал: «А Алимкул-то ить каждого нашего за десяток посчитал». Второй трубочкой пыхнул: «Мы и за десяток постоим, ежели надо».

Серов тянул время. Ждал подмоги. Пообещал Алимкулу ответить утром. Ночью отправлял в город казачков. Вызвался Павел, но не отпустил атаман: ты, дескать, рёбра вначале привари. Поломка Коновалов да Ондрейка Борисов вышли с кыргызом Ах-

* Азрет – местное название г. Туркестан.

меткой. Но по начавшейся в той стороне пальбе, довольно быстро оборвавшейся, поняли казаки: не прорвались товарищи.

Вернулись. Живы, и ладно. Нарвались на пикет. Поломке попало в плечо да в ногу. Борисов с Ахметкой вместо него прихватили Акимку Чернова, снова пропали в темноте, только в другую сторону направились, окружно. По ночной тишине поняли казаки – пробрались товарищи, помощь будет.

Ночной холод сменился утренним туманом, ночная тьма – утренним сумраком. На рассвете бусурмане ожили. Одиночные жигиты подскакивали на расстояние броска камня. Мало их возвращалось. Больше оставалось застрявших ногами в стремени, бьющихся о крупы коней своих обмякшими, огрузневшими телами. Опять притихли. Через пару часов со стороны коканцев появились арбы, гружёные сушиной, и накаты из сухих деревьев и травы. Перекатывая их перед собой, скрываясь за ними, бусурмане накатом подошли совсем близко. Мало кого удавалось подстрелить. «В штыки! Товсь!» Штыки прикрепили к черенкам стволов как медвежьи пальмы. Шашки проверили, легко ли вытаскиваются из ножен. Ножи порасслабили в голенищах.

Громкое «Ура!» и визгливое «Алла!» четырёхкратно сшибались над камнями. Четырежды откатывались салмоеды. После четвёртой сшибки на камнях иканских остались серые казачьи тела, пёстрые бусурманские тела. Пылающие арбы и тлеющие накаты остались посреди степи. Отхлынули бусурманы.

Тело земляка из деревни Вылибской Олама Гордеева вынес на плечах Павел. Схоронили товарища в неглубокой ямке. Укрыли серой шинелью. Завалили крупными камнями. До пояса курган подняли. Чтобы стервятники не склевали, чтобы шакальё не растаскало. Чтобы голову сахарную на стальную пику бусурман не нацепил. Сказали над товарищем слова прощальные. Отчитали в молитве кратко. Греха на войне нет. Грехи святой казачьей кровью окроплены. Определили раба божьего, воина Олама, к святому Егорию в сотню. Пусть раб божий, воин Олам, теперь под его началом с небесных степей товарищам пособляет.

Ночью из единого рота отстреляли остатние восемь зарядов в сторону бусурманских костров. Ствол заклепали-забили. Оставить придётся. У павших товарищей стволы ружей погнули, приклады разбили. Нельзя их бусурманам оставлять. Серов приказал с утра пробиваться к Туркестану. Всё равно, где погибать. А так, может, кто и жив останется. Да и из города, наверняка, навстречу выйдут. Грохот, стуки прекратились. Разбросали, раскидали поломанные винтовки казаки. Обиды друг другу простили, крестными поцелуями обменялись. «Прости, ежели дурное делал ай говорил». – «Господь простит, и ты меня прощай». – «Не суди меня». – «Не за што осуждать, и ты меня не суди». Сняли шинели с себя. Тридцать семь товарищей своих укрыли шинелями русского сукна, завалили твёрдыми камнями иканскими. Ёжась от ночного холода, гукнули по глотку водки. Фляжки повесили на пояса. Это теперь и питьё, и еда, и от раны зелье. Надели чистые исподние рубахи. Перед Богом в белом представлять положено. Выбросили ненужные ранцы. Идти придётся налегке. Идти придётся со свободными руками. Идти придётся споро. Только самое необходимое: винтовка, поясная сума малая с припасом для боя, шашка да фляжка. Шинели синего аглицкого сукна не сняли только есаул Серов да сотник Абрамичев, чтобы казаки на них равнялись. Хоть и бусурманам на зависть добычей желанной будут братья-командиры.

В стылую темень шагнуло семьдесят четыре человека. Плотной грозовой тучей двинулись. Стеной белокаменной о четырёх углах. В центре – раненые, побитые, ослабшие. «Ура!» грянуло над Иканом, перекрыв казачий залп. У ближних бусурманских костров заметались и начали валиться чёрные тени. Не успел встрепнуться враг, остатки его уже пали под острыми штыками да отточенными шашками, как трава по ночной росе. До второй линии коканцев махнули казачки на едином крыле. На едином крыле перемахнули линию. Засерело небо. Увидели бусурмане, что всего пригоршня казаков, а не тысяча была против них. Заругались-залопотали по-своему, грязно, сквернословно, шайтана поминая, дэвов призывая. Сорочьём-вороньём закружились вокруг. Гнусом-мошкаркой налетели на казачков. Иные храбрецы коканские подсакивали на расстояние удара шашкой, дразнились издевательски, с конца пик забрасывали в казачью кучу отрубленные головы отставших. Дружные залпы остужали горячую кровь жигитов. Но те голодными волками с налёту выхватывали куски солдатского мяса. Пришлось рассеяться сотне, уж больно плотно стали ложиться бусурманские пули.

Три товарища шли рядом как гундыр* трёхголовый. Олёшка с Пашкой с двух сторон подпирали ковыляющего Поломку. Три пары глаз зорко глядели округ. Три пары рук поднимались слаженно. Успевали и зарядить, и выстрелить. Успевали штыком ткнуть зарвавшегося бусурмана и прикладом подсесть ошалевшего коня.

Идущему чуть впереди Абрамичеву в висок ударила пуля. Но привычно продолжал шагать разгорячённый сотник. Вторая пуля ударила в грудь. Пошатнулся и упал сотник Павел Абрамичев: «Отрубите, братцы, голову. Не оставляйте на муки». Поравнялся с ним казак Мизинов, до земли поклонился сотнику и шашкой снёс голову. «Прости, братец, не дам бусурману над тобой галиться». В несколько шагов догнал товарищей. А за спиной над Абрамичевым тучей закружились коканские стервятники, срывая синюю шинель, вырывая друг у друга белую папаху, на пику насаживая голову чёрную чубатую.

Замешкался Пашка, не подоспел. Пикой проткнули брюхо Коновалову. Руками кишки придерживает Поломка. «Кончайте, братцы, чтобы бусурман с живого кожу не драл». Пашка с Олёшкой обняли Поломку, поцеловали в щетинистую щеку. «Прости, братец, не сдерёт бусурман кожу. Не суди, братец». Олёшка шаркнул шашкой по Поломкиной жилистой шее. Хлынула горячая зырянская кровь на мёрзлую бусурманскую землю. Утёрли слёзы казаки. Чтобы не туманился от слёз взор острый, чтобы не застили слёзы врага, чтобы не заслонили его от суровой местности.

Задержался Пашка, оброненный шомпол поднимая. Вынырнул всадник в сорванной с Абрамичева синей шинели. Не успел Пашка уклониться от брошенной пики. Вошла пика со спины над лопаткой, вышла под ключицей. Матерно ругнулся Мизинов Пашка, воткнул шомпол в бусурманскую глотку, бросился к товарищам. Отрубил Олёшка жало пики, вырвал из Пашкина плеча кровавое древко. Искры сыпанулись из Пашкиных глаз. «Держись, братец». – «Держусь, брат». Загудели в ушах Пасхальные колокола. В тумане поплыли товарищи в белых рубахах. В белом дыму, в серой пыли. Руками машут, будто плывут или летят. Кругом – чёрные тени. Падают, пропадают. Появляются, исчезают. «Не ангелы ли эти в белом? Не бесы ли эти в чёрном? Так, видно, с бесами архистратигово воинство бьётся...»

* Гундыр (коми) – многоголовый сказочный богатырь, чудище.

Догнала проклятая пуля и Олёшку Логинова. Сполз к Павлу на высохшую землю, чужую землю. Хрипит Олёшка. «Держись, братец». – «И ты, братец, держись». Ищут руки оброненную винтовку. Царапают непослушные пальцы каменистую почву. «Не падай, братец». – «Нет, брат, держусь».

Громкое «Уррра-а-а!» тяжёлой волной прокатилось над привалившимися друг к другу товарищами. Хлынули слёзы из глаз. Но не было сил перекреститься с благодарностью.

«Ррра-а-а!» Заиграло на остриях русских штыков закатное солнце.

«Ррра-а-а!» Засверкали спасительные штыки тысячей звёзд.

«Ррра-а-а!» Бликовали серебряные звёзды на чёрном северном небе.

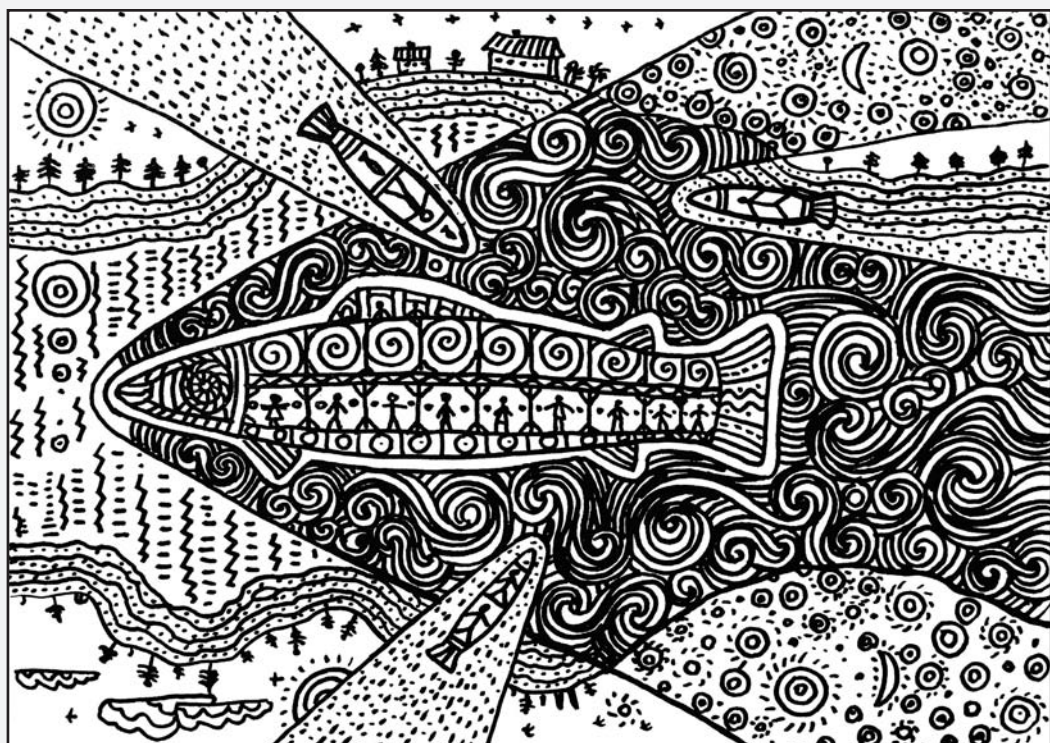
Увидел Мизя-Паш Млечный путь над занесённой снегом баней. Услышал Мизя-Паш шёпот тётки Пелагеи: «Держись, сыночек мой серебряный. Крепись. Не оборвётся ещё Мизин корень. Не настало ещё время». По иссечённой коже стекает тёплый отвар чаги.

Отцовский забытый голос рокошет: «Держись, сын. Не гнись. Коми человек живуч. Не согнуть коми мужика». Стекает на каменистую землю живой вар. Рдеют банные камни.

Сентябрь 2009 г.,
с. Вольдино.

ШТУДИИ

Николай Сивков

Сивков Николай Иванович родился в селе Пезмог Корткеросского района Коми АССР. Закончил среднюю школу в с. Вильгорт Сыктывдинского района. Учился в СГУ на финно-угорском отделении, но закончил Софийский университет, факультет «Славянские филологии». Позднее – докторантуру в Институте Этнографии и фольклора при Болгарской АН. Живёт в Болгарии, в городе болгарских шахтёров Пернике, работает в Региональном историческом музее. Занимается проблемами этнологии, архео- и этноастрономии и календаристики как болгар – дунайских и волжских, так и пермских народов. Одной из интересующих тем является «История возникновения, распространения и семантика т.н. «деревянных зырянских календарей», которые были открыты 150 лет назад известным русским историком и археологом П.Савваитовым, но до настоящего времени в достаточной степени не изучены.

Булгарский след в создании зырянского календаря-святцы

Две Болгарии – Дунайская и Волжская – в разные исторические эпохи имели экономические и культурные отношения с Коми краем. С современной Болгарией это несколько десятилетий лесозаготовок в удорской тайге во второй половине прошлого века. С Волжской Болгарией средневековую Пермь связывали тесные узы в продолжение почти трёх столетий соседства – со времени возникновения булгарского государства на Волге и Каме в VIII–IX вв. до его падения в XII веке.¹ Контакты между ними, не всегда мирные, имели как экономический, так и духовный характер.² Одним из проявлений культурных связей Перми Вычегодской с Волжской Болгарией является возникновение первой коми письменности в XIV веке.³

Стефан Пермский (1340–1396), московский христианский миссионер, живший уже после завоевания булгарского государства монголами, в целях своей проповеднической деятельности в Перми Вычегодской создал в 70-е годы XIV века оригинальную

пермскую азбуку («анбур») и перевёл с церковнославянского и греческого языков на язык коми-зырян церковные богослужебные книги.

Предполагается, что при создании алфавита Стефан использовал в качестве основы близкий и знакомый для его будущей паствы графичный материал – пермские «пасы» – знаки рунического типа, используемые в качестве родовых тамг местным населением Вычегодского края. Несомненно, на его творчество оказали влияние и другие письменные традиции, но какие именно – вопрос остаётся открытым. Ответ на него следует искать как в каноничности составления известных христианских азбук, изначально имеющих сакральный характер, так и в уровне образованности автора, а также в территориальной близости культур с развитой письменной традицией. Первое и второе условия подробно описаны в сочинении Епифания Премудрого «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа»⁴, написанном в конце XIV–начале XV века. Родиной Стефана является Великий Устюг. Юношей он отправился в Ростов, в монастырь Св. Григория Богослова, где постригся в монахи, изучил греческий и совершенствовал знание зырянского языка, которым, вероятнее всего, владел ещё с детства.⁵

Причиной возникшего у молодого инок желания «еже ити в Пермскую землю и учить яа...», по мнению Епифания, было то, что «слышал бяше преподобный сей о Пермской земли, яко идолослужители в ней суть, яко действо дьявольское царюет в ней. Бяху бо в Перми человеци всегда жруще глухим кумиром и бесом моляхуся, волшебием одержими суще, верующе в бесование и в чарование, и в кудесы». Конец XV века связан был с ожиданием «конца света» в 7000 году от сотворения мира (1492 г.). Возможно, ещё и поэтому Стефан решился на апостольское дело, чтобы спасти зырян, пребывающих во мраке язычества, «в последние дни, во скончание лет, во остаточная времена». Вместе с тем он следовал примеру и традиции своих духовных учителей – солунских братьев, первоучителей славянского народа, Св.Св. Кирилла и Мефодия. Для этого он подобно им «и грамоту нову пермскую сложи, и азбуки незнаеми счини... и книги русския на пермский язык преведе, и преложи, и переписа». Не случайно, объясняя правомерность и смелость поступка Стефана, Епифаний ссылается на сочинение болгарского автора Черноризца Храбра «Сказание о письменах» (конец IX–нач. X в.) и называет его «воистину новым философом»: «Тот был Константин, прозываемый Кириллом, философ, который дал славянскую азбуку в 38 букв, а этот сложил числом в 24 буквы, по числу букв в греческой азбуке, одни буквы греческого письма, а другие из пермского языка».⁶ В этом панегирике одновременно даётся и оценка делу пермского первоапостола, и описание вкратце метода его сочинения «азбуки незнаеми» – путём сочетания греческих букв и пермской рунической графики. Однако именно по поводу вопроса о происхождении графического своеобразия зырянского письма и по сей день ведутся споры. Выдвигаются разные версии. Сторонники одной из них придерживаются мнения Епифания об использовании Стефаном греческого и старославянского алфавитов, добавляя к этому ещё и влияние латиницы (В.И. Лыткин, А. Мусорин).⁷ Другие (G.Stipa) предполагают влияние иранского, арамейского и грузинского письма.⁸ Третьи (А.И. Туркин) исследователи «обнаруживают сходство между древнепермским и существовавшим на севере неизвестным письмом, связанным с финикийским».⁹

Наиболее убедительным однако, на наш взгляд, выглядит мнение В.В. Понарядова о близости стефановской азбуки с древнетюркской руникой.¹⁰ Сходство это не ограничивается количественной оценкой: по мнению автора этой тезы, 16 из 24 пермских букв имеют сходство с тюркскими руническими буквами. Не менее важно то, что

«пермская азбука» таким образом оказывается частью волжско-камской культурной (включительно письменной) традиции. Руническое письмо (или тамги-пасы), которое несомненно испытало влияние со стороны волжско-булгарской письменности, восходящей к древнетюркской рунике, в XI–XIV вв. было распространено на весьма обширной территории, населённой не только пермскими, но и волжскими финнами (марийцами, мордвой), а также чувашами (независимо от того, как именно они назывались тогда) и другими тюркоязычными племенами.¹¹

Мнение В.В. Понарядова о «существовании в средневековой Перми достефановской письменности» поддерживается и исследователями коми фольклора, в частности, П.Ф. Лимеровым, считающим, что именно это обстоятельство объясняет распространения христианского просвещения на просторах Перми Вычегодской «в сжатые сроки – с 1379 по 1382 гг.»¹² То же самое, впрочем, относится и к культурным связям Волжской Булгарии (до её падения) со всем обширным регионом от Волги до Белого и Карского морей и Зауралья. Эти контакты находят отражение в языке, в материальной и духовной культуре населяющих эти земли народов.¹³

Будучи родом из Великого Устюга, Стефан, путешествуя в детстве с дедом, купцом, по Вычегодскому краю, несомненно, был знаком не только с укладом жизни коми-зырян по тем местам, но и осведомлён об использовании ими рунических знаков («пасов») в хозяйстве и в быту, а также и в общественной жизни.¹⁴ Поэтому влияние этой своего рода протописьменности на его творчество и идею использовать её в качестве инструмента коммуникации с инородцами сыграло немаловажную роль.

Стефан Пермский занимался не только переводом церковных литургических и канонических текстов, не только боролся в меру своих сил с местным язычеством, но, как известно из сочинения Епифания Премудрого, много усилий положил и на создание храмов, школ при них, готовивших местные кадры духовенства. Процесс христианизации, охвативший обширную территорию, далеко за пределами Вымского края – до верховий Вычегды и Камы на востоке и среднего течения Сысолы на юге, по легендам, был связан с личностью первого епископа пермского, но в действительности занял гораздо более продолжительный период времени и был завершён уже после него его духовными преемниками. Вместе с расширением сферы влияния московской православной церкви на северо-восток расширялась и область распространения памятников пермской письменности.

С миссионерской деятельностью пермского первоапостола связана, вероятно, также и группа артефактов, известных как «деревянные зырянские календари-святцы», ареал распространения которых (по рекам Вычегда, Печора, Сысола) совпадает с территорией расселения народа коми. Своим названием они обязаны П.И. Савваитову, известному русскому археологу и историку XIX века, который первым опубликовал один экземпляр такого календаря в сборнике материалов Первого археологического съезда (Москва, 1869 г.).¹⁵

«Зырянский календарь-святцы» П.И. Савваитова (месяц «март-апрель»).

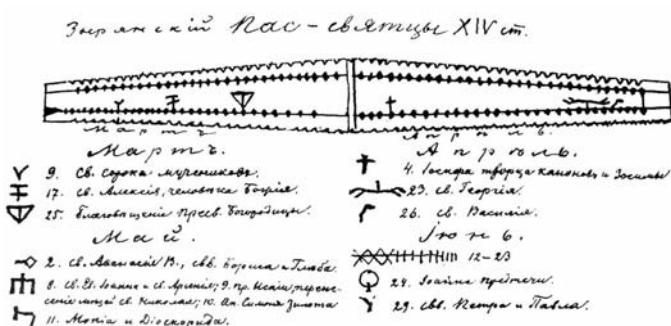
П.И. Савваитов в своей статье упоминает о возможной связи создания этого типа календарей с первым епископом Пермским. Доказательством этому он считает тот факт, что «составление такого календаря для зырян предание приписывает Св. Стефану», а также то, что «начало года месяцем мартом служит подтверждением этого предания».¹⁶ Представленный им на съезде предмет впоследствии был утерян. Местонахождение его неизвестно. Но, судя по всему, даже если он и сохранился в запасниках какого-то музея, вряд ли добавит что-то к «преданию» о своём происхождении, на которое ссылается именитый учёный. В статье им даётся список неподвижных церковных праздников и прорисовки рунических знаков, которыми они отмечены, но при этом представлен политипаж лишь одной из его граней – мартовско-апрельской. При всей скудности данных об истории данного памятника, в его описании имеется деталь, которая позволяет сделать некоторые предположения по вопросу.

Среди рунических знаков (коми «пас») на календаре П.И. Савваитова выделяется группа из 13 насечек на грани месяца «июнь» (12-23.06), представляющих собой череду косых крестов и прямых вертикальных линий.¹⁷

Автор статьи описательно связывает их с летним солнцестоянием в день преподобного Петра Афонского (12 июня ст. ст.), не указывая конкретно ни святого, ни дня праздника: «поворот солнца на зиму, умаление дней».¹⁸ На «зырянских календарях» из коллекции Национального музея Республики Коми этот день посвящён, по мнению В.Б. Липина, преподобному Онуфрию Великому.¹⁹ Такое разночтение исследователей, а также тот факт, что по своему виду и по скученности эти насечки диссонируют с остальными руническими знаками на календаре, дают основание предположить, что, возможно, они вовсе не связаны с обозначением конкретного праздника, но содержат в себе информацию относительно самого календаря.

Так, например, они могут обозначать дату создания данного артефакта. На деревянных «зырянских календарях» датировка встречается довольно редко (в отличие от деревянных календарей-бирок западно-европейского типа – скандинавских и прибалтийских).²⁰ Это создаёт определённые трудности по их хронологизации, которая обычно сводится к общей исторической справке или, в лучшем случае, к имеющимся сведениям о вероятном создателе того или иного «раритета». В случае с савваитовским календарём в качестве сравнения можно привести данные, относящиеся к разным культурам и эпохам, но семантически и типологически близкие между собой.

Знаки-насечки на календаре П. Савваитова напоминают обозначение числовых значений в культуре многих народов. Классический пример тому античная римская традиция. Похожие знаки в более позднее время находим и среди памятников При-

Знаки на «зырянском календаре» П.И. Савваитова (месяц «июнь»): XXXXNNNNIIII

Шумящие птицевидные подвески
(Приладожье, XII–XIII вв.) (по
С.А.Кабатову)

Шумящие птицевидные
подвески (Республика Коми,
Корткеросский р-н)

Сруб амбара. Фрагмент
(Республика Коми, Корткеросский р-н).

ладожья, Волжской Булгарии и Вычегодского края XII–XIII вв. – на северно-русских металлических подвесках, изображающих водоплавающих птиц.²¹

Известно, что в различных районах России в XIX веке использовались деревянные бирки для счёта копён на полях, деревьев в лесу и прочее – крестиками и прямыми и косыми чёрточками²². Подобные бирки («картсем») были в обиходе и у чувашей, являющихся наследниками культуры волжских булгар. На них ножом вырезались знаки: крестик означал десять, прямая чёрточка – единицу, косая чёрточка – пять.²³

В наши дни подобное изображение числовых знаков используется коми и чувашским населением в сельской местности при строительстве срубов деревянных построек, а также встречаются на деревянной утвари.

Интересующая нас группа из 13 знаков состоит условно из трёх подгрупп: 1. Х-образные знаки, перечеркнутые горизонтальной чертой; 2. вертикальные I-образные знаки, перечеркнутые горизонтальной чертой; 3. вертикальные I-образные знаки.²⁵ Первый вид насчитывает три знака, второй – семь знаков, третий – три знака. Если предположить, что первая подгруппа знаков означает сотни, вторая – десятки, третья – единицы, то в целом получается цифра 373. Учитывая, что в средневековье в летописных и иных календарных записях отмечались только три последние цифры года, без обозначения тысячелетия, добавив единицу для обозначения «тысячи», получается число, которое может означать дату – 1373 год (от Рождества Христова). Этот год соответствует времени, когда Стефан Пермский трудился над составлением «пермской азбуки» в монастыре Св. Григория Богослова в Ростове, готовясь к своей предстоящей миссии. Тем самым ссылка П.И. Савваитова на «предание» об авторстве Стефана Пермского в отношении «зырянских деревянных календарей-святцев»

I	II	III	IIII	/	I/	II/	III/	IIII/	X
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
IX	/X	IIII/X	XX	XXXX	X	X	X	X	X
11	15	19	20	40	50	100	500	1000	

Чувашские числа.

Сруб амбара
(Республика Чувашия)²⁴

получает ещё одно косвенное подтверждение. Возможно, что действительно наряду с основным своим духовным изобретением – азбукой «анбур», христианский первоучитель коми-зырян создал и новый тип календаря, своеобразный, простой и содержательный, отличающийся от современных ему разновидностей «деревянных календарей» (т.н. «русского» и «северного рунического»). При этом он опять же использовал как местную (пермскую) традицию, так и волжско-булгарскую руническую традицию числовых обозначений.

Следует однако отметить, что такое прочтение нехарактерных для «зырянских календарей-святцев» знаков на артефакте, представленном П.И. Савваитовым, как своеобразной датировки памятника, остаётся в сфере гипотезы. Оно носит альтернативный (и возможно, локальный) характер по отношению к другому нумерационному принципу – на основе букв алфавита, свойственному, например, старославянской и церковнославянской письменности, а также, как предполагается, и «пермской» азбуке.²⁷

Ступа (Республика Коми,
Корткеросский р-н)

¹ Напольских В.В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. // История татар с древнейших времён в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань 2006, с. 100–115

² Баркарёв Е. Волжская Булгария. // Межвузовский сборник: Научные статьи студентов и аспирантов вузов Санкт-Петербурга. / Под ред. А.А. Волоковых. СПб, 2005, с. 72–77; Белых С.К. Фактор христианизации в этнической истории пермских народов // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Тезисы докладов и выступлений на международной конференции в г. Кудымкаре 26-28 мая 1995 г. Сыктывкар, 1995,

- с. 25–26; Лыткин В.И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков. // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. / Отв. ред. В. И. Алатырев. Ижевск, 1967, с. 131–142
- ³ Понарядов В.В. О возможной связи стефановской письменности с древнетюркской руникой. // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996, т. II, с. 238–241
- ⁴ Епифаний Премудрый. Житие Св. Стефана Пермского. СПб., 1897
- ⁵ Красов А.В. Апостол зырян Святой Стефан, первый Епископ Пермский и Усть-Вымский (1383–1396). СПб, 1896, с. 4–7
- ⁶ Епифаний Премудрый. Житие Св. Стефана Пермского. СПб., 1897
- ⁷ Лыткин В.И. К истории коми письменности. // Культура и письменность востока. Москва, 1931. – Т. 7–8. – с. 173–188; Мусорин А. О графическом облике букв Пермской азбуки. – В: Концепция человека в современной философской и психологической мысли. Новосибирск, 2001, с. 199–201
- ⁸ Stipa G. Der Ursprung der permischen Schrift. // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 35. Wiesbaden, 1961. S. 342–364
- ⁹ Туркин А.И. Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности. // Христианизация коми края и её роль в развитии государственности и культуры. Т.2. Филологии. Этнологии. Сыктывкар, 1996, с. 278–282
- ¹⁰ Понарядов В. Загадки древнепермской письменности. // Арт, №2, 2003, с. 124–128
- ¹¹ Нуриев Ф.Ш. Поволжские рунические памятники: варианты прочтения. // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 27 (66) №3, 2014, с. 221–228; Мухамедшин А.Г. Из истории становления и развития письменности в Волжской Булгарии в VIII–XIII веках. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, вып. №2-2, 2015; Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 33
- ¹² Лимеров П. Ф. Явление св. Стефана: Рука Москвы или подвиг духа? // Арт, №2, 2003, с. 116–117
- ¹³ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. М., 1982, с.87; Рогачев М.Б. Летопись Коми края в XI – начале XVII в. М., 1998, с. 28–31; Закиев М.З. Происхождение Тюрков и Татар. М., 2002
- ¹⁴ Смоленцев Л.Н. Великий зырянин. – В: Родники Пармы. Сыктывкар: ККИ, 1993, с.19; В Энциклопедическом словаре Брокгауза-Эфрона в статье о Стефане Пермском упоминается об использовании зырянами «денежных значков», которые вырезывались ими на тонких четырёхугольных палочках (пасах): ЭС т. XXXI. СПб, 1901, с. 638
- ¹⁵ Савваитов П.И. О зырянских деревянных календарях и Пермской азбуке, изобретённой св. Стефаном // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. Том II / Под редакцией гр. А.С. Уварова. М., 1871, с. 408–416
- ¹⁶ Савваитов П.И. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретённой Святым Стефаном. М., 1873, с.6; В 1492 г. Московский Собор принял «византийское» летоисчисление в России – с 1 сентября, а до этого год начинался 1 марта, как отмечается на «зырянских календарях». (Климшин И.А. Календарь и хронология. 2-е изд. М., 1985, с.263)
- ¹⁷ Савваитов П.И. О зырянских деревянных календарях..., с. 4
- ¹⁸ В русском народном календаре – Петр-солнцево-рот: «С Петра – поворота солнца на зиму, а лето на жары».
- ¹⁹ Липин В.Б. Деревянные резные календари-святцы в собрании Национального музея Республики Коми. // Арт, №3, 2006. Табл.1, с. 125
- ²⁰ Срезневский В. Северный резной календарь. СПб, 1874
- ²¹ Кабатов С.А. Зооморфные украшения Костромского Поволжья. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. №1, 2014, с. 42–43; Рис. 6, с. 45
- ²² Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Черты, резы, меты, бирки, карбижи, раваши. // Киевская старина, №8, 1889, с. 404
- ²³ Трофимов А.А. Воссоздание алфавита древнечува-вашской рунической письменности. Чебоксары, 1993; Мерлина Н.И., Яковлева М.В. Счёт и фольклорные математические задачи чувашей. Чебоксары, 2004
- ²⁴ Фотография из журнала «Самарская область. Этнос и культура», № 2, 2006
- ²⁵ Савваитов П.И. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретённой Святым Стефаном. М., 1873, с. 4
- ²⁶ Срезневский В. Северный резной календарь. СПб, 1874; Пежемский П.И. Сельский деревянный календарь. // Москвитянин, ч. I, №2, кн. 2, 1852; Майстров Л.Е., Просвиркина С.К. Народные деревянные календари. // Историко-астрономические исследования. Вып. VI. / Отв. ред. П.Г. Куликовский. М., 1960, с. 279–298
- ²⁷ В отношении древнепермской письменности такая система предложена Б.Н. Морозовым: Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008, № 1, с. 3–21

АРТ-ФАКТ

Елена Шубницына

Шубницына Елена Игоревна – кандидат технических наук. Более 10 лет работает в Национальном парке «Югыд ва» заместителем директора по науке. Область исследований – историческая география Уральского Севера. «Вторая профессия» – фотография. Родилась и выросла в Екатеринбурге. Живёт в Сыктывкаре.

Образы Печорского Приуралья в изображениях XIX–начала XX вв.

Глухой «медвежий угол», практически недоступный для путешественника – такую репутацию имело до середины XX в. Приуралье. Поездка сюда сравнивалась с экспедицией: «Отсутствие путей сообщения – это настоящее проклятие Печорского края. Чтобы попасть сюда, например, из Москвы, нужно сделать 3856 вёрст, причём ехать придётся до Архангельска по железной дороге, дальше на пароходе до Куй, отсюда на речном пароходе по Печоре, а внутри края – на лодке, верхом, на телеге, пешком... Чтобы проехать на Ухту или Цыльму, не говоря уже об отдалённой Усе, нужно предпринять такую же экспедицию, как в центр Африки во времена Ливингстона», – так писали об этой территории в 1917 году.

Население Приуралья в XIX в. было немногочисленно, и сосредоточено в основном в деревнях по Печоре, да в поселениях-починках на её притоках. Жизнь здесь была тяжёлой, деревенской; и если описания быта и промыслов коми-зырян в те вре-

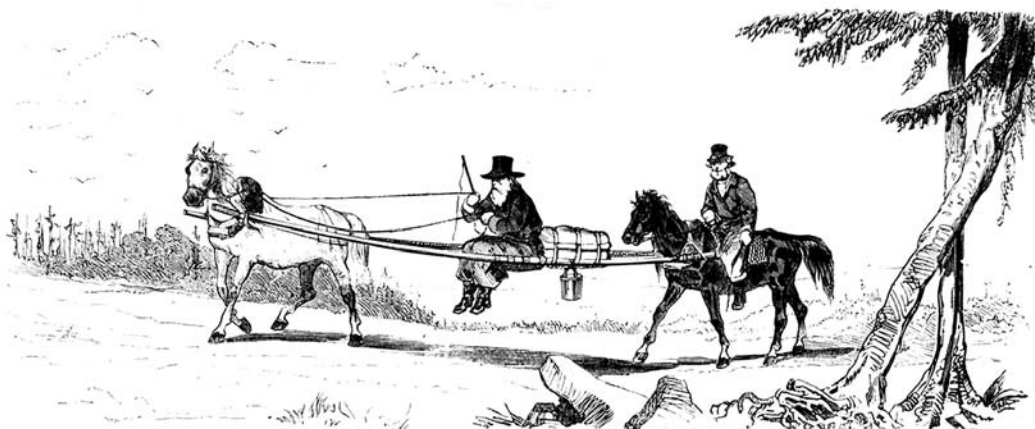
мена дошли до нас в произведениях немногочисленных путешественников, то с изображениями края обстояло хуже. Своим живописцам взяться здесь было неоткуда, вдохавок и карандаши, и бумага были дефицитом; приезжие же художники в такую глушь не добирались. Поэтому все дошедшие до нас изображения Припечорья и его людей того времени сделаны участниками научных экспедиций.

Уральский Север глазами художников первой Североуральской экспедиции

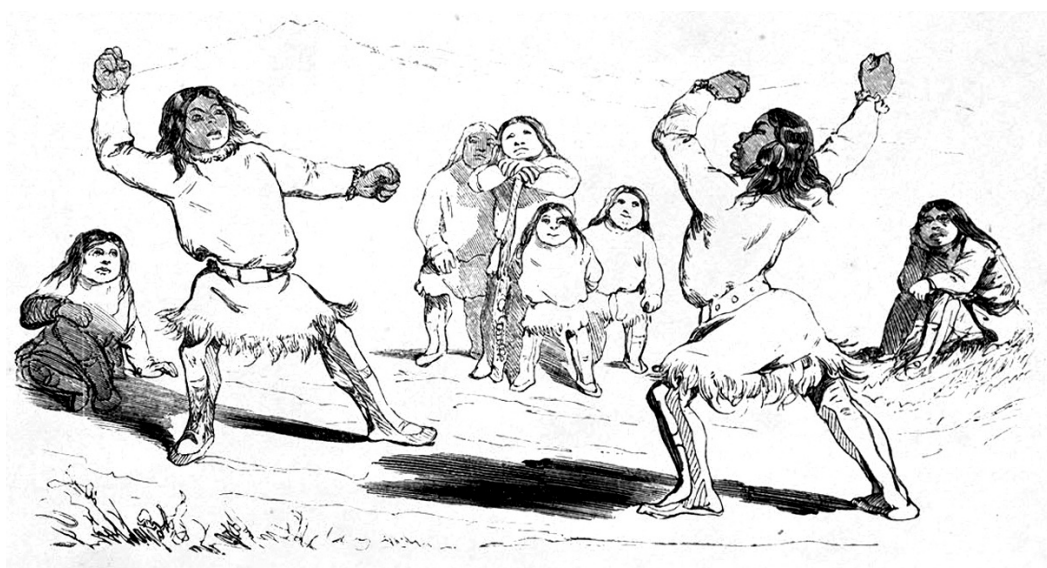
Комплексная Северо-Уральская экспедиция 1847–1850 годов, самая крупная из отправленных в Приуралье в XIX в., была первым мероприятием только что созданного Императорского Русского географического общества. Возглавлял экспедицию Эрнст Карлович Гофман, профессор минералогии и геологии Петербургского университета.

За три летних сезона участники прошли более 1000 км вдоль Уральского хребта. Материалы экспедиции были опубликованы в «Топографическое описание Северного Урала» (1852 г.) и двухтомнике «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» (1856 г.). Сведения, вошедшие в эти книги, касались не только точных наук – геологии, географии, астрономии, биологии, – но и этнографии, топонимики. В них можно найти ценнейшую информацию о навыках жизни в северной природе – промысловых традициях, способах ориентирования в лесу и в горах и многие другие, полученные в отманси, коми, ненцев – проводников экспедиции, охотников и рыбаков припечорских деревень, оленеводов-кочевников.

О жителях Припечорья участники экспедиции отзываются с искренним восхищением. Вот как пишет Гофман о таёжном охотнике: «С весёлым сердцем и с небольшим запасом пускается он в дорогу; сеть и ружьё должны прокормить его. Камень служит ему изголовьем, когда он уснёт, накинув на голову и на плечи армяк. Развесистая сосна — защищает его от дождя и непогоды. Живительное «авось» доводит его иногда до отчаянного положения, но «не бойся» является к нему на помощь. Никогда он не покинет приятеля, хотя бы пришлось поплатиться жизнью. Путешественник не может

Способ передвижения по печорскому бездорожью. Рисунок Ф.Брандта.

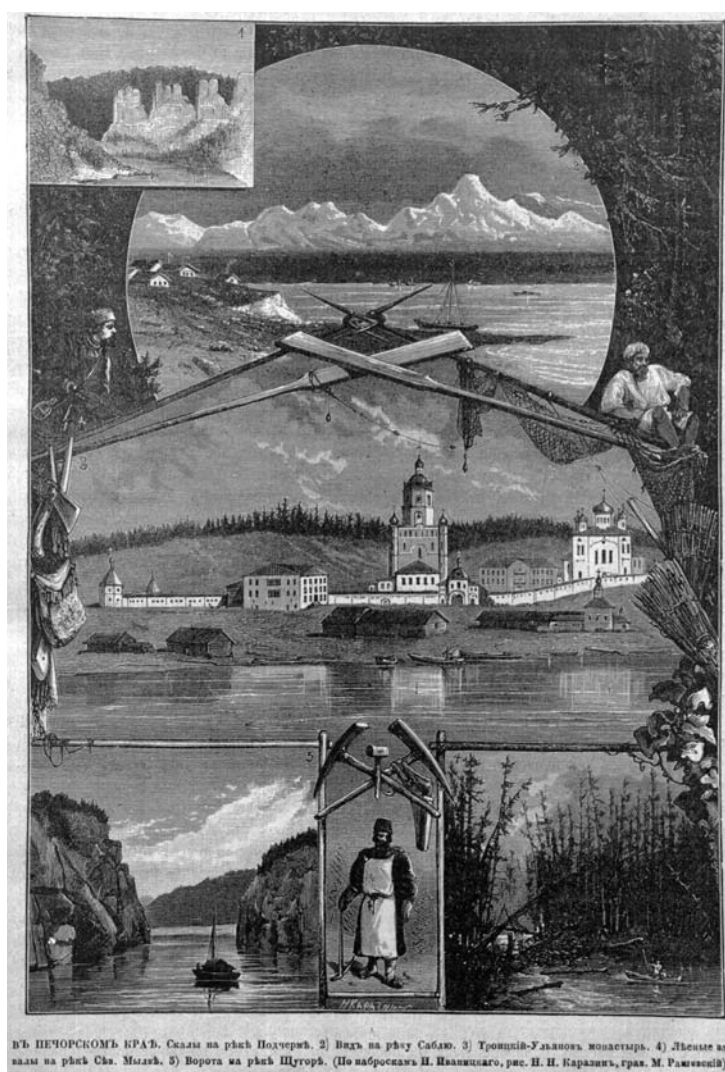
Танец остяков. Рисунок Ф. Брандта.

желать лучшего проводника и спутника. Он идёт через лес и болото, сквозь огонь и воду, заботясь о себе самом всего менее».

Кроме записей, в материалы экспедиции вошли изображения природы и людей Приуралья. Рисование в то время входило в число необходимых навыков любого учёного, и в первые два сезона (1847–1848 гг.) натурные зарисовки вёл Фёдор Брант, естествоиспытатель и самодеятельный художник. На них изображены орудия лова, бытовые сцены и утварь, геологические разрезы, горные пейзажи, портреты местных жителей.

Конечно, в такой экспедиции художник не мог оставаться только документалистом. Несмотря на суровые условия и трудности пути, красоты Уральского Севера так впечатлили руководителя экспедиции, что в 1850 г. Гофман обратился к руководству ИРГО с просьбой о включении в состав экспедиции профессионального художника: «...а как экспедиция эта посетит часть хребта, нелишённую живописной красоты, то, по ходатайству начальника ея, г. Гофмана, причислен к Экспедиции, в качестве живописца, воспитанник С.Петербургский Академии Художеств г. Бермелеев»¹. Можно представить, насколько это было непросто, ведь экспедиция 1850 года была «сверхплановой» – из-за эпидемии сибирской язвы в 1848 работу пришлось прервать, а 1849 год пропустить, так как оленеводы боялись ехать в заражённый район. Тем не менее, несмотря на отчаянный дефицит средств и времени, в 1850 г. в команду экспедиции направляется выпускник Санкт-Петербургской Академии художеств Иван Бермелеев. Его рисунки с горными пейзажами и портретами местных жителей сделали книгу Гофмана не только познавательной, но и красивой. Только взгляните, например, на эту «ненецкую мадонну» – молодую женщину с ребёнком, сидящую у горного озера, на фоне заснеженных хребтов.

¹ Гофман Э.К. Доклад на заседании ИРГО. Записки Императорского русского географического общества. Том 5. С-Петербург, типография Министерства внутренних дел. 1850. С.45.

ВЪ ПЕЧОРСКОМЪ КРАѢ. Скалы на рѣкѣ Подчерѣ. 2) Видъ на рѣку Саблю. 3) Троицкіи-Успенскіи монастыри. 4) Лѣсныя пазы на рѣкѣ Сѣ. Мылѣ. 5) Ворота на рѣкѣ Шугорѣ. (По наброскамъ Н. Иваницкаго, рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Раженинѣ).

Рисунки Н. Каразина с наброска Иваницкого в журнале «Нива». 1882 г.

Несмотря на некоторые явные вольные дорисовки-«украшения», пейзажи Бермеева настолько точны, что помогают сегодня восстановить маршрут экспедиции.

В 1881 году на Печору приехал известный вологодский писатель, поэт, ботаник, этнограф и фольклорист Н. А. Иваницкий. Хотя целью поездки был сбор материалов о флоре края, Иваницкий, будучи человеком разносторонних интересов, кроме ботанических коллекций, привёз из путешествия наблюдения и зарисовки, опубликованные им в виде очерков и путевых заметок. В 1882 г. в журнале «Нива» вышел очерк «В Печорском крае» по рукописи Н.Иваницкого, украшенный двумя гравюрами-рисунками художника Н.Каразина с его набросков, на которых были изображе-

ны «бренды» природы Припечорья – горы Тельпос-из и Сабля, скалы Кирпич-Кырта на реке Подчерем, Ворота Щугора. Позже эти гравюры вошли также в книгу «Живописная Россия».

Есть предположение, что кисти Иваницкого принадлежат также три хранящиеся в фондах Национальной галереи Республики Коми акварели, объединённые общим названием «Зырянский край» и датируемые концом XIX в. На двух из них изображены хорошо узнаваемые скалы и Средние Ворота реки Щугор.

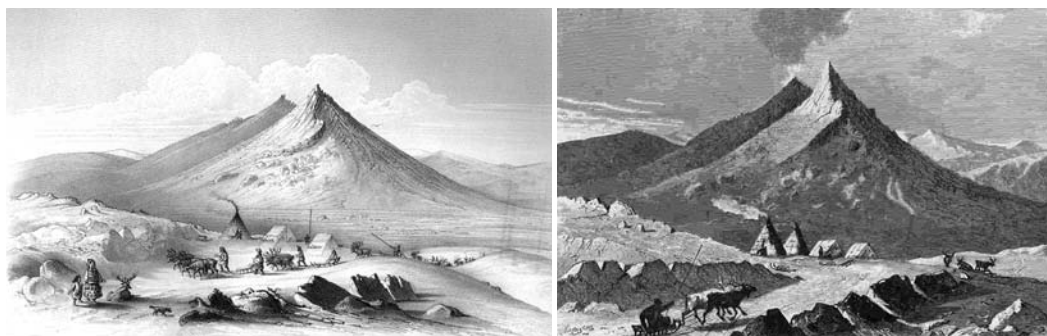
«Живописная Россия» – роскошный путеводитель по Российской империи

В конце XIX и начале XX в. в типографии Вольфа вышла многотомная «Живописная Россия» – самый, без сомнения, грандиозный издательский проект конца XIX – начала XX века, и один из самых дорогих за всю историю российского книгопечатания. К участию в нём были привлечены лучшие литературные, научные и художественные силы страны. Издание было богато оформлено – тома 1, 6, 9, 10, 11 вышли в особых подносных переплётках с форзацами из парчи, с тройным золотым обрезом; остальные в издательских коленкоровых переплётках с узорным цветным и золотым тиснением, с иллюстрированными форзацами и узорными обрезами.

В девятнадцать томов издания, выходявших с 1879 по 1901 годы, вошли 3815(!) рисунков – торцовые ксилографии и гравюры на цинке, фотоцинкографии с натуры и фототипии художников Н. Каразина, И. Попова, Г. Седова и др. Подбор иллюстраций для здания вёлся буквально всем миром: по губерниям были разосланы специальные циркуляры о предоставлении картин, рисунков, снимков... Пришлось пересмотреть все иллюстрированные издания, все исторические, статистические, экономические и этнографические статьи, путешествия русских людей и иностранцев, собрать со всех концов России фотографические и акварельные альбомы и коллекции, находившиеся в архивах правительственных учреждений и частных лиц...

В то же время «Живописная Россия» не была беллетристикой – в состав её входили только статьи, имевшие уровень серьёзного научного вклада в сокровищницу сведений о России. Не было ни одного более или менее крупного учёного того времени, занимавшегося изучением Отечества, который бы не сделал своего вклада в «Живописную Россию». Для изучения некоторых районов империи приходилось командировать туда людей, которые всесторонне и беспристрастно изучали условия и проверяли на месте разбросанные и подчас сомнительные сведения.

Первый том серии, вышедший в марте 1879 г. – роскошный, с золотым обрезом, на веленовой и слоновой бумаге, был посвящён Северу. В книге немало места было уделено северному лесу, в том числе Припечорью – в очерках С.В. Максимова, В.И. Немировича-Данченко «Лесные жители» и В.Н. Майнова «Забытая река» Север предстал во всей своей дремучей красе. Книга была богато иллюстрирована рисунками художников с набросков и фотографий. Титульный лист оформлял художник Н.С. Самокиш. Некоторые критики даже упрекали авторов за «картинность слога», что они стараются слишком украсить угрюмую природу Крайнего Севера, которая, по словам критиков, под их пером выходит более привлекательной, чем в действительности. Не обошлось, конечно, без курьёзов: так, «ремейки» с видов Приполярного Урала работы Бермелеева из книги Гоф-

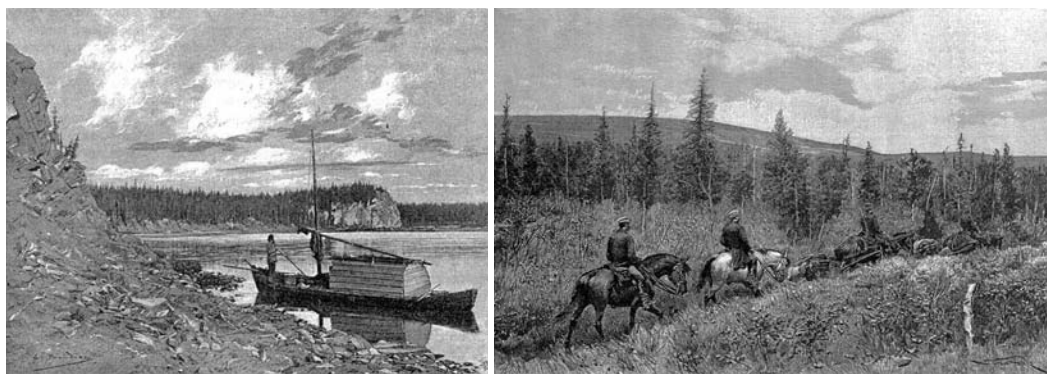
«Оригинал» Бермелеева из книги Гофмана (слева) и «ремейк» Каразина из «Живописной России» (справа) – художник явно сделал горы «брутальнее» – скалистее и выше.

Перевал Хабей-Хунгар на рисунке Бермелеева (слева) из книги Гофмана и на «ремейке» Каразина в «Живописной России» (справа).

мана размещены в тексте о Полярном Урале, вдобавок в достаточно искажённом виде.

В 1901 г. вышел восьмой том серии – «Приуралье», начинавшийся очерком М.В. Маляхова «Уральский хребет», иллюстрированным также рисунками Каразина по наброскам Иваницкого.

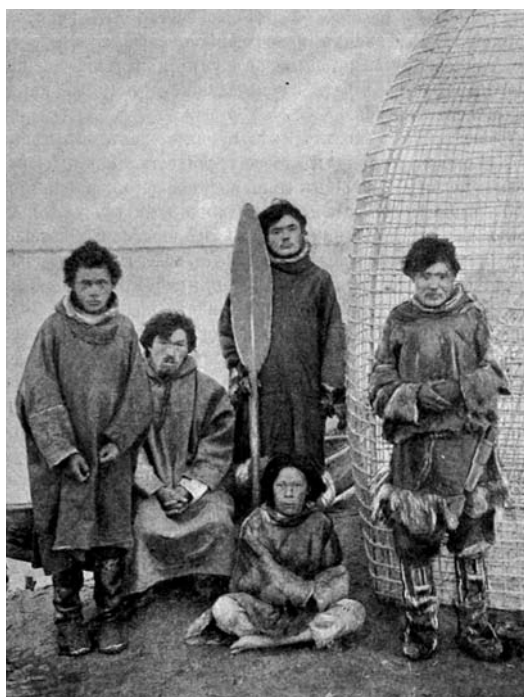
Рисунки Н.Каразина по наброску Иваницкого из тома «Приуралье». Средние Ворота (Шер-Кырта) реки Шугор. На лошадях по уральскому бездорожью.

Первые фотографии Припечорья

Фото (сейчас сказали бы «селфи») К.Д. Носилова в горах.

Эпоха фотографии пришла в Припечорье в последнем десятилетии XIX в., сразу же после появления первого переносного фотоаппарата «Kodak». Первым запечатлел Припечорье на фотоснимках путешественник и писатель К.Д. Носилов – не только увлечённый исследователь Севера, но и страстный фотолюбитель, одним из первых в России применивший фотоаппарат для исследований Севера. Эти фотографии – удивительно чёткие, несмотря на прошедшие почти полтора века – сохранили облик

Аборигены Уральского Севера на фото К.Д. Носилова.

жителей Уральского Севера, их занятия и ремёсла. Хотя большинство фотоматериалов Носилова, как и его дневники, после его смерти пропали, часть снимков-иллюстраций сохранилась в его книгах. Так, 41 фотография вошла в главную книгу Носилова «Увогулов». Уцелела и коллекция стеклянных негативов, хранящаяся в фондах Музея писателей Урала.

Говоря о фотографиях Припечорья, нельзя не упомянуть о Б.В. Безсонове. Художник-пейзажист, в юности занимавшийся живописью у В. Г. Перова и А. К. Саврасова, Безсонов, став чиновником министерства земледелия, в ходе поездок по России продолжал заниматься любимым делом. В 1908 г. он совершил путешествие по Печоре и её притокам в составе «свиты» архангельского губернатора Хвостова – в качестве секретаря и фотографа экспедиции, опубликовав по возвращении книгу, иллюстрированную множеством великолепных по тем временам фотографий. Уральские пейзажи запечатлены и на живописных полотнах работы Безсонова.

Рисунки и фотографии участников научных экспедиций дореволюционного времени, сохранившие для нас как облик и жизнь Печорского края, так и экспедиционный быт его исследователей, являются не только важнейшими документами ушедшей эпохи. Если население и населённые пункты Приуралья с тех пор очень изменились, то прекрасные уральские пейзажи сегодня доступны для всех желающих. И каждый, приезжающий в Приуралья, может убедиться, что его природные жемчужины сохранились до нашего времени в практически неизменном виде.

*(Цветные иллюстрации
к материалу см. на стр. 174–176).*

*Сибиряковская пристань на р.Щугор.
Фото из книги Б.Безсонова.*

*Деревня Мичабечевник на Щугоре.
Фото из книги Б.Безсонова.*

Антонина Онишко

Онишко Антонина Романовна – историк искусства, хранитель коллекции живописи Национальной галереи Республики Коми. Родилась 1 февраля 1987 года в г. Железноводске Ставропольского края. Окончила в 2009 году Bard College (Нью-Йорк) по специальности «История искусства». В 2012 году – Санкт-Петербургский государственный университет, факультет «Искусства и гуманитарные науки» по профилю специализации: история искусства. С 2014 года работает в Национальной галерее Республики Коми. Сфера интересов: История искусства Республики Коми и Северо-Западных регионов России и Восточных регионов Северной Европы, современная эстетика и философия.

Выставочный проект «Сверхъестественный отбор» Анастасии Масловой

Представим небольшой выставочный зал с двумя колоннами, залитый тёплым весенним светом. Свет отражается от бежевых стен, серых выставочных подиумов и падает на тёмные, контрастные живописные полотна, развешанные по стенам. На потолке поблёскивают традиционные галерейные хрустальные светильники, в левом углу переливаются отблески инсталляции с фрагментами разноцветных светодиодных лент, использованных как часть художественного объекта. В пространстве экспозиции расставлены продолговатые прямоугольники, на которых в разных позах застыли

образы людей и существ из керамики и валяной шерсти, продолжающие идею осознанного и бессознательного ухтинской художницы Анастасии Масловой.

Задуманный как первый в серии выставочных проектов о современных независимых художниках Республики Коми в стенах Национальной галереи РК, зрителям была представлена ретроспектива образов, созданных за последние десять лет в мастерской художницы. Одна работа из коллекции Национальной галереи, ранее приобретённая и ныне являющаяся частью её фонда, и несколько произведений из частных коллекций. Некото-

рое количество этих живописных работ уже было представлено публике ранее, в рамках коллективных выставок: «Время DU» (2012г.), «Своё пространство» (2014г.), выставка КРО ВТОО «Союза художников России» (2015г.), но впервые экспонируются вместе с предметами декоративно-прикладного искусства и авторскими художественными объектами.

Тема выставки – это рассуждение о метафизических свойствах обыденной жизни, в которой часто естественные процессы связываются с противоестественным человеческой природе насилием, потому естественный отбор, бессознательная категория как существующая в природе данность, он осуществляется вне прямого человеческого влияния, селекционный отбор – процесс, осознаваемый тем, кто его производит и сверхъестественный отбор, в метафизическом смысле, это материя существования во всём её многообразии. Художественные образы в произведениях Анастасии Масловой открывают зрителям скрытые механизмы взаимодействия природы и культуры, актуальных идей и архаичных традиций, основанные на воплощении художницей образов людей, существ и явлений, в которых ярко выражено личностное художественное видение. Метафизический образ человека в её работах трансформирован и слит с его зооморфной психологической природой, что создаёт разнообразный бестиарий, отсылающий к визуальному воплощению, близкому первобытному и древнему искусству, но внутренне наполненный современной философией постмодернизма.

Анастасия Владимировна Маслова, творческий псевдоним Ася Маслова, родилась в Ухте 17 июня 1977 года, в семье

художников. После окончания школы в 1993 году, она поступила в Художественный лицей имени Б.В. Иогансона при Санкт-Петербургской академии художеств. Высшее художественное образование Анастасия получила в РГПУ им. А.И. Герцена, на факультете изобразительного искусства. В это же время, примерно с 1998 года, её работы начинают появляться на выставках. В настоящий момент живёт и работает в г. Ухте. Ранний этап творчества художницы представлен семиотически сложными плоскостными работами, близкими этнофутуристическому направлению: таковы «Эволюция» 2010 г., «Музыкальный механизм» 2010 г., «Поводырь» 2012 г. Они, впоследствии, дополнились подчёркнутой фигуративностью и живописной телесностью с ярко выраженным личностным началом.

Использование живописи в современном искусстве как средства выражения актуальных эстетических идей на первый взгляд выглядит архаично, спорно и многими отвергается в принципе. Но в современном искусстве существует тенденция к возрождению живописи как средства постмодернистского искусства. Вслед за стакистами и столичными художественными школами, сформированными вокруг мастеров живописи уходящей советской живописной традиции, приходит поколение живописцев, несущих новую эстетику, которая строится не по канонам прошлого, а требует психологических усилий для чувствования и понимания. Дело в том, что современная эстетика уже давно сделала шаг от эстетического объективизма к эстетическому субъективизму – она исходит уже не из формы эстетического объекта, в нашем случае это произведения искусства,

¹Воррингер В. Абстракция и одухотворение. Эстетика и теория искусства XX века. Изд «Прогресс-Традиция», М., 2007. С. 538.

а из поведения созерцающего субъекта.¹ В Коми эта эстетика сливается со сферой существования, далёкой от урбанизма и предельно витальной. Она складывается из мрачных народных легенд, тяжёлого лагерного и ссыльного наследия, суровых климатических условий существования.

По задумке автора все образы в произведениях статичны. Они застыли в пространстве и времени, замерли. В природе это состояние возникает только в случае охоты, когда животное замирает, прячась или перед атакой на жертву. Состояние охоты это то, на что животные тратят большую часть своего времени. Потому сюжеты живописных произведений кажутся драматичными, а портреты наоборот приобретают черты эпического повествования, главное место в котором занимает личность портретируемого человека. Так как художница не создаёт произведений на заказ, образы портретируемых – это знакомые художницы, вдохновившие её на создание этих произведений: «Портрет Л. Нестерова» 2016 г., «Портрет Н. Высоких» 2016 г.

Важное значение в живописи Анастасии Масловой занимает цвет, часто кроме натуральных охристых и коричневатых оттенков присутствует синий цвет. В традиционном представлении синий может вызывать беспокойство, чувство безысходности и печали. Однако, становясь светлее, – передаёт покой. Ещё со времён немецкого романтизма синий считался символом духовных стремлений человека, духа в целом. Синий цвет в человеческом сознании ассоциируется со стихиями воздуха и воды, с бесконечным пространством – от далёкой высоты небес до далёкой глубины океана. От бесконечности бытия до страха смерти.² На подсознательном уровне активное

синее цветное пятно может действовать очень по-разному, не только успокаивать и способствовать медитации, но и вызывать уныние и меланхолию.

Другой важной особенностью работ является формообразующий и смыслообразующий импульс, который сталкивает два языка: язык изобразительного искусства и письменный текст, которым художница подписывает свои работы. Текст названий, датировка и авторская подпись в работах А. Масловой имеет орнаментальный характер и дополняет визуальный образ её произведений, придавая им эффект завершенности. В этом прослеживается и дань традиции (в советском искусстве завершенность произведения являлась важным оценочным критерием при приёме произведения на экспонирование), так и связь с современным поставангардным искусством, которое часто работает с текстом в теле художественного произведения.

Материал, с которым работает А. Маслова, традиционен для живописи: холст, оргалит, масло, акрил; в декоративно-прикладном искусстве: глина, шерсть; в объектах: дерево, текстиль, металл, стекло и разные предметы реди-мейд, которые она вплетает в тела своих произведений. Эти натуральные материалы, близкие природным, усиливают эффект естественной живой текстуры произведений. Но, несмотря на искажённую форму, они не кажутся пустыми и безжизненными. Художественные объекты, представленные на выставке – («Пряниковедение» 2013 г., «Камера хранения» 2016 г., «Светочувствительность» 2013 г.), в этом смысле приобретают характер археологических артефактов, изначально потерянных в пространстве и времени, а затем случайно найденных. В них сильнее всего прослеживается связь с повест-

¹Балека Ян. Синий – цвет жизни и смерти. Метафизика цвета. Изд. «Искусство-XXI», М., 2008. С. 107–329.

вовательностью и ощущение истории, которые не слишком характерны для живописных и декоративно-прикладных произведений Аси.

Небольшие по формату произведения из керамики («Спящий дракон» 2015 г., «Клюкарь» 2012 г., «Смотрящий» 2017 г., «Самолетик» 2017 г.) и шерсти «Орнитолог» 2015 г., («Утренний сфинкс» 2015 г., «Девочка Лера» 2015 г., «Кот Тимур» 2017 г.) лучше всего показывают синтез художественной формы, которая определяется не сама из себя, а отношением к существующим до неё природным формам. Она проявляется не только в живописной плоскости, но в объёме и в пространстве, подчёркивая общую идею выставки.

Современная эстетика и философия часто обращается к вопросам метафизики, о её значимости и сущности (предметности), но современное искусство раскрывает эту идею в форме. Да, на-

верное, многим такое искусство кажется отягощающим, но ещё в XIX веке философы размышляли о том, что человек стремится к самовластию и зависимости от собственных эстетических установок, созданных продуцирующей способностью собственного воображения, однако наличная действительность вторгается в этот замкнутый мир, захватывает индивида врасплох, вызывает в нём помимо его воли те или иные душевные движения, образы и реакции, источник которых уже лежит вне самого индивида³.

Формирует ли их реклама, СМИ, или медийная эстетика XXI века, возможно, искусство и эстетика веков ушедших, но есть надежда, что исходя из собственного ментального и духовного опыта, в произведениях талантливой художницы Анастасии Владимировны Масловой можно разглядеть такую эстетику, которая сделает нас свободнее от наших собственных границ.

³Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Изд С-Петербургского Университета, Спб., 2005. С 8.

Ирина Романова

Романова Ирина – художник, историк.

«Художник – животное социальное»

*(Интервью по переписке двух художников
Анастасии Масловой и Ирины Романовой)*

Если и есть естественное пространство для художника, то это одиночество. Если возникает озарение, то в тёмных углах его подсознания. Если наступает молчание, то перед неизбежностью диалога.

Ирина. Ася, расскажи о себе, о детстве.

Ася. Про детство либо хорошо, либо никак...

Училась в ДХШ, потом лицее им. Иогансона в Санкт-Петербурге, после закончила РГПУ им. Герцена, заочно.

Ирина. Как скоро пришло осознание художественного призвания?

Ася. Не было никакого осознания художественного призвания. Оба родителя преподавали в ДХШ. Соответственно без всякого осознания и без особого рвения я там училась. Это было, кстати, не так отвратительно, как всё остальное в моей жизни на тот момент.

Я сейчас благодарна такому стечению обстоятельств, потому что не могу представить, как можно не обрабатывая творчески, не преломляя, не иронизируя, пережить эту жизнь.

Ирина. Известно, что твой отец – художник. Он был твоим учителем?

Ася. Отец не был для меня учителем. Я вообще ни о ком так сказать не могу. В мою творческую деятельность он особо не вмешивался, хотя всю жизнь занимается преподаванием. Ну иногда осторожненько так скажет какую-нибудь аргументированную гадость. Я вообще всегда боюсь его оценки, поэтому ничего обычно не показываю. Для меня он недостижимо крут.

Ирина. Скажи, чьё мнение о твоём творчестве для тебя важно?

Ася. Не буду врать, что я независима от мнения окружающих. Я вообще всех слушаю внимательно, если у кого есть что сказать. Если к работе есть вопросы у зрителя

Мастерская.

ля, значит, она недостаточно убедительна. Значит, надо дальше думать. Интересует, конечно, мнение тех, кто сам является творчески мыслящей единицей. Но вообще, если я точно знаю, что это хорошо, никто меня не переубедит.

Ирина. Некоторые художники акцентируют на том, что их деятельность – это изнурительная систематическая работа, и не признают обращение – творческая, как не серьёзная, подобная увлечению. То, что ты делаешь, считаешь творчеством или работой?

Ася. Для меня это не работа... Но иногда в процессе, когда решаешь трудную художественную задачу, можно довести себя до белого каления. Достичь или не достичь желаемого результата и чувствовать себя изнурённым тружеником кисти. Но всё-таки, то, что я делаю, считаю творчеством. Иногда это непредсказуемый эмоциональный процесс с элементами чуда, местами мучительный, бесящий, а иногда занудно-медитативный. Но обязательно есть влюблённость в образ, над которым работаешь. Другого мотива что-то делать у меня не бывает.

Ирина. Как к тебе приходит замысел картины, рождаются образы? Возникают ли они как вспышки в сознании, и ты немедленно пытаешься их воплотить или долго выстраиваешь сюжет, наблюдая за природой, человеческими взаимоотношениями, обращаешься к прошлому...

Ася. И так и этак бывает. И ещё частенько начнёшь одно, а вырисовывается другое. Почему бы не отпустить то, что просится.

Ирина. Какие темы волнуют и чаще всего находят отражение в твоём творчестве?

Ася. Основная тема – одиночество, страх, трепет и боль в домашних условиях.

Ирина. У тебя недавно состоялась персональная выставка. Как у художника, какие ощущения в тебе вызывает зритель, который смотрит твои работы в дан-

ный момент? Присутствует ли момент волнения и вообще насколько для тебя важна его оценка?

Ася. Чувствовала неловкость за содеянное с одной стороны, с другой – ощущалась поддержка, одобрение зрителей. Когда не уверен в себе, это помогает. Тогда это было важно.

Ирина. Сколько персональных выставок у тебя было?

Ася. «Сверхъестественный отбор» – первая.

Ирина. Во времена Эпохи Возрождения была очень развита аллегорическая живопись. В твоих работах много изображений рыб, птиц, даже есть свинья. Зрителю понятны эти образы, но тем не менее, всматриваясь, он ищет тайный смысл, своеобразный сюжет. Твои художественные образы с подтекстом?

Ася. Нет никакой морали у этой басни. Это кусочки ткани из моего личного измерения. Я таким образом скорее сама с собой общаюсь, выискиваю что-нибудь повкусней в бульоне своего бессознательного. А то, что это кто-то наблюдает со стороны и

На пленэре «Клюква».

реагирует, это тоже часть процесса. Почему «даже»? Свинья тоже человек. Свинья – это современный эквивалент единорога. Единорог постмодернизма.

Ирина. Расскажи про «Жизнь голубой свиньи».

Ася. Ничего не знаю об этом. Мы случайно пересеклись. После этого связь не поддерживаем.

Ирина. Какая самая любимая работа, что с ней связано? Расскажи процесс создания.

Ася. Любимая работа, это как правило, самая свеженаписанная. Сейчас это «Спящий Бенедикт». Но, правда, её сразу же купили, ещё не просохшую. Я даже не успела её улучшить-испортить как следует. С этой картиной всё было быстро и просто. Я часто делаю наброски со своего кота. Он очень хорош собой, белый с рыжими пятнами, довольно упитанный. Он любит спать в разных эффектных позах. Особенно хорошо смотрится на ярко-алом покрывале. Вот так он и был зафиксирован на холсте.

Ирина. Чьи работы тебя вдохновляют?

Ася. Из современных художников – Алексей Теренин.

Ирина. Как ты думаешь, художник нуждается в Союзах, Объединениях или он самодостаточная единица?

Ася. Зависит от человека. Есть ярко выраженные одиночки. Но по большей части художникам всё-таки нужна среда единомышленников. Художник – социальное животное.

Ирина. Достаточно ли тебе пространства для творческой реализации: мастерской, города, республики?

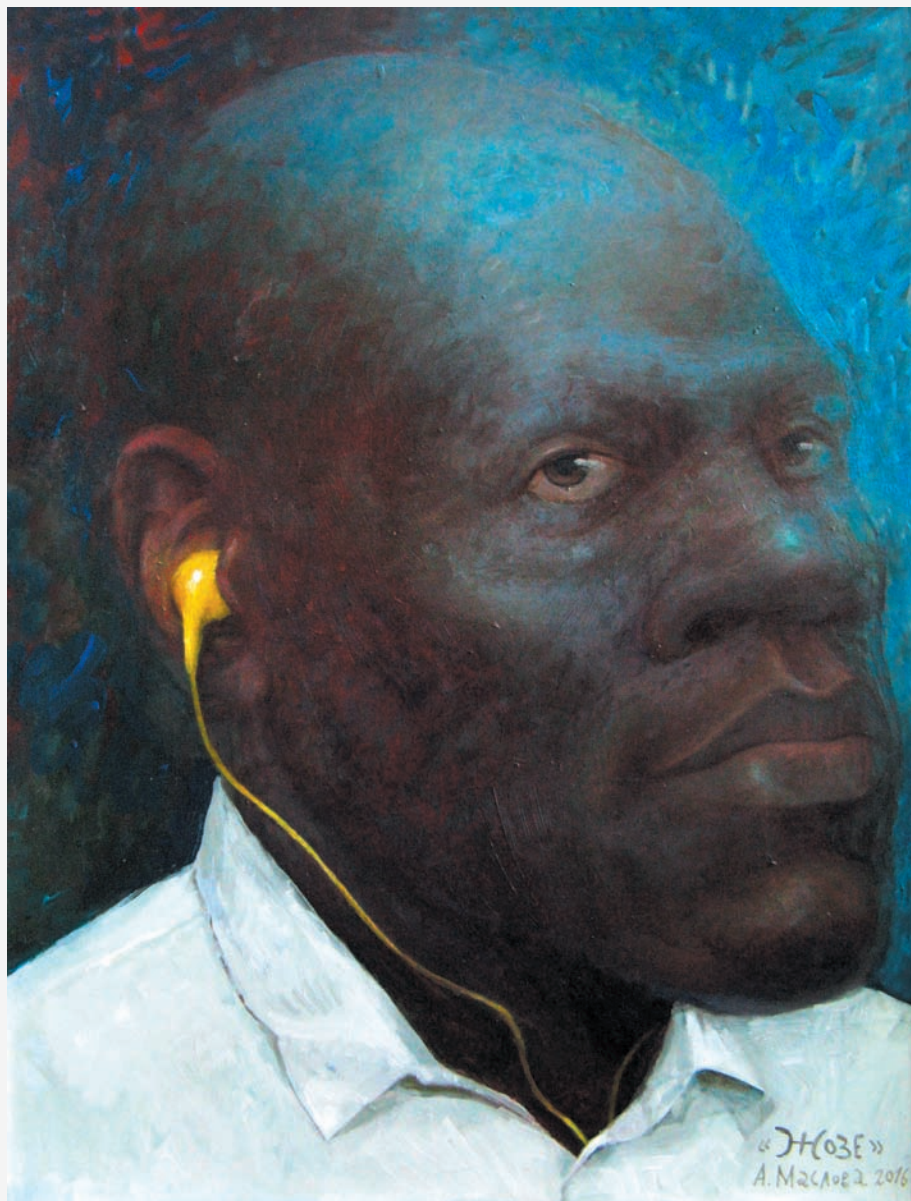
Ася. Я ещё не отрастила такой радиус поражения, чтобы мне было недостаточно республики. Тут есть и целевая аудитория, и подходящие выставочные залы (я имею в виду Сыктывкар. В Ухте нет ни того, ни другого. И смысла выставляться не вижу). Мастерская у меня достаточно просторная, удобная. Место намоленное. Раньше там папа работал.

Ирина. Каким видишь идеальное место для экспозиции своих работ: залы галереи, лофт-пространство, уличная среда?

Ася. Смотря какой проект. Но не уличная среда однозначно. Лофт-пространство скорее. Но вообще, я об этом не думаю особо. Нужно иметь какой-то выставочный опыт, наверное, чтобы мыслить проект в пространстве.

Ирина. Над чем работаешь сейчас и какие творческие планы на ближайшее будущее?

Ася. Сейчас я начала работать над новым проектом. Но это длинная история. Выставка может быть не раньше, чем через год. Рассказывать об этом я бы пока не стала.

«Жозе». 2016 г. Оргалит, масло.

«Птичка». 2014 г. Оргалит, масло.

«Пряниковедение». 2013 г. Дерево, металл, акрил.

Портрет Л. Нестерова 2016 г. Холст, масло (вверху).
«Трубач». 2015 г. Красная глина, акрил (снизу).

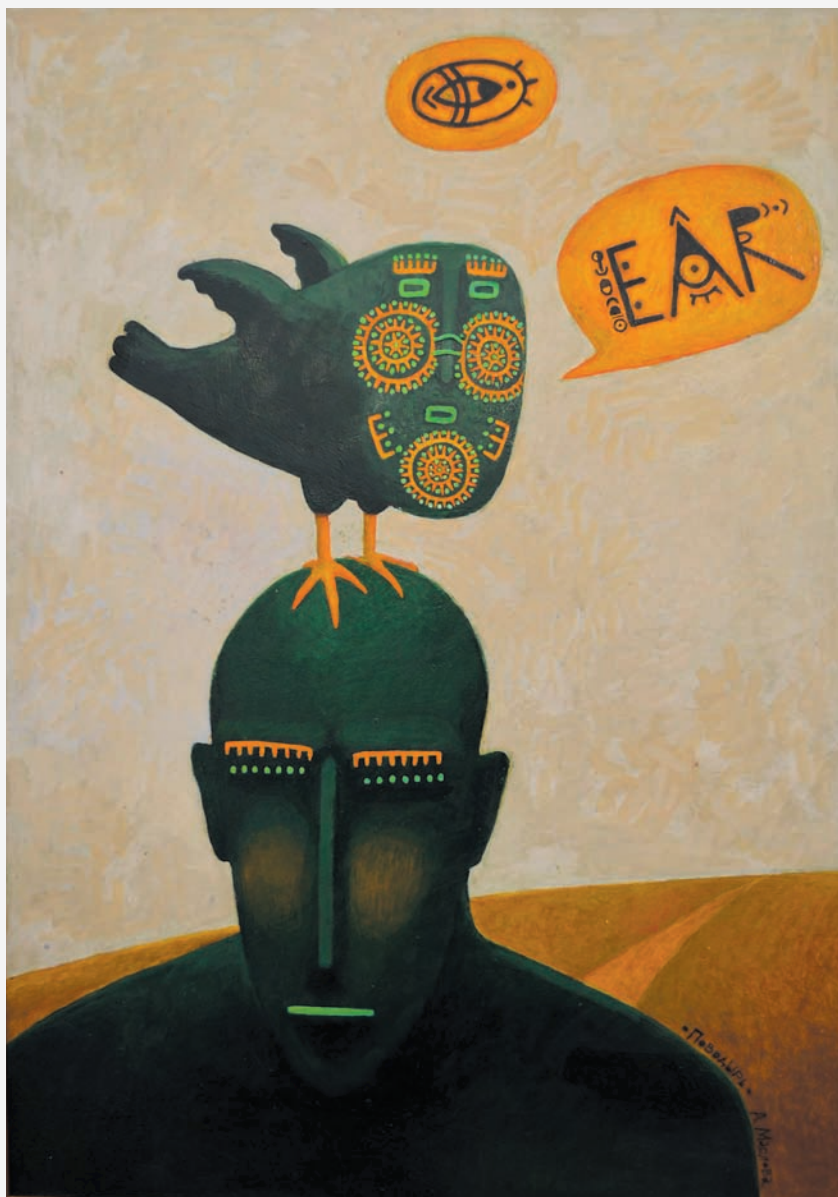
«Рыбаки» (фрагмент композиции). 2013 г. Холст, масло, дерево

«Купель». 2014 г. Оргалит, масло.

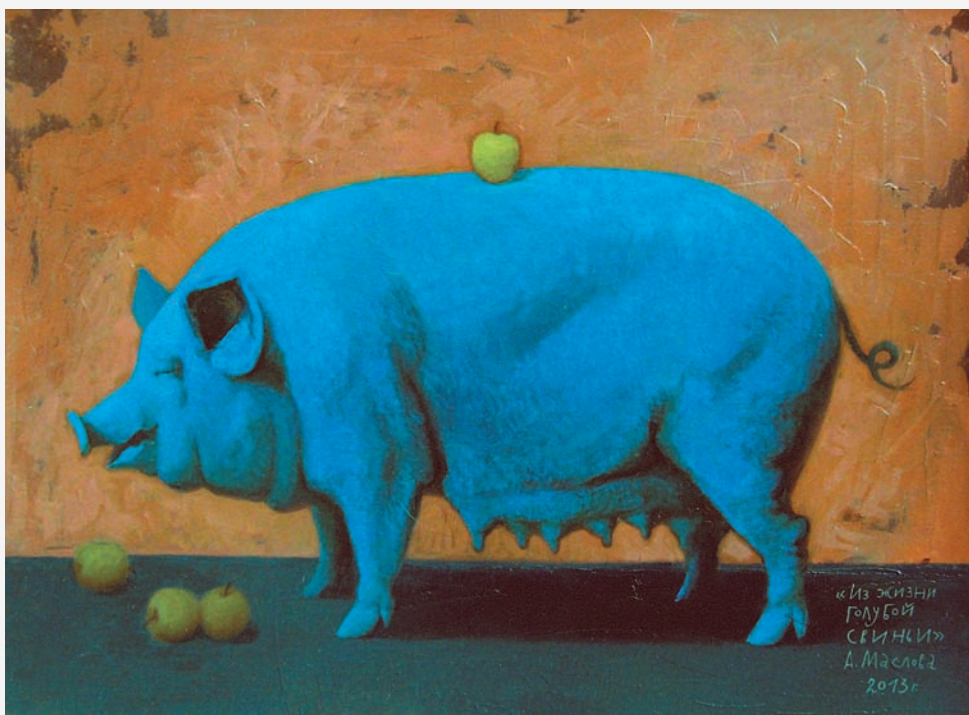
«Под водой». 2014 г. Оргалит, масло.

«Поводырь». 2012 г. Оргалит, акрил.

«Шум времён». 2015 г. Оргалит, масло.

«Из жизни голубой свиньи». 2013 г. Картон, масло.

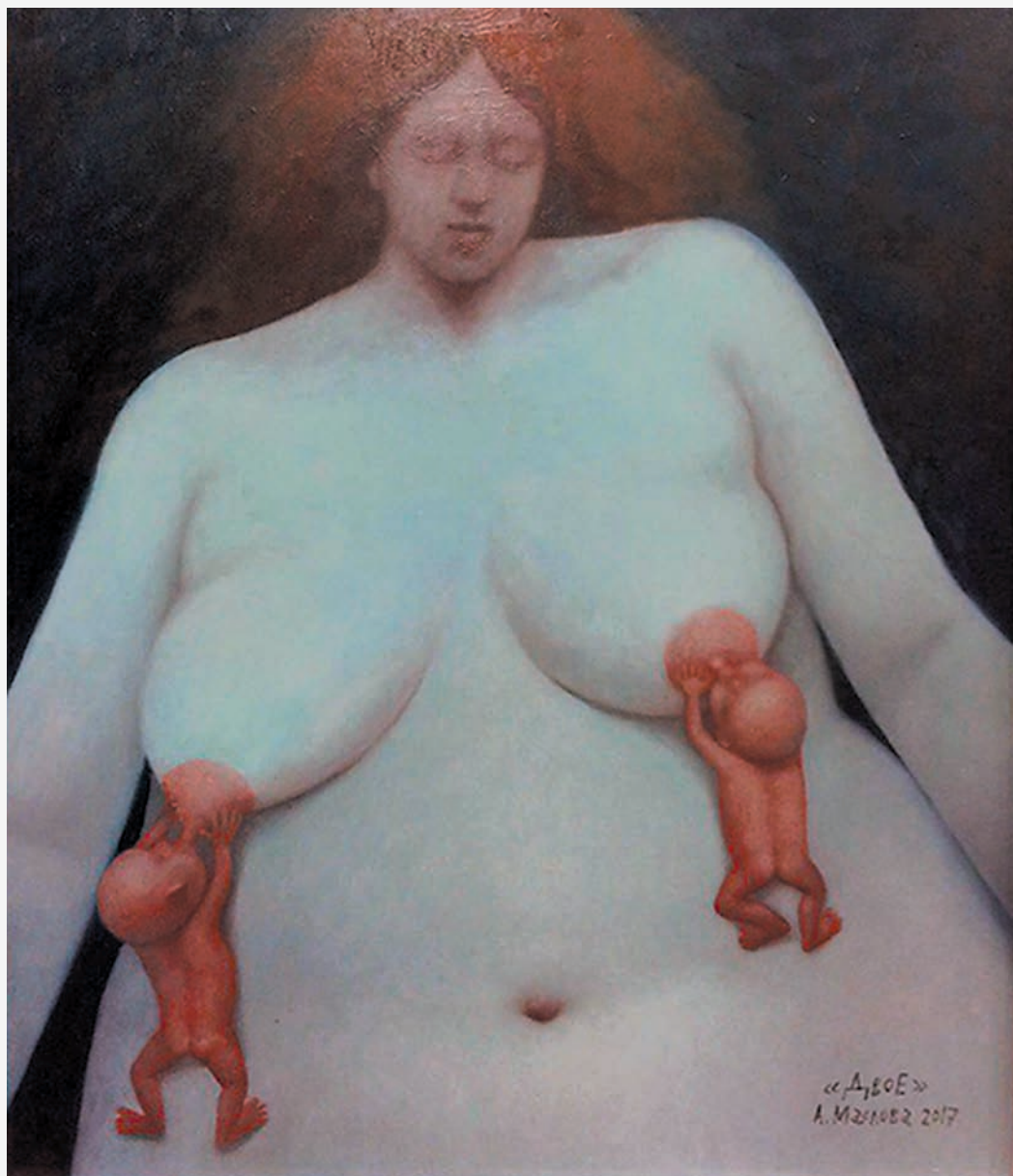
«Музыкальный механизм». 2010 г. Оргалит, акрил.

«Свежий урожай». 2014 г. Оргалит, масло.

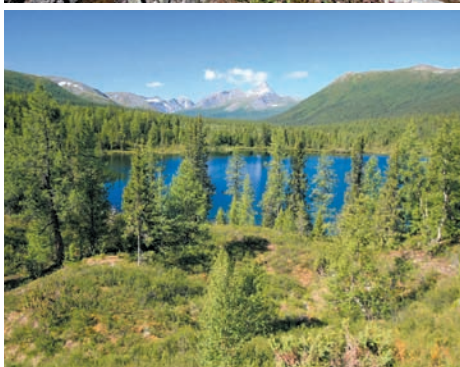
«Тёплый натюрморт». 2014 г. Картон, масло.

«Двое». 2017 г. Оргалит, масло.

«Натюрморт с грушами». 2014 г. Холст, масло.

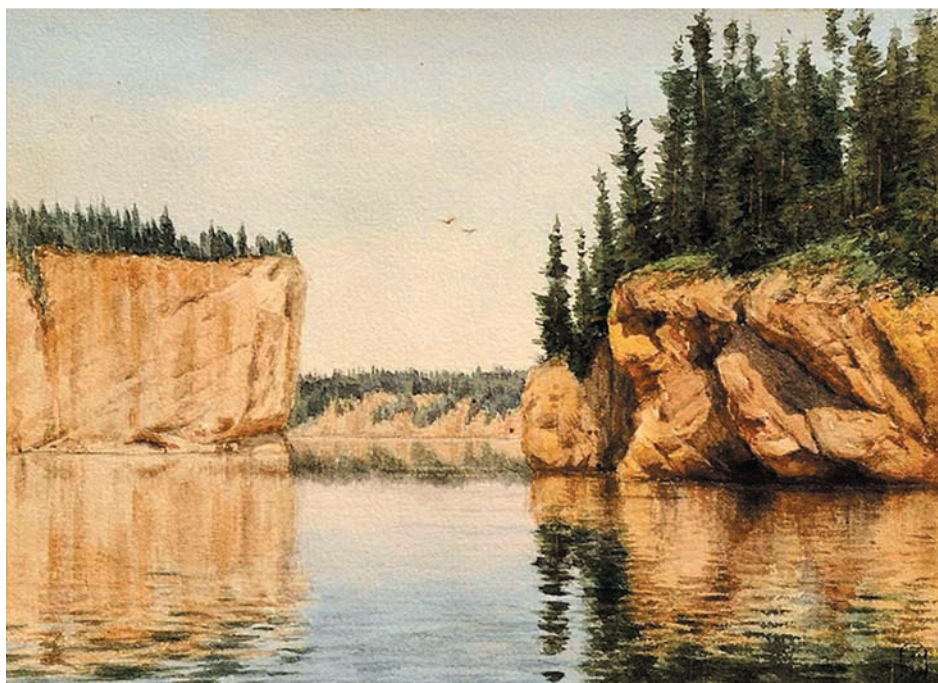
«Парные картинки» – рисунки Бермелеева 1850 г. и современные фото тех же мест.

Самоеды. Портрет работы И. Бермелева.

Щугорские скалы. Неизвестный художник. Конец XIX века. Бумага, акварель.

Средние Ворота Щугора. Неизвестный художник. Конец XIX века. Бумага, акварель.

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Вөвлөмторъяс

Яг керкаын гөсьт

Өтчид пемыд арся войö Лапъяга ю дорын сулалысь яг керкаö локтöма узыны вöралöм бöрын Микул дед. Вутш юръяс костöд ветлөдлөм вöсна зэв ёна мудзöма. Кöрт пач ломтöма, чайник пузьöдöма, пöтöса сёйöма да водöма шойччыны. Водöма нар вылö да рушкусö чапалігмоз гораа висьталöма: «Да, нöшта кö эськö öнi татчö Терень Дарьяöс¹».

Недыр мысти яг керкаын öдзöс вossьöма, и тыдовтчöма сійö – Терень Дарьяйс. Воддза кодъыс жö гөрд бан бокъяса, еджыд дзоридзьяса турунвиж бабаюра, мича сера сарапана. Микул дедлөн вомыс паськалöма, нинöм шуны абу вермöма. А том кадъя гöтырпуыс сулалыштас öти здук, сэсся ывлаыс ёна тöвзысьяс, и Терень Дарьяös нуас тöв нырнас.

Войбыд Микул лёкалöма². А асывнас югдігөн петöма ывлаö и аддзöма яг керка öдзöссö ветымын метра сайысь. Сэтшöм вына вöлöма Терень Дарьяös нуысь тöв ныры! Öдзöссö бөр сувтöдöм бöрын Микул дед котөрөн лэччöма гортас. Та бöрын сэсся сійö некор абу ветлöма öтнас ягö.

Шор сайын

Кызкар сиктын менам медся радейтана места – тайö Тундра шор. Сэни водзджыксö вöлöма сикт, олöмаöсь пöрысь йöз, а öнi шор бокын шувгö вөр. Меным чайтсьö, Тундра шорыс видзö уна гусятор. Сэни сулалігөн казявла, мый кодкö ме бöрся видзöдчö. Таысь йирмөг босьтлö, но ме ог пов.

Өтчид ёрткөд кыйим чери. Ёртö ёрччыштіс. Друг кыпöдчис катша, быттьö мыйыськö повзьöма. Недыр мысти шор сайын буждіс крежыс да тьяльскысис ваас. Но тайö нö мый? Бöраным, вöрас, мыйкö трачкысис, быттьö коз ув чегис. Ми ёрткөд пернапасасим, шайтъяснымös гартім да эг и казявлöй, вöлім нин гортынöсь. Вот на кызд овлö.

Дедöөн садитöм пуяс

Кор пета гортысь ылыс туйö, менö сад йöрын колльöдлöны дедöөн на садитöм пуяс. На вылö видзөдігөн ме век радла, кöть пуяс сэтшöм пöрысьöсь нин. Дедö на öд садитлöма дзöлядырйисö найös. Öнi сійö абу нин ловъя, а кыз да пелысь пыр казътöны дедö йылысь.

¹ Терень Дарья - Микул дедлөн томдыръя гöтырпу, абу нин ловъя.

² Лёкавны – мырсыны юр висьöмөн.

Но օтчыд батыօ кօсийис найօс керавны, а на местаօ кыпօдны кутшօмкօ сарай. Ме сылы сувтօ паныд: «Мый нօ тайօ вօчны мօдан? Дедօ йылысь казътօдсօ мօдан керавны? Сад дорнум тай доза ыджыд, гашке, мօдлаօ стрօитан да сарайсօ?»

Воча меным шуис: «Пуясыс зэв нин кызօсь да сорօны йօраным». Ме сэтчօ нинօм эг висьтав, а прօстօ дузгօдчи да муні. Батыօ серօктіс да вошйис пиласօ заводитны, но пилаыс эз кывзысь. Быд нога бергօдліс сійօс, но пила эз и уджав. Недыр мысти локтис ме дорօ, корис прօштша да висьталіс, Енмыс пօ ачыс оз лэдз пилитны пуяссօ. Ме синмօс чօвтлі пуясланыс да прօститі матысса мортօс. А налօн корйыс муртса вօрыштис тօв улас, быттօ тадзикօн аттьօалисны дорйօмысь.

Яг мортлօн мездօм

Коркօ օтчыд ылын-ылын Ижма дорын оліс-выліс Яг-Морт. Йօзыс висьтавлісны, сійօ пօ зэв скօр. Но ме кօсья шуны, тайօ абу сідз. Коркօ օтчыд ветлі ме вотօсла да тшакла. Ок! Уна вօлі петօма! Ветлօдлі-օктыси, а кор наберушкаօ тырис, казялі, а ылавсьօма...

Понді мунны аслам трօпа кузя, но эз артмы, и бօр локті сэтчօ, кытысянь вօрзи. И ме сэк повзи, и эг тօд, мый вօчны. Но аддзи, менам кок туй вылօ кодкօ тувччалօма. Кок туйыс вօлі ошлօн кодъ, но этша кузьджык. Гыжйыс сантиметр кызь кузя, быдсօн чапалօма мусօ. Чуйми да нօшта на ёнджыка повзи, но сэтшօм окота вօлі тօдмавны, кодлօн жօ тайօ кок туйыс...

И ме мօдօдчи сы серти. Муна-муна, и казялі, мый кежсьօма зэв ылօ аслам кок туйысь. Но мый вօчны? Лоօ мунны водзօ тօдтօм кок туй кузя.

Дыр-օ-регыд-օ муні, но тыдовчис жօ сэсся менам сиктօ, а кок туйыс кытчօкօ воши. Мօд лунас сэсся юалі дедлысь: «Кодлօн кок туйыс вермис лоны?» Дедօ висьталіс: «Яг-Мортлօн вермас лоны». Но сідзкօ, артмօ, скօр Яг-Мортыд менօ и мездօма вошօмысь.

ДЕДКО¹

Мойд

1.

– Мамö, мамö, меным Ёгор козьналіс урокъяс бöрын чудö! – шызьöм гөлöсөн гор-
тас пыригөн горöдіс Тоня. Нывка ки пыдöссъыс петкöдліс мамыслы ичöтик кольквиж
витамин.

– Дивö и эм... – шензяна нюммунис мам.

– Мамö, меным колö стöкан ва, сэтчö кöдзам тайö сярсö, и сійö көкъямыс час мыс-
ти быдмас!

– Тоня, витаминьд öд абу көйдыс, кыдзи сійö вермас быдмыны?

– А вот вермас. Китаяд быдторсö нин думыштöмаöсь!

– Тайöс, дерт, Ёгорыд тэныд висьталіс?

– А нöшта сійö шуис, кор сярис быдмас – чветö позяс пуктыны сійöс. И ёкмыльыс
пондас юктöдны чветсö ваөн! Вот тадзи! Ёгор видлöма нин. А нöшта сійö восьтіс гуся-
тор: тайö шарсьыс пö чужö сійö, кодöс ачыд көсьян!

– Тоня, тайöс тшöтш Китайын думыштісны?!

– Мамö, ог тöд! Но вай кöдзам! Ме öд сэтшöма нин урокъяс бöрын тэрмаси гортö!

– Вай видлам... Кодöс мөвпыштін?

– Ме көсья, көсья... медым петіс ёкмыльсьыс... дедко!

– А мыйла эськö дедко? – повзьыштöмөн юаліс мам.

– Тöдан, мамö... миян сынаныс абу зэв бур, и юрсіöс век летан. А дедкоыс узигам
пондас кыны көсаяс, и ме тайöс ог тöдлы.

– Но öд дедкоыс сöмын вöвлы кыö көсатö?!

– Ми сылы та йылысь нинöм ог шуöй! – серампырьсь висьталіс Тоня.

Мамлы, дерт, эз кажитчы нывкалөн көсйöмыс, и сійö эз эскы, мый витаминьс вер-
мас кодкö чужны. Думыштіс сöмын – челядь дурöм. Но Тонякöд öтлаын кöдзис тусьсö
ваö. Нывка эз и вешйивлы стöкан дорсьыс. Рытланьыс гöгыльыс быдмис. Збыльыс
лоис ыджыдкодъ. И сэсь петіс – дедко. Неыджыд тушаа, гöна, тошка, кузь ныра да чош
пеля. Сійö пиньтöм вомнас паськыда нюмъевтіс нывкалы. Тоня повзьöмысла чилöстіс
да дзевсис пызан улö. А дедуш повзис горöдöмсьыс да воштіс садьсö. Тонялөн ма-
мыс шöйöвошис. Чайтіс, каститчö дедушыс. Но сэсся чунь помнас вөрöдышіс сійöс и
збыльыс – ловзя. Нывбаба садьмöдіс гөсьтö. А мöдыс öтторъя долис нывкалы көса
кыöм йылысь. Тоня эз көсйи ёртасьны дедкокöд, дурис, а мамыс öлöдана шуис, абу пö
лöсьыд кедзовтны дедкоöс, öд ачыд корин сійöс. Нывка нёжйöник велаліс дедушөн
юрси шыльöдöм-мольöдöм дорö, и найö весиг заводитісны ёртасьны. Быд асыв Тоня
баситчис рөмпöштан водзын. А став сынансö көрöбö тэчис, öд найö дойдалісны сы-
лысь юрсисö, и нывка ёна дöзмыліс на вылö!

Колины лунъяс. И дедко пондіс дышöдчыны. Мыйкö быттö сылы эз кажитчы.

¹ Дедко – (иж.) гидняын олыся.

Войнас нывкалысь то гынзёдас юрсисё, то ёна нистас. Тоня тшөкыда таысь бөрдліс. А өтчыд дедко пырис нывкалөн портфельё да тшөтш муніс школаё. Тоня эз и төдлы. Урокъяс дырйи тыдавтём олысьыд гусьёника гартіс нывкаяслысь юрсисё, тшыкөдіс мича кёсаяссё. Бөрыннас челядълөн бать-мамыс эз кужны гөгөрвоны, мый понда школаын тадз гынзё юрси. Төдіс сөмын Тоня. Но кызди шуан, думайтасны йөйөн... Нывка воис гортас да ырзёмён бөрддзис, сійё эз кёсйы, медым дедуш оліс накөд. А дедко ёна уджалөм бөрад узис портфельын, корскюрё шкоркнитліс весиг. И сэки Тонялөн мамыс шуис, колө пö дед-баблы грездö ыстыны пöсылка. Со и дедконымöс тшөтш мөдöдам гөститны. Гашкө, аддзас ёртъясöс и кольччас сэтчө.

– Мамö, а кызди нö сійё ёртöс паныдалас, миян кындзи сійöс өд некод оз аддзы?

– Тоня, олыся олысятö век аддзö. Эн төждысь, ладнö?

– Ладнö, сідзкö, сійö садьмас... и пöсылка кутам дасьтыны... – Кор дедко паляліс, нывка радпырысь шыасис сы дорö:

– Дедуш, мамö аски ыстö пöль-пöчöлы пöсылка. И сійö восьтіс меным гусятор...

– Кутшöм, кутшöм, висьтав өдйөджык! – ыззёмөн пондіс юасьны дедко.

– Грездын тэ кодь дедушыс зэв уна! Верман пырыштны пöсылка пытшкас и ветлыны на дорö гөститны!

Дедколөн синмыс югзис! И сійö радпырысь кёсйысис. Некумын лун чөж сійö муніс пöсылка пытшкын, ёна и таркөдіс сійöс. А кор баб-дед восьтісны көрөбсö, сюсь дедко чеччыштіс сэтысь да пондіс корсьны ас кодь жö дедушöс. И паныдаліс сійöс гидняын.

– Чолөм, ме карысь татчö вои...

– Здравствуй, мадааа! Прөйдит... или... но! Кутшöма воин? – шыасис гидняса олысь.

– Туйыс эз кокни вöв. Көрөбын локті да... А мый нö он көзяйкаыдлы кёсаяс кы, а тайö вöлыскöд ноксян?

– Тэ тай весиг абу карса, а быттё мөд планетаысь татчö воöмыд?! Ми сөмын вöвъяслы вермам кыны кёсаяс! Кыдз нö көть тэнö шуöны?

– Дедко ме, дедко.

– Ме тшөтш дедко. Но менам выйим ним. Менö ставөн шуöны – Кузьма Микулөн.

– Но-о! Дивö тай!

– Төдан, – торкис Кузьма Микул. – Менам вöлі ёрт – Кузьма Пань, нöшта Пантильён сійöс шулі. Тэ дзик сы кодь жö. Вай тэ лоан Кузьма Паньён? А?

– Кузьма Пань... Тэ Кузьма и ме Кузьма?

– Аха. Ми ставөн татөн Кузьма рöдысь.

– Гашкө, велала. Тэ тшөкыджыка тайö нимнас ме дорö шыась. Но?

– Аха. Кузьма Пань, вай вöлыслы видлы кöса кыны...

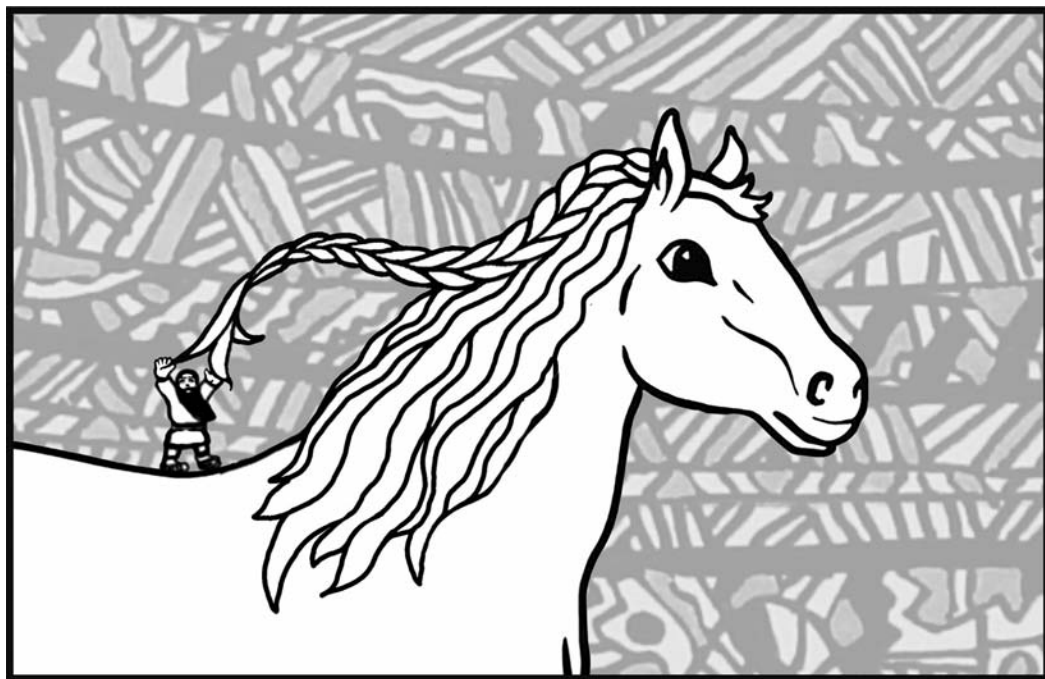
– Ой, а сійö оз чужйы менö, сэтшөм ыджыд да?! – повзьяштөмөн юалис дедко.

– Тэ өд кок улас сылы он пыр! Тэ чеччышт бурысь вылас!

Кузьма Микуллы ковмис вайны ёртыслы ичөтик сод, мөдыс некыз эз лысьт вöв вылас кавшасьны да. А кор Кузьма Пань кутіс вöлыслы кöса кыны, ок и кажитчис сылы! И рытбыд, да и войбыд на кёсаяснад ноксис. Микул нимкодясис татшөм зіль уджалысьнад да корис овмөдчыны гидняö. Пантиль ёна и радліс. Лунысь-лун выль уджыс вайис сылы шуд. А Тонялы, кор пöль-пöчыс ыстісны карö пöсылка, дедко пуктіс письмөтор. Бур, ас кадö ветліс школаё и төдмаліс шыпасьяс:

«Тоня, ме кольчча грездö. Меным вöвъяслы кажитчö кёсаяс кыны! Аттьö тэныд! Гожöмнас воы жö баб-дед дорад...

Дедко, Кузьма Пань».

Тоня мамыскөд лыддисны гижөдсө и радлісны дедко вөсна. И нывкалы окота лои өдйөджык төдмавны, мыйла дедушныс пасйысис Кузьма Паньон?!. Но та йылысь не-уна бөрынджык...

А өні Тонялы сөмын мамыс кыё көсасө, и нывка зэв шуда, өд мамлөн кийс, вөлөмкө, медся мелі.

2.

Кузьма Пань тшөкыда гижис Тонялы письмөяс. Ёти гижөдысь нывка төдмаліс, мыйла дедколөн сэтшөм аслыспөлөс ним. Вөлөмкө, Кузьма Пань – тайё Пантелеймон Кузьмич. Коми йөз пуктөны бать нимсө водзас, а сэсса сы бөрын нин ассъыс ним. Письмөас дедко велөдіс Тоняөс и коми ногөн висътасъны – Антонина Петровна, сідзкө, Петыр Тонюк. Нывка аслыс восьтіс чудө. И классын ставөс велөдіс шыасъны өта-мөд дорө коми ногөн.

Но өтчид то ли ручкаыс, то ли кабаляыс бырис, Пантиль дугдіс гижны письмөяс. И нывка кызкө тшөтш ланьтөдчис. Ставыс эськө и вермис пөрны чөвлунө, но өтик гожся асылө, кор Тоня чөскыда на узис, другысь сійөс пальөдіс пөчө-пачө². Сійө пөшти тыдавтөм вөсни кокнас ветлөдліс тытчө-татчө Тонялөн берина ныр вывті да вом-горулас мыйкө броткис и броткис. Нывка медводз думыштис – вөталө сійөс. Но кор гөгөрвоис, мый тайё ставыс керсьө вемөсас, синмыс шармис, кузь синлыскыс вына төв нырысь моз пондіс тіравны. Пөчө-пачө ачыс сибдіс места вылас татшөм серпасысь. Но кыкнанныслысь полөмсө дугөдіс енгаг. Сійө мөдіс йөктыны да шенасъ-

²Пөчө-пачө (диал.) – енгаг.

ны борднас, эз кёсйы петкөдчыны Тоня водзын полысёһ, и заводитіс варовитны нывкакөд комиһн, и рочһн, и англия кывйһн:

– Тоня, өдйөджык чеччы вольпасысь, колө мунны! Колө тэрмасыны сиктө! У дедко беда-аа... Let's go³!

– Кыдз нө сиктө өдйө мөдам? Поездыс мунө өтик вой да и нөшта лун! – шызьөмһн шуис нывка.

– Менам мышку вылын выйим black points⁴! Сөмын инмөдчан, и ми лоам сиктынөсь!

– Мый тэнад эм?

– Ой, со өд кор төдан уна кыв, сэсся и окота быд кывйһн варовитышты, медым оз вунны, дерт... Тайө сьөд чутъяс.

– Ааа... Вай видла!

– Hooray⁵! – радпырысь горөдіс пөчө-пачө.

...И со! Ывлаын буситө. Сюмөдысь вөчөм зонт улын, киас нейджыд тубраса восьлалө Кузьма Пань. Сійө сэтшөм гажтөм да эськө эз и видзөдлы Тоня вылө, эз кө нывка горөдчы ачыс.

– Пантиль, чолөм! Тэ нө кытчө мунан?

Дедуш төдмаліс гөлөссө, видзөдліс Тоня вылө да кага моз өшйис сьыліас.

– Петыр Тонюк, тэ нө кызди татчө веськаліи? Баб-дедыд тай нинөм эз шулыны воөм йывсьыд!

– Дедуш, найө нинөм оз төдны. Ачым локті татчө, енгаг вайөдіс! Видзөдлы, кутшөм сійө ичөтик да сюсь! И сёрнитны кужө!

– Hello⁶! – радпырысь чолөмасис пөчө-пачө, но век жө сайөдчыштіс дедкоысь нывкалөн платтё чукуръяс костас.

– Привет, привет... он кө шутит, – шуис енгаглы дедко.

– Дедуш, мый нө тэкөд лоис? Письмөяс дугдін гижны..

– Веськыда кө шуны, Тоня... вунөдлі тэ йылысь... өд вывті куті радейтны...

– Кодөс?

– Отчыл видлі пөжөм-нөгыльтөм йөв. Ок и кажитчис! Со и сиктса дедко вөтліс менө гидняысь... Муна... Вөрө овны.

– А кысь тэныд сьөмыс сгущёнка вылас? – шензяна юаліс нывка.

– Ме сьөмтөг чөсмаси.

– А тайө кызди?!

– Тоня, вай зэр улас огө сёрнитөй. Дзикөдз көтасям. Көть нин садйө пырам да коз улас варовитыштам, сәні и ставсө тэныд висьтала.

Дерт, Пантильлы эз кёсйыссы уна сёрнитны, сылы вөлі яндзим Тоня водзын. Отчыл сійө казяліс, кызди орчча керкаысь Макс нима детинка пес чипас костө сайөдлө сгущёнка. Бабыс сылы ньөбө, а Макс дзеблывлө, өд мамыс зонкалөн видө юмовтө сөйөмысь. Дедко эз нин отчыдысь аддзывлы детинкалысь чөсмасьөмсө! А банкатө зонка розьөдө ёсь көрт тувйөһ, сійөс Макс век новлөдлө зептас. А сэсся садйын юө сгущёнкасө. Со и дедушлы окота лои видлыны банкасысь чөскыдторсө. Сійө кыйөдчис Макс бөрся. И кор детинка бара саймовтіс радейтана местаас кельыдлөз рөма банкатө и муніс ворсны футболөһ, дедко эз воштысь. Сійө тэрыба матыстчис пес чипас дорас, но другысь юрас тувкнитіс мөвп – нинөмһн восьтыны банкатө. Дедко котөртіс гидняө. Пондіс важ пөвьясысь корсыны көрт

³ Let's go (англ.) – мунам.

⁴ black point (англ.) – сьөд чутъяс.

⁵ Hooray (англ.) – ура.

⁶ Hello (англ.) – чолөм.

тув. Вєськаліс дзик сімөм, сійөс дедуш чашнитіс да бөр воедіс банка дорас. Вөчис неыджыд розь и кутіс азыма юны сгущёнкатө. Но татөн сылы виччысьтөг кыськө воис Кузьма Микул. Дерт, сійө тшөкыда аддзывліс Максөс киас кельыдлөз банкаа. Но юрас эз воы, медым тшөтш видлыны сылысь юмовторсө. Пантиль көсийс гөститөдны ёртсө, дерт, неокотапырысь сетіс видлыны. Но, вөлөмкө, юмовыс бырөма, и сиктса дедколы вєськаліс сөмын немымын войт, а Макслы – тыртөм банка. Микул дөзмис. И та бөрын сійө чорыда висьталіс Пантильлы: «Татөн сэсся овны он кут». Тайө кывъясьыс дедколөн пытшкөсас ставыс топавліс, и сылы окота лои сетны орчаыслы сімөм көрт тувсө, сійөс позис нювны, өд сэні вөлі кольыштөма юмов войтыс. И Пантиль сөрыштіс мөдыслы, тайө пө сгущёнкаыс чупа-чупс, сійөн позьө тшөтш чөсмасьыштны. Но Микул та вылө нинөм эз шу и пырис гидняө. Дедуш пуксис му вылө, недыр видзөдіс сімөм көрт тувыйыс чупа-чупс вылас да азыма нюлыштіс ачыс. А сэсся тшөтш пырис гидняө, чукөртіс сынанъяссө, пуктіс неыджыд тубрасө да петіс туйө. И туйыс вермис лоны сьөкыдөн и кузьөн, но Тонялөн воөмыс югзьөдіс шонді көчильөн дедушлысь сьөлөмсө. Дженьыд висьтасьөм бөрас дедко юаліс нывкалысь:

– Тоня, а кыдзи эськө тэ вөчин?

– Меным зонкасө жаль. А мамө кө төдмаліс – видіс...

– Сідзкө, менө пиняв...

– Ме өд тэныд абу мам.

– You invented him⁷, – шуыштіс нывкалөн платтьө чукурысь мыччысьөм енгаг да бөр дзебсис.

– Тоня, тайө енгагыс мый шуис? Мыйкө сійө меным оз кажитчы. Асьсө иностранечөн лыддьө.

– Прөста сійө төдө уна кыв. И ставыс юрас гудрасьөма. А өні пөчө-пачө шуис, ме пө өд тэно думышті. Со и колө мөвпавны...

– Ладнө, Тоня... Эн скөрмы ме вылө... А ме муна вөрө овны...

– А тэ он пов?

– Ог, ме нинөмысь ог пов.

– А ме тэно некытчө ог лэдз. Вөрас, бабө важөн висьтасьліс, олө вөрсә.

– Сійө ме кодь жө дедко? – радпырысь юаліс дедуш.

– Абу. Тэ вивті жалькойд. А вөрсәыс мисьтөм, сылөн синлыс ни синкым абу, ачыс табъя кока... Төдан, а нөшта вөрас сылөн вийим сән. Сән быдмөны джуджыд коз пуяс. Шуөны, вой пуксигөн медся ыджыд козыйс заводитө дзуртны, көть ывлаас чөв-лөнь. Тайө, вөлөмкө, вөрсә өшөдө потансө коз лапйө да лайкөдө асьыс кагасө...

Тайөс шуөм бөрын ёна гымыштіс. Тоня дзумгис дедкоөс киняулас да котөртіс садйысь. Пөчө-пачө тіралөмөн мыйкө лыддьөдліс вомгорулас. Но нывка весиг сёрнисө эз кывзы. Сійө төдіс: гымаліг-чардалігөн оз позь лоны гырысь пуяс дорын, чардбиыс быть вермас вочкины сэтчө.

Нывка сулаліс баб-дед керка дорас, сійө эз лысьт петкөдчыны налы. Тоня чунь помнас босьтіс платтьө чукурьяс костысь енгагөс, инмөдчис руль кодь сьөд чутас да сөмын и вермис шуны: «Бөр вольпасьө!»

И Пантиль, и пөчө-пачө, и Тоня лоисны вольпасыын. Дедуш шлюд ва паськөмнас воедіс кухняө, медым пузьөдны тшай. А нывка мөвпалана видзөдіс енгаг вылө и эз лысьт инмөдчыны сылөн сьөд чутө, но сылы вөлі зэв окота, мед налөн ичөтик патераын овмөдчис ыджыд вөв. Абу кө вөв, көть нин чибө, кодлы эськө дедко кыис көсаяс. Но Петыр Тонюкөс мыйкө кутіс...

⁷ You invented him (англ.) – тэ өд думыштіс сійөс.

3.

Нывка муніс душö мыссьыны. А енгаг лэбис кухняö. Дедуш юис исаньтурунысь тшай и синсö лапниттöг видзöдіс öшиньö. Мыйкö сійöс майшöдліс. Пöчö-пачö кужис лыддьыны мөвпъяс, кöть и некодлы та йылысь эз висьтавлы. Сійö аддзис: дедколы оз кажитчы овны карса патераын. Дерт, унаторйын Пантиль вöлі мыжаөн сиктса дедко водзын. И Макс йылысь мөвпавліс. А медся ёна гажтöмтчис вöвъясысь, весиг кийс лудіс, кор думыштіс на йылысь. Но эз лысьт бөр гидняö локны. А нöшта енгаг аддзис: дедко ёна кöсйö сылысь корны вöлöс. Но оз тöд, кызди сёрнисö заводитны. Пöчö-пачö торкис сылысь гуся думъяссö да шуис:

– Тöдан, вöвтö тэд ог вермы козынавын.

Дедко гөгөрбок видзöдліс, юрсö гыжъялыштіс... Сійö чайтіс: ёна думайтöмсьыс, гашкö, юрсиас нин гартчисны мөвпъясыс и лоины тыдаланаöсь.

– Тэ кысь тöдан, мый кöсья тэнсьыд корны? – скöрмöмөн юаліс дедко.

– А вот и тöда. Но тэныд ог висьтав. Ог козынав вöвсö... сійöс ковмас дöзьöритны, ытшкыны сылы турун, вердны нурийөн... Абу сöмын кöсаясад делöйс...

Пöчö-пачö вермис дыр на петкöдлыны ассьыс тöдöмлунсö вöв йылысь. Но дедко сійöс быттö эз нин кыв, видзöдлассö вештывтöг мыйкö кыйис енэжсьыс. А сэсся тэрмасöмөн шуыштіс сылы:

– Тöдан, а вöвтö тэ меным козыналан!

– Шуи жö – ог! – дöзмöмөн вочавидзис пöчö-пачö.

– Тэ меным козыналан енэжвывса вöв!

– Збыльысь, дедко, тэ йöй!

– Гашкö, и неуна! Вай жö кутчысьла волшебнöй сьöдіник чутад...

– Тэ вывті наян, тайö меным оз кажитчы!

– Ставсö ме гөгөрвоа. Но ог вермы карса патераын дыр овны.

– Ладнö. Сідзкö, вöчам со кызди! Енэжса вöвсö прöста ог сет. Колö кутны сійöс...

– Вай ассьыд бордьястö... кöть нин недыр кежлö... – торкис дедуш.

– Бордöс тэныд ог вермы сетны. Öшинь улысь аддзи дедьюр⁸. Сійö, гашкö, и лэбзьöдас тэнö вöвла...

– Стрöг жö тэ, енгаг... А енэжвывса вöлыс пондас менö аддзыны? Ме öд сöмын не-кымынлы и тыдалана.

– Ок и сюсь жö тэ! Вöча тэд ичöтик козин. Со эм менам зарни пульт. Тані сöмын öти кнопка. Кор кöсьян лоны тыдавтöмөн – личкыштан сэтчö. А öнісянь тэ ставлы тыдалана!

– Аттьö, пöчö-пачö. Ме муна... Вай кöть сывйышта тэнö...

Сывъялігас дедко тапöдыштіс енгагöс мышкуас. И сэки пöчö-пачö думыштіс: öні тэ крепыда ланьтан, и ставсö, мый вöталан, вемöсөн пондан чайтны...

4.

...Пантиль унмовсис. И вöталö – босьтіс пызан вылысь нянь шөрöм, пуктіс сійöс зептас, а сэсся личкыштіс зарни пультлөн кнопкаас и вошис. Пöчö-пачö видзöдыштіс на öшиньö, аддзис, кызди дедко бөрйис медся пушыд дедьюрсö, оровтіс сійöс. А тöвруыс отсаліс кыпöдчыны енэжö...

Тоня петіс душись, аддзис узысь Пантильöс. Нывка нуис сійöс вольпасьö. Енгаг англия кывйөн мыйкö шöпкөдіс дедко дорын... Тоня думыштіс: «Пöчö-пачö – бур мой-дысь...» Сійö гартчис шоныд пледö да кутіс лыддьыны небöг...

⁸ Дедьюр – вижюр.

5.

Дедко көтө и бөрйис медся бур йёлатурунсө, но небыд гөнсө сылысь летіс төвруыс, и дедуш пуксис вөрө. Дерт, сійө повзис. Ӧд төдіс вөрсә йылысь. Но асьсө лөньөдіс зарни пултөн. Вот паныдалас кө, шуам, вөрсәс, личкас кнопкаас и дзебсьыштас сыысь. Кузьма Пань пондіс восьлавны векньыдик ордымті. А кытчө – ачыс эз төд. Но сійө гөгөрбок видзөдіс. А сәсся сылөн кутіс кольмыны юрыс. Дедуш пуксис веськыда керч вылө. Но сійө эз төд, мый тайө. И регыд мысти дуксьыс дзикөдз висьмис юрыс. Пан-тиль эськө дыр на пукаліс зынтурун вылас, эз кө петкөдчы сьөд пон. Дедко чеччыштіс места вывсьыс. А пон увтыштіс да шуис сылы:

– Тэнө воз сөйө?

– Коді нө сійө?

– Тэ сэтшөм нин олөма и он төд, мый сійө возйыс?

– Кысь нө ме төда? Неважөн на чужи да.

– Но-о! Тэ тай, вөлөмкө, древенсьөма нин, – вомгорулас броткыштіс пон. – Воз – тайө ичөтик лёк бобув, сійө радейтө сөйны паськөм, шуам, тәнсьыд визя гачтө, мича дөрөмтө... А керч дуксьыс найө ок и ьна полөны. Кольмөны, а сәсся и кувсьөны найө. А тэнад, гашкө, паськөмыд вежны абу, да сійөн и вөрас локтін, медым пукалыштны тайө турун вылас да вины возсө?!

– Тэ нө мый? Ме ачым первойысь вөрын. Сөмын вөрсә йылысь кывлі. А сәсся нинөм и ог төд...

– Збыльысь, выжыласьө... – жальпырысь нин вомгорулас шөпкөдіс пон. – Ладнө, көтө чөж нин висьтась, кытысь тэ, мый вөрас вөчан.

– Кузьма Паньөн менө шуөны. Вөвъяслы любита көсаяс кыны. Сөмын вөлыс менам өні абу. А вөрас веськалі вичысьтөг. Дедьюрөй жугалис. А сідз лэби ме енэжса вөвла, тәлөсь чөж нин сыла небесаас кайи. А тэ кодлөн? Кыдзи нимыд?

– Хм... Ме – Вулкан. Менам көзяинөй вөрсә.

– Со өд вөрсалөн понкөд паныдаси, – повзьөмөн содтіс дедко.

– Ме важөн нин көсья пышйыны сы дорысь.

– Оз верд али мый?

– Сійө зэв скөр. Көзяинөй вермө пөрны ошкө, вына төв нырө...

– А-а-а. Сідзкө, тэнад скөр көзяиныд менам дедьюрысь аслас төв нырөн и летіс став гөнсө. Ок и ме өні сылы петкөдла!

– Ув-ув-ув! Ланьт! Сійө кө кылас сёрнитө, тоштө гартас пуө, и ковмас нэмтө татөн овны.

– Эн повзьөдлы менө, петкөдлы, көні вөрсалөн керкаыс...

– Сылөн керкаыс – дзоньнас вөрыс. И сійө кө окотитас – сэтшөма бергөдлас тэнө вөрөдыс, весиг нимтө вунөдан. Мудзи ачым сыысь. Отсав меным пышйыны...

– Вот тэ сэтшөм тешкодь. Повзьөдлан көзяиннад, а сәсся шуан, медым пышйөді тэнө.

– Отсав меным...

– Ладнө. Висьтав, мый колө вөчны.... – зепсьыс нянь шөрөм кыскөмөн висьталіс дедуш.

– Сөмын няньтө эн на сөй! – горөдіс пон.

– Ме тшыгъялі. Тэ тшөтш нянь сөян?

– Гөститөд менө, и ме вөрсәысь мына.

– О, ме думайті, ковмас тышкасьны көзяиныдкөд. А вөлөмкө, няньөн колө вердыштны тэнө.

Дедко сетіс нянь шөрөмсө Вулканлы. И понйыс кокниа лолыштіс, өд важысянь төдіс – сійө оз нин вөрсалөн ло, няньөн кө вердас сійөс кыйсьысь. А дедко нинөмөн вөрәлысьысь быттьө эз торъяв. Сөмын, дерт, пищальтөг ветлөдліс. А сәсся Вулкан и висьталіс сылы, мый отсалас кутны енэжса вөлөс.

– Но мый, Кузьма Пань! Пуксы мышку вылам, и ми каям енэжас!

Дедуш чечыштис пон вылө, кутчысис сылөн чорзём гөнө. Вулкан медводз воедыштис, а сэсса другыс сунис енэжас. Найө веськалісны отасыс-ота видз вылө. Сэні ставыс вөлі муыввса кодь: быдмис турун, чветьяс, ылын тыдалісны пуяс... Но видз вывті эз позь прөста муныштны либө котөртиштны. Мыльк вылө кодөнкө вөлі пуктөма кымөръясыс вурөм сапөг, и пими, и весиг шпилькиа тупли. Орччөн куйліс дзоляник кабала. Сэтыс дедко да пон лыддисны гижөд: «Көмась. А он кө, гашкө, лэбачьяс сетласны бордьяс. Но сөмын ас вылад надейтчы». Тайө став көлуйыс кольөма, сідзкө, мед он гымгыс му вылө. Пантиль да пон өдйө и көмасисны. И сэтшөм тешкодь, кор көмыс веськаліс кокас, ыдждаыс тшөтш пондіс лөсявны, көть и медводз кажитчис ыджыдөн. Дерт жө, Вулканлы кокас дөзмөдчисны сапөгьясыс – кельыдлөз рөмыс ёна торьяліс сылөн модной пасысыс. Кык өрт ёна войлісны-ышмисны енэжса видз ылын. Но другыс гөгөрбок ставыс пондіс рудмыны, ылісянь кыліс буалөм. И сөмын гөсьтьяс көйисны саймовтчыны пуяс костө, синйисны кык еджыд вөлөс биа телегаөн, сэні пукаліс пөль. Кор сійө аддзис видз вылыс төдтөм гөсьтьясөс, шыасис на дорө:

– Мый тані ті вөчаннөд?

Дедко став полөмсө йөжгыльтис ас пыткас да вочавидзис пөльлы:

– Ми корсям еджыд вөлөс. А тэнө кыдзи шуоны? И мый телегаыдлөн көлесаыс сэтшөма грымакылө? Гашкө, отсөг тэныд колө. Вермам видлыны лөсьөдны телегатө.

– Вывті тэ мыйкө сёрниа... Төдан-ө, талун кутшөм лун?

– Ог, ог төд.

– И понйыд оз төд? – стрөга юаліс пөль.

Вулкан мөвпалыштис и тувкнитис Пантильлы кельыдлөз сапөгнас, мөдыс кыйкнитліс сы вылө, и понлөн шызём видзөдласыс сійө гөгөрвоис – оз позь уна варовитны. И сэки дедколөн синмыс тырис шемөсөн. А Вулкан вочавидзис пөльлы:

– Тэ прөстит мяняөс, Илья Пророк. Ми регыдөн мунам...

– Эг дөзмы ме.

– Прөститөй... – шуис Пантиль. – Ми бөр лэччам му вылө! Мыйкө жар меным лои. Колө купайтчыштны!

Сьөд пон дөзмис да эралөмөн сатшкысис пиньнас дедколөн гачө.

– Эн вөрөд сійөс... – шуис пөль. – Төдан, талунсянь оз нин позь купайтчыны. Талун быд тыын, юын ваыс куліс, лои гудырөн. И ваө пырөны быдсяма мутиыс... Талун кутас зэрны и ёна гымавны. Со нин дасыті ме биа ньөвьяс...

– Ме та йылыс, Илья Пророк, эг и төдлы. Ме өд сөмын неважөн на чужи...

– Эн врит нин... – шуис Вулкан.

– Ог сөр. Ми өд дедкояс – вөвлы көса кысыс – чужам пөрысьөн нин.

Пон видзөдіс дедко вылө и сөмын вермис чуймавны. А Илья Пророк гөгөрвоис Кузьма Паньлыс майшасьөмсө да шуис, енэжса вөвьясөс пө некор он кут, өд кымөрьяс-вөвьяс котөртөны өдйө.

– А мый нө тэ муыввса вөвьясыдлы көсаяс он кы? – юаліс Илья Пророк.

– Менө гидняыс вөтліс сиктса дедко.... Мыжа ме сы водзын, төда. Но ог вермы матыстчыны сы дорө.

– Мыйла?

– Тшөтш скөрала сы вылө...

– Позьө нэмьяс чөж скөравны... Сөмын мый вылө? Коді таыс шудаджык лоас? – мөвпалана шуис Илья Пророк. – Миритчөй, сэки и вөлыд лоас, и радейтана көсаястө пондан кыны. А меным колө тэрмасыны...

Дедко нинөм эз шу, Пророклы сөмын өвтыштис кинас. Но сійөс мыйөнкө вөрзёдіс

вежа пöльлөн шуöмыс. И дедко думыштiс: му вылö бөр лэччам – сэнi и вочакывйыс воас. А понйöс видыштiс косяссьöм гачысь, да и бара на, кор Илья Пророклөн телегаыс пöшти нин бырис син водзысь, но позис на синйыны сийöс, Пантиль жалитöмпырысь висьталiс ёртыслы:

– А телегаас көлесасö вежны быть колiс, вывтi ёна gryмакылö...

– Лэччам нин вай му вылö, вöвтö тась ог кутöй... – вöзийис Вулкан. – И сапöгъяснымöс бөр колям мыр вылö, гашкö, кодкöлы ковмасны на...

Кык ёрт чеччыштiсны енэжысь и бөр веськалiсны вөрö. А сэнi шувгис-шутьялiс төв, пуясысь чегъясисны чальяс, ставыс рутша-ратшакылiс. Тайö вöрсä тадз корсис ассьыс понсö. А гашкö, сийö эз öтнaс вöв. Гашкö, уна вöрсä дикалiс. Öд Вулкан – зэв ныриса пон. И ачыс кө дедко тшöтш воштiс сийöс, дерт, эськö корсис. Но öнi Пантиль сэтшöма повзис вöрсäысь – зепсыйс кыскис зарни пулт, личкыштiс кнопкаас, и найö лоины тыдавтöмöсь. Здукөн петiсны вöрысь, водзвыланыс воссис паськыд видз. И найö гөгөрвоисны – некöнi татшöм мувыв мичыс абу. Oz ков сапöгасыны, котöрт көмтöг, радуйтчы и некытчö он гурскысь...

6.

Ёртъяс восьлалiсны ытшкöм видзтi, корсюрö видзöдлывлiсны енэжö – оз-ö петкöдчы нöштаысь Илья Пророк?! Но енэжыс туис рудсьыс-руд кымөръясөн... и збылысь, сынöдыс лои ыркыдджыкөн... Пантиль пуксис видз шөрö, Вулкан – орччөн... Найö виччысисны зэр...

А тайö кадас Петыр Тонюк и пöчö-пачö öта-мöдлы висьталiсны тешкодъ лоöмторъяс. Корсюрö видзöдлывлiсны дедко вылö. Ок и чöскыда сийö узис... А сэсся Тоня бара на и енгагöс тыртiс юалöмъясөн.

– Пöчö-пöчö, а мыйла эськö мышку вылад эмöсь чутъяс?

– Мукöдыс думайтöны – кымын чут – сымында арöс. Но тайö абу тадз. Ыджыд мамöй висьтавлiс: «Важөн-важөн олöма-вылöма енгаг – мисьтöминик да руд. Некод абу и видзöдлывлöма сы вылö. Ёна майшасьöма енгаг. Но öтчыд шондi югөр малыштöма сылысь мышкусö. Пöчö-пачөлөн сьölöмыс ойдöма шудөн. И мөвпыштöма енгаг: быд пуысь пондас весавны пытшъясöс. Тадзи лунысь-лун уджалöма. Быд кор весиг аттьöалöма сийöс. Пöчö-пачö радлöмсьыс сэтшöма шöйöвошöма... ве-сиг гөрдöдöма. А пуыс тшöтш вöчöма сылы козин, рисуйтöма гөрд платтьöас сьöd чутъяс! Тайö вөлöма зэв мича!» Сийö кадсянныс и новлам ми татшöм ярьюгыд платтьö.

– Пöчö-пачö, тэ шань мойдысь! Окота тэнö кывзыны и кывзыны. Сöмын дедко вöсна тöждыся. Мыйла сэтшöм дыр сийö узьö?

– Исаньтурунысь тшай юис. Со и узьö. Регыд, гашкö, садьмас.

Сöмын енгаг тайöс шуис, и Пантиль пондiс тильны синсö. Аслас жö кийс и пальöдiс. Кор дедко аддзис Тоняöс да пöчö-пачöс, сöмын и артмис горöдны: «Вулкан!» Енгаг тöдiс ставсö Вулкан йылысь, а нывка нинöм эз гөгөрво. Сийö думыштiс, мый Пантиль вöталiс вулкан. Но сэсся дедуш бара на шуис: «Кытчö каринныд понйöс?!» И сэки пöчö-пачö висьталiс – некутшöм пон татөн абу, сийö лоас коркö... бöрыннас.

– Тэ мый бара чудитан! Вулкан – менам ёрт. Кысь öнi корсьны сийöс?

– А мый эськö сьölöмыд шöпкөдö? – юалiс сылысь енгаг.

– Вай инмөдчыла съод чутад, колö веськавны сиктö.

– Энö тэрмасьöй. Талун рытнас мамö нуöдö менö дед-баб ордö.

Мунам öтлаын поездöн, – висьталіс Петыр Тонюк.

Пöчö-пачö и Пантиль лоины радöсь. И рытланьыс поезд тэ-
рыб вöв моз нуис найöс сиктö. Ок и шудаöсь вöліны дед-баб,
öд сэтшöм дыр нин эз аддзывлыны нучкасö. А тайö кадö дед-
ко котöртіс гидняö. Сэні быттьöкö нинöм абу и вежсьылöма.
Кузьма Микул важ мозыс кыис вöвъяслы кöсаяс. А кор аддзис
Пантильöс, дрöгмуніс. Дедуш кыв шутöг сывъяліс Микулöс да шöпкöдіс
сылы: «Прöстит ставсьыс...» Кузьма Микул шöйöвошис. Но сэсся артмис жö во-
чавидзны:

– Вöвъяс гажтöмтчисны тэысь... Верман кöсаяс кыны.

Кузьма Пань нюмдіс. И гөгөрвоис – татысь сэсся некытчö оз мун. Но сійöс
майшöдліс Вулкан. Да эз лысьт висьтавны Микуллы аслас выль ёрт йылысь...

Другысь гидняö пырис Тоня, моздорас вöлі дзoляник съод пон. Кор понйыс аддзис
дедкоöс, увтыштіс, бöжнас лашшитчыштіс. Кузьма Пань босьтіс сійöс Тоня дорысь и
сибöдіс морöс бердас, сöмын и вермис шуышны: «Менам Вулкан, менам». Съод пон
нюлыштіс дедушлысь бан боксö. А Петыр Тонюк тшапа шуис, мый тайö сылөн дедыс
вöрысь аддзöма понписö да вайöдöма гортö.

Кузьма Пань татшöм шудаён асьсö эз на кывлы. Сійö радпырысь кыис вöвлы
кöсаяс, Вулканкöд котраліс. Но кор аддзыліс Максöс – яндзим босьтіс. Сэки дедуш
личкыліс зарни пулытлөн кнопкаö и вöлі тыдавтöмөн. Сійö тöдіс: тадз век оз вермы
лоны. Öтчыд дедуш матыстчис пöчö-пачö дорö да корис сылысь öтсöг.

– Отсалышт меным, бордъя волшебница! Меным Макс водзын яндзим. Тэ öд тöдан –
сгущёнкатö тай сэки...

– Помню, помню... А мый ме верма вöчны?

– Съод чутъяс тэнад эмöсь... Тэ верман чудитны татчö сгущёнка! А
Тоня мед корас зонкаöс гөститны. Ми дасьтам садйын пызан вылö
юмовторсö, да и тöрыт вöрысь дед-баб вайисны уна чöд. Вотöсыс сгу-
щёнканас ок и чöскыд!

– Ладнö, отсала тэныд. Сöмын мöдысь Максöс эн
дзескöд.

...Ывлаын вöлі нин ар. Шондіа да шоныд. Пуяс вы-
лысь гылалісны коръяс. Садйын пызан сайын пукаліс-
ны гидняс дедкояс, Петыр Тонюк, пöчö-пачö, Вулкан
да Макс. Найö чöсмасыны сгущёнкаөн. Зонка
сэтшöма радейтö сійöс, ыджыд паньөн и уд-
жаліс. А нöшта сійö помтöг чуймаліс дедко-
яс да уна кывйөн сёрнитысь енгаг вылö.
Макслы тайö ставыс вöлі шань мойдөн.

А Кузьма Пань юмовторсö сөйигмоз
тшöкыда видзöдлывліс ёртъяслань.
Сьöлöмыс сылөн тырис муслунөн. И сійö
стöча гөгөрвоис, мый радейтöмтöгыс му
вылас некыдз, öд сійö лолыдлөн
пыж и пелыс. И кымын унджык
муслун сетан орччалы, сы-
мын и пыжыд ыджыдджык.

«АРТИКА» НУӨДНЫ ОТСАЛІС ЧУДЬ

Октябр пансигөн «Арт» журнал пасйис Ёртасян керкаын кызь во тырём. Та могысь нуөдіс творчествоа мастерскөйяса фестиваль. Талун ми видзөдлам сцена мөдарладорө, сёрнитыштам режиссёр Александр Кольчуринкөд, сылөн отсасьыс Катерина Мосовакөд да төдмалам «АРТИКА» фестиваль котыртанногсө.

– Тіян кыкнанныдлөн уджыс йитчөма сценкаөд: уджаланныд Искусство гимназияын, пуктанныд челядькөд спектакльяс, велөданныд. А корсяньджык пондінныд котыртны «АРТИКА» сяма фестивальяс?

Александр. Отлаын ми уджалам воысь дырджык. КГПИ-ын велөдчигас нин Катя нуөдліс выпускнойяс, концертяс, ворсіс КВН-ын. А ме пуктөмторьяссө збыльмөда 10 во гөгөр нин. Пансис ставыс СГУ бердса «Мост» театрын, сэні ме оформиті Роберт Том серти «Восемь женщин, или искушение игрой» спектакль. Ме век радейта «кардиналитны», сцена вылын ворсөм дорысь. Да и Катя тшөтш.

– Кыдзи төдмалінныд фестиваль нуөдөм йылысь?

Катерина. Карыс миян абу ыджыд. Фестиваль пуктысьыс абу жө уна. Искусство гимназияса велөдысьяс да мастерьяс пыр миянлы вөзйөны уна сикас удж. «Арт» йылысь төдмалім нималана режиссёр, журналлөн важся ёрт Виктор Напалковсьянь. Сійө и вөзйис миянлы, томъяслы, видлыны выннимөс. Да и фестиваль нуөдөмыс миянлы воө сьөлөм вылө.

– Кыдзи чужис фестиваль сюрёсыс?

Катерина. Редакция вöйис мероприятие нуоданног да площадкаяслысь темаяс. Мукöдторйис – кыдзи асьным көсьям. Зэв унатор босьтiм «Артысь»: Галина Бутырева-лысь да журналын йöзöдчысь коми поэтыяслысь образъяс, кывбуръяс.

Александр. Ми видлiм öтүвтны мастер-классъяс да юбилей концерт. Медшöр могнас лои соровтны мöвпъяс да сьöлöм кылöмъяс... кыдзи журнал пасын – лабиринтын, быдöн вермис аддзыны ассьыс туй. «АРТика» дырйи ми вöйим гöсьтыяслы вöйтчывны творчествоö, туялысьлөн мöвпсямö да мичöн нимкодьясьмö.

Сценаывса уджалысьяс – Искусство гимназияын велöдчысьяс – пасьтасисны чудьö – коми предание-легендаса важ йöзö. Аслыспöлöс декорацияс вöчисны Юрий Лисовский серпасъяс серти Коми Республика искусство колледжын велöдчысьяс. Налөн уджөн веськöдлiс ачыс художникыс.

– Унаён пасйисны фестиваль нуöдысь Надежда Изюмскаялысь уджсö. Кутшöм вежöртас сы образлөн?

Александр. Надежда Николаевна, Коми Республикаса почётнöй уджалысь, – ме-нам велöдысь, туйдысь и бур ёрт. Ми уджалам сыкöд важөн нин, и быд мероприятие артмö бура. Танi сiйö нуöдiс йöзöс лабиринтöд.

– Сэтшöм нималана да тöдчана журнал нуöдiс мастер-классъяс. Кыдзи эськö асьныд донъялiнныд уджсö?

Катерина. Думайтам вöли вöчны ыджыдджыктор. Первойсö көсйим нуöдны фестивальсö эгö öти лун, а некымынöс либö жö асывсян рытöдз. Но и татшöм ногөн артмис лöсьыда. Мöд во мянлы эськö окота вöли уджалыштны ыджыдджык формаөн

Александр КОЛЬЧУ-РИН – режиссёр-постановщик, костюмъяс серти художник, Коми Республикаса Юралысь бердын искусство гимназияса театр юкöнын велöдысь, Сыктывкарса челядьлы музыкально-хоровой школаын велöдысь.

Екатерина МОСОВА – Коми Республикаса Юралысь бердын искусство гимназияын искусство да театр история велöдысь, культура колледжын да «Радужка» школа-студияын велöдысь.

да нуюдны фестиваль нуодан кадсö. Кутам лача, татшöм мероприятиеыс лоас Комиын бур традициян.

– Ме тöда, мый тi зiяанныд нöшта «Ордым» театр-студияын, тыдовтчылö-ö «АРТика» сюрöсыс сы уджын?

Александр. Театр – öтувъя искусство, асланым пунктöмторъясын ми йитам шылад, кыв, йöктöм... Искусстволысь став сикассö. Тадзи вöли и «АРТика» дырйи – öтилайн уджалiсны туялысьяс, серпасалысьяс, поэтыяс, музыкантыяс.

Некымын во сайын миян чужис «Енэжтас» – поэзия театр. Медшöр нырвизыыс – художествоа кыв. И кольöм во ми шуим вöчны «Енэжтасысь» этнотеатр, кодi мыджсьö уджас коми да и мукöд войтырлөн этнография вылö.

Катерина. Татшöм ногөн ми видлалам культурасö, кызиджык артмис войтырлөн искусствоыс. Ме кöсья, медым спектакль артмöдiгөн челядь гöгөрвоисны, мый быд войтырлөн история кутö культура, кыв, костюм сöвмöмлысь кад.

Александр. Катя кызди культуролог, искусство да театр история велöдысь шуис сöвмöдны сэтшöм нырвизь, кызди праздникяслысь календар. Сiйö висьталö налы, кутшöм гажъяс эмöсь войтыръяслөн да мыйкöд найö йитчöмаöсь. Öд быд войтыр олiс гажсянь гажöдз, öти кадколастянь мöдöдз. Уна культураын тайö праздникясыс öткодьöсь и мунöны öти кадколастö. И Катерина Николаевна урокъяс дырйи челядь тöдмалöны гажъяслысь тöдчанлунсö, асьныс гижöны рефератыяс, лöсьöдчöны практикуйтчан урокъяс кезлö. Бöръяпомыс босьтöм тöдöмлун вылö мыджсьöмөн велöдчысьяслөн творчествоын чужöны яръюгид образяс.

– Кутшöм проектяс тiянылысь ми аддзам матысса кадö?

Александр. Öни ми дасьтам видзöдысьяслы шылада пунктöмтор – «Рикки-Тикки-Тави», сiйöс петкöдлам 2018 вося февральын. Петкöдчöмыс мунö Индияын, та вöсна ми тöдмасым индияса костюмъясөн, шыладөн, йöктöмөн, серпасаян искусствоөн, медым тайö лоас оз мукöд театрын моз стилизациян. Катя пыр пасiйö детальяс серти менсьым стрöглунöс. Корсюрö та понда вошö уна вын да кад, но ме ог вермы уджавны мöд ног. Тайö чиглуныс вуджис меным мамсянь, сiйö костюм серти мастер и терпитны оз вермы кикурöда уджалöм да стилизация (Тамара Кольчурина – Коми Республикаса декоративно-прикладнöй искусство мастер котырö пырысь – авт.). Аслас уджын мамöй стöча петкöдлö коми войтырлысь костюмсö. И тайöс жö ме кора челядьсянь – стöчлун. Кызз сэни «Служебнöй романын»? «Статистика не терпит близительности». Театр – оз жö. Оз позь босьтны кузь юбка, вурны сы дорö идзас да шуны: татшöмөн вöли индонезияса костюм. Челядь öд ставыслы эскöны, и став шуöм-петкöдлöмыс налы пуксьö юрас. Ми велöдам найöс гöгөрвоны мичсö.

– Эм-ö кöсiйöм лöсьöдны ассыныд театр?

Александр. Мövпыс уна. Кушöмöскö öни артмас збыльмöдны. Кутшöмöскö оз. Но нинöм вылö видзöдтöг тöда: Катя век отсалас меным. Кута лача, мый миянöс виччысьö «Арт» журналкöд йитчöм уна лöсьыд проект.

*Сёрнитiс Софья ТЫРОН.
Фотоыс Андрей ФЕТИСОВЛÖН.*

Журналлөн редколлегия:

Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

20 ЛЕТ ВМЕСТЕ

Заканчивается 2017 год. Прошло ровно 20 лет со дня выхода первого номера журнала «Арт» (Лад). Низкий поклон всем, кто стоял у истоков нашего издания, благодаря кому он крепко стоит на ногах по сегодняшний день:

- **Юрию Алексеевичу Спиридонову**, первому Главе Республики Коми;
- членам правительства тех лет: **Алексю Кимовичу Конюхову, Алексею Семёновичу Безносову, Александру Павловичу Боровинскому, Николаю Николаевичу Герасимову;**
- депутатам Госсовета РК: **Валерию Петровичу Маркову, Ивану Егоровичу Кулакову;**
- руководителям «Севергазпрома» тех лет: **Василию Григорьевичу Подюку, Анатолию Алексеевичу Захарову;**
- руководителям СЛПК **Михаилу Юрьевичу Магию;**
- Ухтинскому государственному техническому университету и лично **Николаю Денисовичу Цхадая и Дмитрию Безгодову;**
- руководителям Усинского, Удорского, Ижемского, Усть-Цилемского, Усть-Вымского районов разных лет;
- гимназии искусств им. Ю.А.Спиридонова;
- Обществу М.А. Кастрена (Финляндия);
- всем библиотекам и библиотекарям, особенно – Национальной библиотеке Республики Коми.
- Спасибо за добрые напутственные слова, а это так важно, особенно в начале пути, – Патриарху Московскому и Всея Руси **Алексию II.**
- Спасибо **всем нашим авторам и всем нашим читателям!** – в республике и за её пределами...

Всем, кто когда-то работал в журнале, вместе с журналом! И кто работает сегодня! Это не только собственно сама редакция, но члены наблюдательного совета, и члены Попечительского Совета, – всем нашим друзьям и сподвижникам низкий поклон!

Это благодаря вам журнал «Арт» (Лад) родился, живёт и верим – будет жить!

Г.В. Бутырева,
Председатель Попечительского совета журнала «Арт» (Лад)
(гл. редактор журнала «Арт» 1997–2014 гг.)

АРТ_{ЛАД}

АЕТ ВМЕСТЕ

